

A detailed illustration of a steampunk train engine, viewed from the front. The engine is primarily gold and brown, with a large central boiler and two prominent headlights. It is surrounded by a complex network of gears, cogs, and mechanical parts in various shades of brown and grey. The background is dark, making the metallic components stand out.

АНАСТАСИЯ ОРЛОВА

УВЕЧНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Анастасия Орлова

Увечные механизмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68829645

SelfPub; 2023

Аннотация

Запасы топлива в стране иссякли, но живые паровозы работают на энергии пробуждающих. Однако секрет создания этих локомотивов исчез вместе с учёным и его экспедицией много лет назад. Сурьма – талантливая и амбициозная пробуждающая, но служит в мастерских обычным диагностом. Она мечтает разгадать секрет живых паровозов, но вынуждена скрывать тайны своей семьи и готовиться к свадьбе. Привычный мир даёт трещину с появлением нового напарника, за которым по пятам следуют и неприятности, и приключения...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	61
Глава 7	71
Глава 8	88
Глава 9	100
Глава 10	109
Глава 11	117
Глава 12	136
Глава 13	147
Глава 14	156
Глава 15	166
Глава 16	185
Глава 17	196
Глава 18	207
Глава 19	217
Глава 20	232
Глава 21	241
Глава 22	248
Глава 23	255

Глава 24	263
Глава 25	275
Глава 26	291
Глава 27	299
Глава 28	305
Глава 29	311
Глава 30	320

Анастасия Орлова
Увечные механизмы

Глава 1

– Разве нельзя найти кого-то... м-м-м... так скажем: кого-то, с кем отношения будут более уместны, и их не придётся скрывать?

Опустившись на колени перед паровозной топкой, девушка раскрыла на полу небольшой чемоданчик, набитый разноцветными проводками. Часть из них была смотана тугими кольцами, а часть тянулась к паре лежащих там же прорезиненных перчаток и крепилась к нашитым на них металлическим пластинам.

– Что она тебе далась? – Она подняла глаза на молодого человека, устроившегося в кресле машиниста, и сощурилась от бьющих в окно лучей ослепительного майского солнца. – Горничная как горничная, бывают и получше!

– Сердцу не прикажешь, – ответил парень, – и мне дела нет, какая из неё горничная, ведь люблю я её не за это.

– Любишь? – наострилась Сурьма, ухватившись за случайно вылетевшее слово, словно терьер за мелькнувший в норе лисий хвост. – Серьёзно? Правда – любишь?! Вот прям по-настоящему? И с чего ты взял, что это не просто волокитство, как с другими? Что ты чувствуешь, когда ты с ней?

Парень усмехнулся и чуть покраснел. Он не был стыдлив, но его молочно-белая кожа с россыпью полупрозрачных вес-

нушек заливалась румянцем из-за любой ерунды. Говорят, это особенность рыжих. А молодой человек был рыж, словно лис, и его голубые глаза были по-лисьи хитры.

Но и сестра его была рыжей, однако краснела далеко не с такой лёгкостью, как он. Вот, уселась на пол будки машиниста, смотрит на него своими сапфирами, вопросы дурацкие задаёт, – хоть бы капля лишнего румянца проступила – не дождёшься! Хотя уж если кому из двух близнецов и пошла бы эта особенность – так ей. Но Сурьме повезло больше, чем Никелю. Веснушек ей досталось гораздо меньше, а глубине тёмно-синих глаз могла позавидовать любая морская бездна.

Гриву непослушных, жёстких, словно тонкая проволока, медных волос она зачёсывала поверх слишком больших (на её взгляд) ушей в тугой низкий пучок. Волосы Никеля были гораздо светлее и мягче и, хоть уже года три как в моду вошли короткие мужские стрижки, он всё ещё собирал их в чуть выющийся хвост. Сурьма из-за этого над ним подтрунивала: двадцать два, мол, ещё слишком молодой возраст для такого махрового консерватизма.

Sb 51

ΣΥΡΒΙΛΙΑ

121,76

– Ну так что? Я задала вопрос и жду ответа!

Сурьма выложила на пол содержимое чемоданчика, обнажив в его недрах панель с переключателями и маленькими длинненькими лампочками, подсоединила к ней проводки от перчаток и двух клемм, которые прикрепила к своим вискам.

– Вопрос? – усмехнулся брат. – Ты вывалила их на меня столько, что, будь они деньгами, я бы озолотился! Или насмерть задохнулся бы под этой горой.

– Но не задохнулся же! – парировала Сурьма и опустила рукоятку, раскрывая топочные дверцы.

Заглянув внутрь, она не сдержала восхищённого вздоха: в полуовальной тёмной пасти шуровки[1] матово поблёскивали насыщенными тёмно-янтарными переливами собранные в единую конструкцию осциллирующие пластины мастера Полония.

– Всего-то, – хмыкнул Никель. – А ты что ожидала увидеть в котле живого локомотива – уголь?

– «Всего-то», – передразнила брата Сурьма. – Сам ты «всего-то»! А это – чудо, настоящее чудо!

– Уж так и чудо! Мастер Полоний был учёным, а не волшебником.

– Однако никто до сих пор не разгадал, из чего он делал эти пластины, и секрет живых паровозов исчез вместе с ним и его экспедицией! Так что да: пока мы не имеем иного объяснения, науке придётся мириться с чудесами.

– Я уверен, ты его найдёшь, – тепло улыбнулся Никель, – объяснение. Отыщешь затерянную экспедицию и знаменитую «Ртуть» со всеми секретами учёного старикана и станешь самой известной, богатой и уважаемой госпожой пробуждающей! Я видел, ты до сих пор ведёшь тот коричневый блокнот.

Сурьма невесело вздохнула.

– Увы, блокнота для экспедиции недостаточно, нужны бумажки посерьёзнее. Вот если бы я эти два года работала на «Почтовых линиях», а не здесь время теряла, то, глядишь, уже и собрала бы половину бюджета! Но я же девушка, жупел[2] им в брюки! А если ты девушка – тебе не место в мужской компании на долгих почтовых рейсах, будь ты хоть трижды сильной пробуждающей с золотым дипломом и отличными рекомендациями самого декана! – фыркнула Сурьма, подключая тянущиеся из чемоданчика проводки к пластинам Полония и к их гладкой, матово поблёскивающей панели питания.

– Не вешай нос, сестрёнка! Это я – всего лишь технеций с троечным аттестатом и ограниченным допуском к работе машиниста. А ты у нас умница – золотой диплом тому подтверждение! И папаша твоего жениха тоже это просёк, недаром же обещал замолвить на работе словечко за свою талантливую сноху. Уж кого-кого, а координатора маршрутов на почтовых линиях они послушают, вот увидишь! Так что всё получится, я уверен.

– Хорошо бы! А нос я и не думала вешать: не на ту попал! Всё равно своего добыюсь. И мами больше не нужно будет всем врать... Да и нам не придётся...

Сурьма щёлкнула переключателями в чемоданчике, и из его недр раздалось тихое потрескивание, засветились лампочки. Она устроила панель питания пластин у себя на коленях, положила на неё ладони так, чтобы все металлические клеммы на перчатках касались её поверхности, сосредоточенно прикрыла глаза: сейчас её отвлекать не следовало.

Чемоданчик – ПЭР, или пьезоэлектрический резонатор, – с помощью обратного пьезоэффекта преобразовывал многократно усиленные электрические импульсы мозга Сурьмы в механические колебания. Эти колебания резонировали с пластинами Полония, высвобождая огромное количество энергии, которая служила локомотиву горючим. Отличный вариант для страны, вдоль и поперёк исчерченной «лесенками» железных дорог, но почти полностью исчерпавшей запасы природного топлива.

Однако и пробуждающие, пусть даже самые слабенькие, явлением были не повсеместным: не у всех людей мозг генерирует колебания той частоты, которая нужна для резонанса с пластинами Полония. Сильному же пробуждающему, способному разогнать локомотив и не один час питать его своей энергией, необходимо ещё и сочетание очень высокого уровня гемоглобина в крови с крайне низким электрическим со-

противлением тела. Ну и четыре года обучения в университете никто не отменял.

Сосредоточенная Сурьма сидела на полу, привалившись спиной к стенке. Кресло помощника машиниста, которое в живых локомотивах занимали пробуждающие, она игнорировала. «Предпочитаю чувствовать под своей задницей сам паровоз, а не скрипучее кресло», – шутила Сурьма, и Никель радовался, что хотя бы при матери сестра не произносит слов вроде «задница». Это бы окончательно расстроило нервы благовоспитанной дамы, и так расшатанные тем, что её дочь работает в мужском коллективе и большую часть времени носит брюки, высокие ботинки и кожаный корсет поверх рубашки мужского кроя с широкими, закатанными до локтя рукавами, а не элегантные кружевные платья и шёлковые туфельки.

Под полями маленького цилиндра Сурьмы, по последней моде лихо сдвинутого на одну бровь, от статического напряжения зашевелились выбившиеся из пучка волосинки: процесс пробуждения начался. Она сморщила вздёрнутый веснушчатый нос, пряча улыбку, словно под её руками был игривый котёнок, а не сердце живого паровоза.

Сурьме нравились эти ощущения: лёгкие, чуть щекотные покалывания током и постепенно нарастающий гул – внутренняя вибрация, которой делился с ней локомотив, позволяя чувствовать себя его частью, маленькой деталькой огромного железного существа. Деталькой, дающей жизнен-

ные силы всей этой оглушительной горе металла, окутанной клубами белого пара.

Паровозы пробуждались по-разному. Кто-то откликнулся быстро и с радостью, словно уже заждался своего пробуждающего, кто-то долго и недовольно ворчал и поскрипывал, а этот локомотив – пел: Сурьма чувствовала, как он гудит себе тихонечко на одной ноте какой-то простенький мотивчик, и мысленно ему подпевала. «Гори, железное сердце чудовищно прекрасного не-зверя, гори, я стану тебе огнём!»

Для Сурьмы живые локомотивы не были бездушными машинами, но и причислить их к определённой разумной форме жизни – например, к животным – не получалось, поэтому она звала каждого из них «не-зверь».

– Ну так как насчёт того, чтобы ответить на вопрос, заданный мною едва ли не вчера? – поинтересовалась Сурьма, приоткрыв один глаз.

– Ты работай. Не буду отвлекать байками, – ответил Никель.

– Я и работаю. В резонанс вошла. Пока разогреваю не-зверя, моего внимания хватит и на тебя. Что ты чувствуешь, когда ты с ней?

Никель ненадолго задумался.

– Как будто моё сердце – не сердце вовсе, а бокал игристого, – наконец сказал он.

– Шипит и пузырится?

– Вроде того. От этого радостно и немного щекотно. И дух

захватывает. И петь хочется. Тебе ведь знакомо это чувство?

– Знакомо... – Сурьма мечтательно улыбнулась. – Ты очень верно сравнил с игристым! Всё так: и это приятное по-кальвание, и искры чистого восторга. Именно это я и ощущаю, когда резонирую с паровозами.

– Э-э-э, – недоумённо протянул Никель, – вообще-то я имел в виду твоего жениха...

– Ах, да! – Очередь краснеть дошла теперь и до сестры. – Да. Астата, да. Конечно.

– Раз сама влюблена, должна и меня понять, – подмигнул ей брат, – и прикрыть.

Сурьма вздохнула, глянула на него с укором: опять, мол, за своё.

– В отличие от тебя, Ник, я помолвлена с мужчиной своего круга и голову никому не морочу! А ты только разобьёшь нашей маленькой горничной сердце, и она в отместку выболтает кому-нибудь о... Ну, сам знаешь, о наших семейных делах. Матушка с ума сойдёт, если всё откроется!

– Ох, не начинай, пожалуйста! Сердце я никому разбивать не собираюсь, и никто с ума сходить не будет, потому что ничего никуда не всплывёт!

– Тогда прекрати этот дурацкий роман, пока всё не зашло слишком далеко!

– Да как же ты понять не можешь, Сурьма...

– Я всю жизнь Сурьма! – перебила она, и в её волосах вспыхнула искра статического электричества.

Близнецы устали друг на друга в молчаливом противоборстве, будто мерились силой взглядов, как мужчины за барными столами меряются силой рук. Сурьма была натурой более страстной, и сейчас в её глазах плескалось негодование едва ли не в высшей своей степени. Никель отвечал ей взглядом спокойным и добрым, но было ясно: он не уступит и всё равно сделает по-своему.

– Я в любом случае уйду сегодня вечером, но без твоей помощи матушкиных нервов точно не избежать.

– Ладно, – нехотя уступила сестра, – так уж и быть, прикрою. Только возвращайся пораньше, пока мами не отправила отца разыскивать тебя по всем кабакам. Навели в прошлый раз шуму, я еле отолгалась за тебя. Больше не буду, так и знай!

– Ты ж моя спасительница! Маленький грозный амур, самоотверженно охраняющий покой и тайны двоих любовников!

– Отстань, Ник, аж тошно! – скривилась Сурьма. – И я по-прежнему не одобряю ваши шашни! А мать вообще удар хватит, если она о них узнает!

– Ей для удара достаточно будет и твоего лексикона, юная госпожа! Только представь, чего от тебя может понахвататься младшая сестрёнка!

– Пффф, – Сурьма закатила глаза, – ничего Таллия не понахватается. Я ж не дура! Знаю, как нужно разговаривать дома, а как можно в мастерских. Или предлагаешь мне с бри-

гадой технециев цитатами из высокой поэзии изъясняться?

– Я б на это посмотрел! – прыснул Никель.

– Всё, не-зверь готов, давай работать, – закончила препирательства Сурьма. – Ты взял технический лист, «О, Даддон! Мой советчик, честь моя!»[3]?

В паровозные мастерские небольшого городка Крезола живые локомотивы попадали нечасто, поэтому для Сурьмы было настоящим праздником использовать способности пробуждающего по прямому назначению, а не для работы диагноста – прозвучивания деталей в поисках усталостных трещин и прочих дефектов.

С машинами девушка ладила не в пример лучше, чем с людьми. Живые паровозы – эти огромные, древние, «чудо-вишно прекрасные не-звери» будто бы знали все её тайны, о которых она любила молчать. Никто не умел слушать молчание и молчать в унисон так, как живые паровозы! И блаженная дрожь пробегала по коже Сурьмы, когда железный пародышащий гигант откликнулся на её прикосновение доверчивым мурлыканьем.

Каждый из не-зверей появился на свет раньше неё, каждый был её старше и словно мудрее, каждый хранил память о былых временах.

О временах, что были до войны, когда мастер Полоний, сам очень сильный пробуждающий, изобрёл эти чудесные пластины – первое сердце для первого в мире живого паро-

воза – своей «Ртути».

О временах, когда живых паровозов стало так много, что пришлось открыть набор на курсы пробуждающих при институте, а потом и четырёхлетнее обучение с дипломом о высшем образовании.

О временах, когда старый монарх настолько сдал умом, что послушал приближённого к себе лидера религиозной секты и объявил паровозы с пластинами Полония «дьявольскими механизмами», запретив их использование...

И о том, как их, молчаливых гигантов, свозили на далёкие кладбища поездов, оставляя на растерзание непогоде и ржавчине, живые паровозы тоже помнили.

А потом грянула война, которую страна проиграла, потеряв основные месторождения угля, и новый правитель, занявший престол, распорядился вернуть в эксплуатацию локомотивы Полония.

Озябшие, оклеветанные, загнанные на задворки истории, увечные механизмы, немертвые короли железных дорог, возвращались к жизни. Транспортные и ремонтные компании отыскивали их среди груд металлолома, восстанавливали и пускали по маршрутам.

Но новых «чудовищно прекрасных не-зверей» больше не рождалось: мастер Полоний вместе с научной экспедицией сгинул где-то в северных ущельях, в самом дальнем конце страны, незадолго до начала гонений, так никому и не доверив секрет создания своих пластин. Экспедицию не нашли,

хоть и прочесали северные горы вдоль и поперёк. «Ртуть» словно испарилась, унеся в небытие и Полония, и все его записи.

[1] Шуровка – широкое топочное отверстие в торцевой части котла для заброски в топку угля либо другого твёрдого топлива

[2] Жупел – горящая сера или горящая смола

[3] Цитата из стихотворения Уильяма Вордсворта «Прощальный сонет Реке Даддон», перевод И. З. Фрадкина

Глава 2

– Я заплачú вдвое больше! – Облокотившийся на стойку рецепции мужчина нервничал, но голос не повышал: в нежно-кремовом, украшенном мелкими розочками холле дома престарелых в предместьях Дивинила его и так было отлично слышно.

– Господин Висмут, наш пансионат не сможет более оказывать услуги вашему батюшке.

– Но я запла...

– Нет, господин Висмут. Договор расторгнут в одностороннем порядке без возможности восстановления.

– А если...

– Нет, господин Висмут! – ни один мускул на лице медсестры не дрогнул: несмотря на накаляющуюся атмосферу, девушка продолжала дежурно улыбаться, словно приклеила эту улыбку на своё лицо, вырезав её из рекламного буклета дантиста.

Мужчина сжал челюсти и, впившись в неё взглядом, сделал глубокий вдох.

– Может быть, моего отца согласится взять другой пансионат? – тихо спросил он. – Если ваше руководство похотаетствует...

Медсестра, продолжая улыбаться, отрицательно покачала головой.

– А если предоставит ему рекомендации?

– Не предоставит.

– Проклятье! – Висмут с досадой треснул ладонью по стойке. – Он всё-таки бывший мэр Дивинила!

– И если бы это можно было скрыть, были бы шансы найти ему местечко, – всё с тем же дежурным оскалом сообщила медсестра.

Висмут бросил на неё тягостный взгляд:

– Ну хоть сиделку тогда порекомендуйте.

– Сиделки тоже о нём наслышаны, – беспощадно отчеканила девушка.

Висмут нервно прошёлся по небольшому холлу взад-вперёд, размышляя. Кондитерский запах кустистых розочек в вазонах липкой патокой забивал горло и ноздри.

– Вам лучше уехать из Дивинила, – посоветовала медсестра. – Куда-нибудь в городок поменьше да подальше. Возможно, там вы найдёте кого-то, кто согласится присматривать за господином бывшим мэром.

– Я потеряю работу.

– Вы и так её потеряете, оставшись с беспомощным стариком на руках.

– И до крайности вредоносным, – безрадостно усмехнулся Висмут.

В глубине холла лязгнула лифтовая решётка, и пышнотелая смурная сиделка лет пятидесяти выкатила к рецепции кресло на колёсиках, в котором сидел сухой, седой как лунь,

но бодрый на вид старик.

– Сера, лапушка моя! – воскликнул он, обращаясь к де-
вушке на рецепции. – Посмотри, эта старая гримза говорит,
что нашим с тобой отношениям конец, ты меня выгоняешь!

Улыбка медсестрички дрогнула.

– У нас нет никаких отношений, господин Празеодим, –
ответила она с осторожной вежливостью, бросив тревожный
взгляд на Висмута.

– Ах, для тебя просто Оди, лапушка, просто Оди! – зама-
хал руками старик.

– И я вас не выгоняю, – продолжила прерванную мысль
медсестра, – просто руководство пансионата расторгло ваш
договор. Мне жаль.

– А мне – нет, – флегматично уронила сиделка, подкатив
кресло к Висмуту.

– Заткнись, карга! – бросил ей дед. – Ты не у себя дома,
чтобы так со мной разговаривать!

– Вы тоже, господин бывший хе... к-хм... мэр, – пробур-
чала она у него над головой.

– Что ты несёшь, увечная?! Где ж я, по-твоему?!

– Не в себе – это уж точно!

– Иди мой полы, немочь ходячая! Или за что там я тебе
плачу?

– Это пансионат, папа. – Висмут взялся за ручку кожа-
ной сумки, стоявшей на стариковских коленях, но тот только
крепче вцепился в её раздутые бока.

– А ты что за хрен? – с недоверием спросил бывший мэр.

– Я твой единственный сын, папа. Висмут. Помнишь? – терпеливо пояснил Висмут.

Старик недоверчиво прищурился, придирчиво разглядывая высокую подтянутую фигуру стоящего перед ним мужчины в коричневых брюках и жилете железнодорожника, надетом поверх светлой рубахи с расстёгнутым воротом. У него было гладко выбритое лицо, тёмно-русые волосы, подстриженные аккуратно, но не чересчур коротко, и тонкие, едва заметные лучики морщинок, веером расходящиеся от внешних уголков карих глаз. Эти морщинки – признак доброты и улыбочивости – бывшему мэру не понравились особенно: всех добрых и улыбочивых он считал простофилями.

Ві

83

ВИСЛУТ

208,9804

– Ты меня не узнаёшь? – спросил Висмут.

– Я отлично вижу! – вспыхнул дед, отталкивая руку сиделки, протянувшей ему очки. – Вижу и его отпущенные лохмы, и небрежный ворот, и отсутствие галстука – полная распушенность, тьфу!

– Вы тоже без галстука, – пробухтела сиделка, – и в пижаме, потому что наотрез отказались переодеться.

– Потому что я у себя дома, мать твою, и могу ходить, в чём захочу!

– Это дом престарелых, папа.

– Престарелый здесь только ты, неведомый хрен без галстука! Хвала богу, ты не мой сын! Моему сыну – три, вчера я отправил его и его няньку в загородное поместье!

– Это было сорок лет назад, папа, – Висмут перехватил у сиделки ручки кресла и повёз его к выходу, – с тех пор не осталось ни няньки, ни поместья. Только я.

– Ты просрал всё моё состояние? – возопил дед, с завидной прытью вскочив с кресла и перегородив Висмуту дорогу.

– Я расплатился с твоими долгами.

– Это собственность пансионата, – ввернула сиделка, забирая освободившееся кресло.

– Ты всё продал?!

– Мне нужно было как-то покрыть твои долги, отец. И чем-то платить за твой пансионат.

– Ты всё продал!!! Всё накопленное годами немислимого, нечеловеческого труда!

– Об мэрский-то стул, поди, не одну пару штанов истёр – так трудился, так трудился! – пробухтела сиделка на пути к лифту.

– Ты и меня продал – сюда! – Дед трагичным театральным жестом обвёл холл. – В богадельню! Этим! – Презрительно указал на сиделку, заталкивающую в лифт кресло. – На опыты-ы-ы! – Старик упал на колени и завыл, заломив руки.

Висмут удручённо стоял над ним, уперев кулаки в бёдра, ожидая конца представления.

– Да я бы и сам заплатил, лишь бы взяли, – вздохнул он, – но никто не хочет иметь с тобой дело, папа!

– А ещё он в меня дерьмом кидался! – крикнула сиделка, задёргивая железную решётку лифта. – И медсестёр за ляжки щипал!

Висмут тяжело вздохнул и закрыл глаза.

– По справедливости, – вставила медсестра с дежурной улыбкой, – это было не дерьмо. Господин Празеодим тайком принёс полные карманы глины с занятий по гончарному мастерству, слепил из неё... ну, вы понимаете... и...

– Оди, лапушка, для тебя я просто Оди! – прокудахтал с пола бывший мэр.

– Всё! – Висмут, не открывая глаз, вскинул руку. – Всё, пожалуйста, больше не надо! Ничего не хочу знать. Мне с этим человеком теперь жить.

– Соболезную, – прошептала сестричка, не переставая белозубо улыбаться, хотя в глазах её и правда мелькнуло со-

чувствие.

Висмут не без труда запихал всё ещё хныкающего и сетующего на судьбу старика в кеб и, усевшись рядом, уставился перед собой, уперев локти в колени.

– Куда едем? – спросил извозчик.

– Куда едем? – переспросил у Висмута отец, который, оказавшись в повозке, совершенно успокоился, словно у него сработал переключатель.

– К чёрту на рога, – безучастно обронил Висмут. – Хотя нет, сначала заедем в контору «Почтовых линий», мне нужно получить расчёт.

– Мы начинаем новую жизнь? – воодушевился дед.

– Мне бы сейчас со старой покончить, – вздохнул Висмут. – И хорошо бы – не пулей в висок.

– Мы начинаем новую жизнь! – захлопал в ладоши бывший мэр. – А девочки там будут? В новой жизни. Медсестрички или ещё кто?

Глава 3

– Ох, святые угодники, бедные мои нервы! – всплеснула руками появившаяся в дверях спальни Сурьмы госпожа Кельсия – высокая, ещё не утратившая красоты дама со сложной причёской, затянутая в строгое и элегантное платье. – Девочки, нельзя же так копаться, до выхода меньше часа!

Девочки (Сурьма и её двенадцатилетняя сестрёнка Таллия) были ещё в нижних платьях. Сидя у зеркала, сёстры в четыре руки, как могли споро, снимали папильотки с волос Сурьмы. Свободные пряди одна за другой падали девушке на плечи, и за каждой следом падал дружный вздох сестёр: локоны опять вышли недостаточно тугие, недостаточно крутобокие и пружинистые. То ли дело – у Таллии: её мелкие буколки всегда получались идеальными.

– Ах, девочки, да что ж это такое-то! – простонала госпожа Кельсия хорошо поставленным голосом.

– У неё слишком жёсткие волосы, – пожаловалась Таллия, – всю ночь были на папильотках, а толку-то!

– Вот, детка, скажи спасибо своему братцу! – Мать грозно сверкнула глазами, глядя на Сурьму в зеркало. – Он, негодник, сбежал с единственной особой, умеющей одолеть эти твои «кудри»! Ах, святые угодники, бедные мои нервы! – Госпожа Кельсия достала надушенный кружевной платочек

и промокнула им сухие глаза. – Никель бросил свою семью в таком положении! Бросил ради какой-то замарашки-горничной! Как нам теперь людям в глаза смотреть? А чем за дом платить? Его жалованье очень нам помогало! Как думаешь, детка, возможно ли устроить вашу с Астатом свадьбу чуть раньше?

– Мами, она и так в августе, куда же раньше!

– А сейчас только май, и нам нужно как-то протянуть ещё три месяца!

– Мы могли бы снять дом поменьше этого и не в самом центре, мам, – робко подала голос Таллия, – нас же всего четверо осталось, не считая поварихи.

– Ах, крошка, сама подумай, как мы объясним это *обществу*? – ответила мать, выделяя голосом слово «общество», будто речь была не о соседях, а как минимум о членах королевской семьи.

– Временными затруднениями, мам, – вздохнула Сурьма, – временные затруднения у всех случаются.

– Нет, детка, – госпожа Кельсия приосанилась и коршунном глянула на дочь, – я лучше буду питаться водой и хлебом, чем позволю, чтобы о нашем банкротстве поползли слухи! Не первый год мы успешно справляемся с этой ситуацией...

– Мы успешно притворяемся, мама!

– *Успешно справляемся с ситуацией!* – Кельсия от негодования даже чуть притопнула обувью в шёлковую туфель-

ку ножкой. – И я не позволю, чтобы хоть одна живая душа заподозрила, что у нас, представителей столь знатного рода, имеющих *титул*, могут быть какие-то... трудности! У нас всё должно быть *как у людей!*

– Люди живут в домах и поменьше...

– Это *не такие* люди! Мы совершенно иного сорта, у нас всё и всегда должно быть на высшем уровне.

– Но так не бывает, – вздохнула Сурьма, – ни у кого не бывает!

– Значит, мы примем вид, что у нас всё на высшем уровне, дорогая! Тем более, ждать осталось недолго: у Нильсбория договор с отцом твоего Астата, не забывай! Ах, милая, теперь вся наша семья, честь нашего рода – на твоих хрупких плечиках, детка! – Мать подошла ближе и легонько обняла Сурьму сзади за плечи. – Уж ты-то оправдаешь мои надежды, солнышко, не то что твой братец! Ах, как он мог так с нами поступить! – вновь запричитала Кельсия. – И что его сподвигло на этот воистину опрометчивый поступок, хотела бы я знать!

– Любовь, – краешком губ улыбнулась Сурьма, – и пузырьки игристого в сердце.

– Какая ещё любовь? – возмутилась матушка. – Крепкий брак, к вашему сведению, зиждется на чувствах глубокого взаимоуважения двоих людей одного круга, а не на каких-то там пузырьках! Придумали тоже: «пузырьки»! – фыркнула женщина, покидая спальню. – И, девочки, сделайте всё-таки

что-то с этими волосами и наденьте нештопаные чулки! – раздалось уже из коридора.

Сёстры невесело переглянулись.

– И что с ними сделать? – Таллия подняла двумя пальцами один из неудавшихся локонов сестры.

Сурьма, сняв последнюю папильотку, причесалась керамическим гребнем (от любой другой расчёски её било током) и затянула волосы в привычный пучок.

– Мами будет недовольна, – сделала вывод Таллия, оглядев сестру. – Это не выглядит нарядно, как и штопаные чулки.

– Но нештопанных у нас давно уже нет, и, уж поверь, эти штопки никто не заметит под платьями и в туфельках, даже мамы! – улыбнулась Сурьма.

– Но твой пучок обязательно заметит. И не только мамы.

– Тогда придётся тебе, Талли, одолжить мне свои кудряшки! – Сурьма подскочила со стула и кинулась щекотать хочущую девочку.

Смеясь, они рухнули на широкую кровать, и Таллия прижалась к сестре.

– Скажи, а ты бы всё равно вышла замуж за Астата, даже если бы не договор его отца и папы? – серьёзно спросила девочка.

– Конечно, – так же серьёзно ответила Сурьма. – Этот договор, конечно, важен для обеих семей: мы расплатимся по долгам, а Астат, став моим мужем, получит титул, что

поможет в его юридической практике. Но женимся-то мы не поэтому.

– А потому, что он чертовски хорош собой? – захихикала Таллия.

– Что за выражения, маленькая госпожа! – притворно возмутилась Сурьма, ущипнув сестру за бок.

– Но он же чертовски хорош собой, разве нет? – Девочка ёрзала на покрывале, пытаясь увернуться от щекотки. – И чертовски тебе нравится, разве нет?

– «Разве да»! – со смехом передразнила её Сурьма. – А ещё он очень хороший человек.

– И благовоспитанный!

– И благовоспитанный.

– И чрезвычайно аккуратный!

– Да!

– И такой же чопорный и скучный, как матушкин хрусталь!

– Ах ты маленькая негодница, я тебя сейчас защекочу!

– Девочки, поторапливайтесь! – разлетелся по коридору второго этажа взволнованный голос госпожи Кельсии.

– Давай не будем расстраивать маму, – Сурьма поднялась с кровати и протянула руки сестрёнке, – сегодня «клубный день» – это и так испытание для её бедных нервов!

«Клубный день» случался в семье господина Нильсбория раз в неделю и последние месяцы всегда проводился сов-

местно с Астатом и его родителями. Они отправлялись в семейный клуб Крезола, где отцы приятно проводили время за игрой в бильярд или покер, матушки обсуждали свои женские секреты за изящно сервированными чайными столами, а молодые люди играли в кегли на лужайке перед клубом, прогуливались в саду или, если погода была ненастной, – в оранжерее.

Для госпожи Кельсии этот день был в неделе главным и самым ответственным. Она окуналась в привычную ей среду великосветских разговоров, шелков, ароматов духов и дорогих сигар, а также в среду самых безжалостных сплетен, колючих и ядовитых, словно осиный укус, из-за которых «держать лицо» требовалось ещё тщательнее.

Сегодня выход был особенно тяжёлым: предстояло преподнести побег Никеля с горничной (о котором, безусловно, все уже прознали) не как поступок безрассудный и позорный (каким его считала сама Кельсия), но как подвиг во имя искренних и глубоких чувств, вызов обществу, который посмеет бросить лишь сильный духом человек – настоящий мужчина, не страшщийся людской молвы. А ещё следовало придумать убедительную причину, почему они до сих пор не наняли новую горничную и старшая дочь Кельсии появляется в обществе не с модными нынче локонами, а со скромным пучком – словно отправилась на смену в своей мастерской, а не в высший свет!

В этих тревожных думах и проходило утро госпожи Кель-

сии. Но вот к их парадному подъехал кеб, и мами, разместив в нём остальное семейство так, чтобы не помялось ни одно платье, отправилась навстречу своим светским обязанностям.

Астат – высокий, гладко выбритый светловолосый молодой человек с серьёзными и чуть грустными серыми глазами – ждал Сурьму и Таллию на обычном их месте: в кружевной беседке, оплетённой клематисом. С собой у него, как и всегда, была книга (его любовь к чтению очень подкупала Сурьму), которую он закрыл, как только увидел приближающихся сестёр.

– Скажи, что это что-то про приключения, – хихикнула Сурьма, протягивая жениху руку в ажурной перчатке.

– Это сборник статей по юриспруденции за прошлый год, душа моя, – ответил Астат, легонько коснувшись губами её руки.

Они направились в тенистый зелёный лабиринт – любимое место для их уединённых прогулок. Таллия сразу убежала вперёд, а молодые люди неспешно шли под руку следом.

– Как ты, душа моя? – поинтересовался Астат. – Эта неделя случилась для вашей семьи большим испытанием.

– Ух, – Сурьма закатила глаза, – подсыпал, конечно, братец нам пороху! Мами все дни не расстаётся со своими каплями, папи отшельничает в кабинете за накрепко запертыми дверьми... Но ничего, мы справимся, как и всегда. Я больше боялась, что мами не позволит мне без Никеля работать в ма-

стерских и велит взять расчёт, но пока она об этом не подумала. Да и с деньгами у нас настолько худо, что я назвала бы этот шаг опрометчивым, – шёпотом добавила она. – Кто теперь займёт место Ника, интересно? В нашей бригаде все остальные – технеции, нужен кто-то с допуском к работе машиниста. Лучше даже настоящий машинист, но кто ж из таких согласится бóльшую часть времени сидеть в депо и выполнять обязанности технеция? Скучно! Да и оплата невелика... Хотя прошёл слух, что господин управляющий кого-то уже приглядел на это место, так что, может, к следующей смене у меня будет новый напарник.

– То есть ты будешь работать вдвоём с каким-то посторонним мужчиной? – Астат выгнул изящную тонкую бровь.

– Нас в бригаде десять человек. «Вдвоём с каким-то посторонним мужчиной» я работаю только тогда, когда выполняю обязанности пробуждающей. Это бывает примерно раз в тысячелетие, – хмыкнула Сурьма. – А так я – диагност, без напарника, сама по себе.

– Прости, душа моя, никак не могу уяснить все нюансы и тонкости твоей работы...

– И я же просила не называть меня так, Астат! – с досадой взмахнула рукой Сурьма.

– «Душа моя»? Но почему?

– Потому что это откуда-то из прабабкиных сундуков и пахнет старушечьей: тальком и побитыми молью крахмальными рюшами цвета пыльной розы!

– Ну и фантазия у тебя, ду... м-м-м... Сурьма! – усмехнулся Астат. – Я постараюсь звать тебя иначе. Как бы тебе хотелось?

– Ну-у-у... Не знаю, придумай сам. Все эти «душа моя», «голубушка», «душечка» остались в прежних временах, сейчас уже наступила другая эпоха! Сейчас даже побег родовитого парня со служанкой можно выставить в свете героическом и романтическом (уверена, у мамы получится!), а ты говоришь «душа моя» и робеешь поцеловать меня даже здесь, где кроме нас никого нет. – Сурьма выдернула руку из-под локтя своего спутника и резко развернулась к нему лицом, оказавшись практически вплотную к жениху.

– Я не робею, – удивился Астат, – я отношусь к тебе со всем уважением.

– Но от этого твоего уважения моё сердце совсем не похоже на бокал игристого, вовсе нет! – разочарованно воскликнула Сурьма. – А так хочется...

– О чём ты, душ... э-э-э... бесценная моя?

Сурьма едва заметно скривилась: этот вариант обращения понравился ей не больше предыдущего.

– Поцелуй меня, Астат, – тихо попросила она, глядя ему в глаза, – так, чтобы дыхание перехватило и сердце оступилось...

Астат ласково улыбнулся, согнутым пальцем легонько приподнял подбородок Сурьмы и нежно, почти невесомо прикоснулся губами к её губам. Сурьма обняла его за плечи

и закрыла глаза, полностью отдаваясь моменту. Но дыхание не перехватывало, а сердце продолжало стучать размеренно и ровно: туду-туду, туду-туду, как колёса паровоза по рельсовым стыкам.

Глава 4

Сурьма ошиблась – в её следующую смену новенький на работу ещё не вышел, но вся бригада уже знала, что человек на освободившееся место взят, и первый его день будет завтра.

– И кто он? – поинтересовалась она в обеденный перерыв в столовой, подсев за стол к ребятам из своей бригады.

– А чёрт его знает, – пробухтел с полным ртом Барий, за раз откусивший от буханки хлеба половину, – не местный. Старик какой-то. В город только вчера приехал. Сегодня, говорят, ему день на обустройство дали.

– С допуском к работе машиниста? – Сурьма поставила локоток на стол, подперев кулаком подбородок.

Допуск к работе машиниста хотя бы одного технеция из их бригады гарантировал, что ей достанется половина всей работы пробуждающего (а вторая половина отойдёт пробуждающему сменной бригады – Литию). Если же они останутся без машиниста, то и в пробуждающем нужды не будет: живые паровозы будет обслуживать другая бригада, а Сурьма останется исключительно диагностом.

– Машинист-технеций, – ответил Барий, вкусно хлопнув супом.

– Даже та-а-ак! – протянула Сурьма, не в силах скрыть довольную улыбку.

Машинистом-технецием мог быть только человек с высшим образованием, хорошим дипломом и длительной практикой по обоим специальностям. Такие обычно работают на маршрутах, а не сидят в мастерских. И что его привело в их депо? Но раз, говорят, старик, – может, тяжеловато ему стало в рейсах, решил перейти на более спокойную (хоть и менее оплачиваемую) работу, как знать. А Сурьме стало ещё любопытнее посмотреть на нового коллегу.

– Кушайте во здравие! – На скамью между Сурьмой и Барием плюхнулся охранник с пропускного пункта мастерских, пригладил большими красными ладонями вечно взъерошенные седые бакенбарды. – Госпожа моя хорошая, – с тёплой отеческой улыбкой обратился он к Сурьме, выуживая из нагрудного кармана своей формы круглую бляшку, на которой был выбит двузначный номер, – можно у тебя милости просить? Мне начальство наше сегодня дало поручение сходить до нового вашего машиниста, пропускной жетон ему передать, чтоб он, родимый, завтра на работу попасть смог. А у меня сегодня крайняя смена – хотел за город к своим ехать. Так вот, госпожа моя хорошая, опоздаю я на поезд, пока буду захаживать-то! И билет пропадёт, денег жалко. А машинист ваш живёт аккуратно по пути от мастерских до твоих, госпожа, апартаментов. Будь любезна, выручи!

– Занести ему жетон? – уточнила Сурьма.

– Ты ошалел, Гафний? – возмутился Барий. – Пойдёт тебе девушка жетоны всякие разносить по домам незнакомым

мужчинам! Дай сюда, сам схожу, – парень выдернул из толстых пальцев охранника жетон, – мог бы сразу догадаться меня попросить, а не Сурьму, рядом же сижу!

– Так тебе ж в другую сторону, – пожал плечами растерявшийся Гафний, – потому я тебя и не утруждаю – неловко как-то...

– То есть Сурьму по таким поручениям гонять – ловко тебе, голова тугодумная? Она же девушка!

– И что?! – вспыхнула Сурьма. – Раз девушка, так и жетон до порога не донесу – сломаю или потеряю, что ли? Раз девушка – то совсем, по-твоему, растётёха, да?

– Да я не это имел в виду, я ж про то, что неприли...

– Дай сюда! – Сурьма выхватила из рук Бария металлический кругляш. – Прилично всё! – фыркнула она, поднимаясь из-за стола. – Я ж не в гости, а по делу! Отдам жетон, и всё. Устроил проблему на пустом месте!

К вечеру разгоняющаяся ещё со вчерашней дороги боль стала невыносимой, словно желала добить Висмута после мучительного переезда. Да ещё и этот несносный старик! Сначала он устроил кавардак, когда, перебирая всю свою коллекцию пижам, не досчитался одной, забытой в пансионате. Потом он хвастался дамскими корсетами – трофеями своей молодости. Обнаружив этот срам, Висмут вознамерился их выбросить, из-за чего они с отцом чуть не подра-

лись. Разумеется, переспорить зловредного деда не получилось, и корсеты остались в доме.

А к вечеру тому приспичило играть в кегли. Кеглей не было, и он безутешно выл на весь Крезол, пока Висмут не раздобыл вместо них несколько пустых бутылок из-под спиртного. Празеодим увлёкся игрой и наконец утихомирился. Оставив отца в гостиной, которая вместе с кухней занимала весь первый этаж их новой съёмной квартиры, Висмут едва не ползком добрался до второго этажа и заперся в меньшей из двух спален, – ту, что побольше, отец оставил за собой, хоть пока и запретил переносить туда его вещи.

Тяжело дыша, Висмут рухнул на заправленную кровать и несколько мучительных мгновений переживал, когда от глаз отхлынет тьма. Потом, стиснув челюсти, сел, отыскал в своей ещё не до конца разобранный сумке пузырёк с эфиром. Пара капель этой тусклой бесцветной жидкости, даже растворённой в стакане воды, отдавала горечью, обволакивала язык, обжигала изнутри. Залпом выпив разведённое обезболивающее, Висмут поморщился.

Чуть погодя его сердечный ритм ускорился, а дыхание, наоборот, замедлилось. Боль отступила и теперь доносилась до сознания приглушённо, словно злобный собачий лай из-за закрытой двери. Всё вокруг стало зыбким, брезжущим. Опускающиеся сумерки заливались в расшторенное окно и размывали очертания скудной мебели, раскрытой на полу сумки и пустого стакана, стоящего на тумбочке, смешива-

вая друг с другом нечёткие предметы. Наваливалась вязкая дремота, похожая на густой мёд, склеивающий веки, затекающий через уши в мозг. Висмут повалился на кровать, как был: в брюках и полурасстёгнутой рубашке. Хорошо было бы снять ботинки и лечь с ногами, но сил уже не осталось...

Вдоль всей улицы тянулась гряда маленьких двухэтажных домишек, накрепко слепившихся друг с дружкой боками. Вокруг не было ни цветов, ни другой зелени – им просто не хватило места в этой застройке – ступеньки от входных дверей спускались сразу на узкий тротуар. «Квартиры в таких домиках, должно быть, совсем крохотные», – подумала Сурьма, отыскивая глазами нужный номер. А вот и он! Девушка поднялась на три ступени, вскинула руку в привычном жесте, но дверного молоточка не обнаружила: вместо него на косяке сиротливо болталась одна лишь цепочка. Тогда Сурьма достала из кармана жетон и постучала в дверь его ребром.

В доме что-то брякнуло, раздался неразборчивый возглас, следом – сбивчивые тяжёлые шаги, будто кто-то бежал, перепрыгивая препятствия, а потом дверь распахнулась. На пороге появился рослый поджарый старик в пижаме. Увидев Сурьму, он улыбнулся во все удивительно крепкие и белые для его возраста зубы и отвесил что-то вроде поклона.

Сурьма окинула его обескураженным взглядом и беспо-

мощно отступила на шаг, уставившись ему меж седых бровей, чтобы не смотреть ниже, на тонкую, свободно струящуюся по телу пижаму.

– П-простите, я вас, верно, разбудила, вы отдыхали с до-роги? – пробормотала она, позабыв представиться.

– О нет, лапушка, я тебе очень рад! – бодро ответил старик и, сложив губы для поцелуя, попытался поймать затянутую в перчатку руку Сурьмы.

Она резко отшатнулась и едва не свалилась со ступеней, но старик цепко схватил её за локоть, не дав упасть.

– Г-господин Висмут? – пробормотала Сурьма, неловко балансируя на краю ступеньки.

– Оди! Для тебя просто Оди, лапушка! – обрадовался старикан и одним движением втащил её в дом.

Дверь захлопнулась за спиной Сурьмы, и она очень пожалела, что не позволила Барию отнести эту треклятую бляху.

– Проходи, лапушка, чувствуй себя как дома! – Хозяин обвёл рукой микроскопическую гостиную, приглашая сесть.

Но присаживаться (даже если бы Сурьма захотела) было решительно некуда: стоявший по центру диван скрывался под грудой разномастных пижам и халатов, а на двух стульях с гнутыми ножками расположились старомодные женские корсеты. Не кожаные, какие сейчас носят поверх одежды, а шёлковые – те, которые дамы раньше надевали под платье.

– Я... Я всего лишь должна отдать вам это... – Сурьма

протянула жетон.

– Что это? – удивился старик, спрятав ладони за спину и отскочив на пару шагов, словно ему предлагали взять скорпиона.

– Это... – Тут Сурьма вспомнила, что всё ещё не представилась. – Ой... Меня зовут Сурьма, я пробуждающая из вашей бригады. Принесла вам пропускной жетон. Вот, возьмите, пожалуйста. – Она сделала полшага вперёд, нечаянно пнув одну из валявшихся по всему полу бутылок, которая откатилась к ведущей на второй этаж лестнице.

– Какая прелесть! – обрадовался старик. – Такая лапушка будет будить меня по утрам, вот это подарочек! – Его глаза-булавочки беззастенчиво изучали девушку с ног до головы, – А на ночь останешься? Или мне ждать ещё госпожу усыпляющую?

– Да что вы себе... – пробормотала пересохшими губами Сурьма, медленно пятясь к выходу, но всё ещё держа в вытянутой руке злосчастный жетон.

– Ну же, лапушка, проходи, не робей! – Дед протянул к ней руку, и Сурьма отпрянула, налетев спиной на дверь.

Не отрывая остекленевшего взгляда от радушного оскала хозяина квартиры, она лихорадочно нащупала у себя спиной дверную ручку, повернула её, но та не поддавалась. К горлу ледяным комом подкатила паника.

– Папа! Проклятье! – неожиданно раздалось откуда-то сверху.

Сурьма вскинула голову так резко, что с неё едва не слетел маленький, лихо сдвинутый на одну бровь цилиндр. На верху лестницы, вцепившись руками в перила так, что под тонкой тканью рукавов взбугрились мышцы, стоял высокий тёмно-русый мужчина лет сорока.

– Простите, пожалуйста! – обратился он к Сурьме, улыбувшись виновато, но очень обаятельно, – это мой отец, он не в себе.

– Так это вы – господин Висмут? – с облегчением выдохнула она.

– Всё верно, – подтвердил Висмут, и ломкой походкой начал спускаться с лестницы.

Его заметно шатало, хоть он и пытался это скрыть, придерживаясь за перила.

«Святые угодники!» – прозвучало в голове Сурьмы ма-тушкиным голосом. Рано обрадовалась: бутылки-то, видимо, опустошил вовсе не сумасшедший старик! Теперь понятно, что с нормальной работы машиниста просто выгнали за пьянство, поэтому он и подался в их мастерские.

– Это Сурьма, пришла меня будить, – прокомментировал дед.

– Я пробуждающая из вашей бригады. – Сурьма расправила плечи: страх отступил, и дышать сразу стало легче. – Меня попросили передать вам пропускной жетон. – Она протянула Висмуту металлический кругляш.

На непослушных ногах Висмут доковылял до нижней сту-

пеньки, окинул беглым взглядом выраженного в пижаму, сияющего идиотской улыбкой отца, разбросанные бутылки, женское исподнее на стульях и встретился с осуждающими глазами Сурьмы. Понятно, что девушка о нём подумала. И даже не пошутишь над ситуацией – выйдет скабрёзно. Он взял жетон.

– Благодарю вас.

– Не стбит того, – натянуто улыбнулась Сурьма и вновь дёрнула дверную ручку, но опять безрезультатно.

– Позвольте... – Висмут, стараясь держать дистанцию, взялся за ручку и повернул её, немного надавив и потянув вверх.

Дверь отворилась.

– Чуть заедает, – извиняющимся тоном сказал он.

– Ну так почините, – с лёгким презрением изогнула бровь Сурьма, – вы же технеций! – и скрылась за дверью, захлопнув её у Висмута перед носом.

– Честь имею кланяться, лапушка! – помахал в закрытую дверь Празеодим.

В этот вечер Сурьма долго не могла уснуть: всё думала, стоит ли сразу рассказать о пагубном пристрастии нового напарника господину управляющему или лучше пока промолчать? Паровозникам пить нельзя: попадётся пьяным даже в свой выходной – потеряешь работу. Но что, если... Если он не попадётся? Ведь если в их бригаде не будет машиниста,

у Сурьмы не будет доступа к живым паровозам, а тогда какая из неё пробуждающая? О переходе в «Почтовые линии» из обычных диагностов можно и не мечтать... Пожалуй, горячиться не стоит: если Висмут появится в мастерских под хмельком, там и без неё разберутся.

Глава 5

Полночи провертевшись в постели в своих невесёлых думках, наутро Сурьма проспала. Злая словно фурия, она собралась в два раза быстрее обычного и, не позавтракав, вылетела из дома в восемь, когда её смена уже началась. И как теперь в глаза людям смотреть?! Сурьма никогда никуда не опаздывала, пунктуальность для неё была одним из важнейших признаков воспитанности, и вот из-за какого-то не стоящего внимания человека, этого нового машиниста, она проспала! «Ещё на работу не вышел, а уже сплошные от него неприятности!» – думала Сурьма, гневно раздувая тонкие ноздри на пути к своему рабочему месту.

На собрание смены она, конечно, опоздала и, когда влетела в подсобку, большинство технециев уже разошлись по заданиям. Среди оставшихся новенького не было.

– О, а вот и госпожа пробуждающая! – хмыкнул Барий. – Проспала, что ли?

– Да что ты себе... Меня задержали непредвиденные обстоятельства! – вспыхнула Сурьма.

– Всё хоть нормально у тебя? – насторожился парень

– Да. Обстоятельства преодолены, я готова к работе. – Сурьма улыбнулась, но вышло агрессивнее, чем она планировала.

– Ну ладно, – кивнул технеций. – Господин начальник

не сильно ругался.

– А он ругался? – тут же побледнела Сурьма.

По части упреков начальник у них был настолько немногословен, что подчинённым приходилось догадываться о его намерениях исключительно по мимике его сосредоточенного не улыбочивого лица, и если он вдруг ругался вслух – дело было совсем плохо.

– Да нет, – махнул рукой Барий, – бровь приподнял. Левую. Один раз.

Сурьма облегчённо выдохнула: левая бровь у начальника служила для замечаний, правая – для выговоров с последующим лишением премии.

– А что, новый машинист сегодня не пришёл? – поинтересовалась она, изучая оставленные на столе технические листы с заданиями на день.

– А с чего бы ему не прийти? – пожал плечами Барий. – Ты его вчера видела? Как он тебе?

– Как ты и сказал, – поджала губы Сурьма, – какой-то старик.

– Да ему лет сорок всего! Это я вчера дал маху, я же не знал, что как. У меня дядьке сорок, так он в том году женился. В первый раз, между прочим.

– И что это ты так за него вступился? – прищурилась поверх технических листов Сурьма.

– Да я и не вступался, – вновь пожал плечами Барий. – Но он вроде как дельный мужик, умный.

Сурьма презрительно фыркнула.

– А ты сегодня будто не с той ноги встала.

– Где мой лист? – перебила, нервно откладывая пачку бумаг обратно на стол.

– Так у него.

– У кого – «него»?!

– У новенького, Висмута.

– У нас живой паровоз? – обрадовалась Сурьма, но вновь нахмурила брови, когда Барий отрицательно помотал головой. – Тогда какого чёрта?!

– Ну ты вчера диагностировала колёса локомотива? Во-от... – Парень оглянулся на двоих оставшихся в подсобке технециев в тщетных поисках поддержки. – А он его сегодня должен был сдать по документам владельцу. Но решил сам перепроверить. И говорит, что одно колесо не в порядке, и нужно бы прозвучить его ещё раз.

– И каким образом этот болван перепроверил, интересно? Диагност-то здесь я.

– Молоточком постучал. Звук, говорит, у того колеса подозрительный, нужно бы ещё раз...

– Сам он подозрительный, жупел ему в брюки! – прошипела Сурьма, хватая свой рабочий чемоданчик. – Я сейчас по голове ему постучу! Молоточком! – и она размашистым шагом вышла из подсобки.

– Не понравилось девке, – крикнул один из технециев, глядя на захлопнувшуюся дверь, – что авторитет золотого ди-

плама под вопрос поставили!

– Ну она ж у нас тут самая образованная, – поддержал его второй, – да и не ошибалась ведь ни разу за службу! Обидно ей, наверное.

– Так, может, Висмут ошибся, и с колесом всё в порядке? – обернулся к ним Барий.

– Может, и Висмут, – согласился первый технеций. – Но по нему сразу видно: мужик опытный, дело знает. Эх, чую, будет нашей Сурьминушке второй изгиб начальниково-вой брови за день!

– Ну либо – новенькому, – хмыкнул второй, – за задержку.

– Тогда новенькому будет ещё и «жупел в брюки» лично от Сурьминушки.

– Жупел в брюки ему в любом случае обеспечен, – сочувственно обронил Барий, – от Сурьмы не уйдёшь!

И все трое громогласно расхохотались.

Сурьма неслась через мастерские к открытым путям, окутанная плотными клубами негодования, словно сама была маленьким паровозом. Её ноги, обутые в высокие ботинки, так яростно чеканили шаг, что едва ли не высекали искры каучуковыми набойками (вот поэтому носить на себе металл пробуждающим нельзя), а пальцы до хруста сжимали ручку чемоданчика, и Сурьма уже во всех красках представляла, с каким удовольствием огрела бы новенького пьезоэлектрическим резонатором по башке, наверняка гудящей после

вчерашней попойки...

«Стоп! – Сурьма резко затормозила, осенённая собственной догадкой. – Так он ведь пьян! Ну, может, не пьян, но с похмелья, поэтому и мерещится ему всякое!»

Уголок её губ изогнулся в ехидной полуулыбке: «Дельный, значит, мужик, умный? – припомнила она данную Барием характеристику. – Вот и посмотрим, кто здесь и дельный, и умный! Старый пропойца!» И она направилась к рельсам уже спокойнее.

– Доброе утро! – дружелюбно улыбнулся ей Висмут, всё ещё обходивший локомотив с молоточком, простукивая каждую гайку.

– Здравствуйте, господин машинист-технеций! – подчеркнуто-холодно произнесла Сурьма.

Внимательный карий взгляд встретился с колючим синим, и веер тонких морщинок в уголках глаз Висмута исчез.

– Мне сказали, тут все между собой на «ты», так что, – растерянно начал он.

– Предпочту сохранить дистанцию, – отсекла Сурьма.

– Хорошо, – кивнул Висмут, повертел в руках молоточек, раздумывая, чем же заслужил столь испепеляющий взгляд с самого утра. – Я должен извиниться за вчерашнее: отец бывает весьма неприятным собеседником...

– Только он? – выгнула упрямую бровь Сурьма.

Висмут осёкся, но внимательный взгляд не отвёл, а лишь пристальней взгляделся в безжалостно сверлившую его сине-

ву.

– Те бутылки... Это совсем не то, они для игры...

– В которой вы, господин машинист-технеций, по всей видимости, выиграли, – вновь перебила Сурьма.

Висмут замолчал, едва заметно кивнул – будто каким-то своим мыслям, и тонкие морщинки вновь разлетелись от внешних уголков его глаз, но задумчивый тёплый взгляд превратился в колко-ироничный.

– Безусловно. – Голос его тоже изменился: из него пропали глубокие, хрипловатые нотки. – Я редко проигрываю, видишь ли... А ты?

Сурьма поджала побелевшие от возмущения губы.

– Предпочитаю держаться подальше от подобных развлечений! – фыркнула она.

– Потому что не умеешь достойно проигрывать? – мягко поинтересовался Висмут.

– Потому что это для детей и стариков – тех, у кого времени в избытке! – Она смерила взглядом возвышающегося над ней Висмута. – У меня его нет, поэтому будьте любезны объяснить уже, по какой причине вы задержали сдачу локомотива, господин машинист-технеций.

Висмут подошёл к одному из колёс локомотива.

– Нужно прозвучить его ещё раз, – невозмутимо сказал он.

– Я сделала это вчера, заключение и техлист в документах. – Сурьма с вызовом кивнула на кожаную папку, зажатую

под его локтем.

– Я его видел.

– И?

– Заключение ошибочно.

– Не может быть!

В ответ Висмут лишь бесстрастно пожал плечами.

– Какие у вас основания ставить под сомнение заключение профессионала? Я, да будет вам известно, ни разу не ошибалась за два года работы!

– А я за почти двадцать сделал достаточно ошибок, чтобы теперь кое-что в этом понимать.

– И это ещё раз доказывает, что ваша квалификация в данном вопросе ниже моей, – процедила Сурьма, вздёрнув подбородок.

– Ошибки добавляют опыта, – всё так же спокойно ответил ей Висмут, – но такие, как твоя, могут стоять жизнью. Перепроверь колесо, Сурьма. Пожалуйста.

Сурьма, сверкнув глазами, подошла к колесу, включила ПЭР, натянув на правую руку перчатку (для диагностики достаточно было одной), увлажнила поверхность колеса специальным гелем и, прижав к ней клеммы, не торопясь заскользила ладонью по часовой стрелке. Висмут стоял рядом, наблюдая за процессом, и это очень сильно её раздражало.

– Всё чисто, – подытожила Сурьма через некоторое время, сматывая разноцветные проводки, – никаких дефектов, как я и говорила.

Висмут, скрестив на груди руки, смотрел на колесо сосредоточенно и серьёзно.

– Можете подписывать документы, господин машинист-технеций, локомотив в порядке.

– Не подпишу, – не глядя на Сурьму, ответил он.

– То есть как? Я же только что у вас на глазах всё проверила! Вы это специально, да? Чтобы меня позлить? – прищурилась она.

– Я это специально, чтобы не стать виновным в гибели людей, если поезд сойдёт с рельсов, – задумчиво ответил Висмут и пошёл прочь.

– Куда это вы направились? – Сурьма догнала его и теперь, чтобы не отставать, ей приходилось почти бежать.

– К господину начальнику.

– Зачем?

Висмут резко остановился, развернулся к Сурьме.

– Ты уверена, что с колесом всё хорошо?

– Да! На сто процентов!

– А я на столько же – в обратном. И я не подпишу бумаги, пока не разберусь, в чём дело.

– А господин начальник чем поможет? – Сурьма вновь сорвалась следом за Висмутом.

– Даст задание проверить пробуждающему из другой бригады.

– Литию? Да вы смеётесь! Это я за ним проверять должна, а не он за мной! Он слабее меня раза в четыре, да и диплом

у него троечный!

Но Висмут больше не останавливался, не сбавлял шаг и вообще не обращал внимания на преследующую его Сурьму.

– Эй, слышите?! – Она схватила его за локоть, и лишь тогда он вновь развернулся к ней лицом. – Лития спрашивать бесполезно! А у меня, между прочим, золотой диплом! – выдохнула, чуть запыхавшись.

Неколебимые спокойствие и уверенность Висмута если не пугали, то внушали уважение.

– Все могут ошибиться, Сурьма, это не так страшно, – тихо сказал он, убирая её руку со своего локтя – на них уже с любопытством оглядывались другие рабочие, – страшно только нежелание признать свои ошибки.

– Но я не ошибаюсь! – с нотками отчаяния в голосе выкрикнула в его удаляющуюся спину Сурьма.

– Тогда и переживать нечего, – ответил он, не оглянувшись.

Господин управляющий прислушался к мнению нового работника и отложил сдачу локомотива на день, пока его не проверит другой пробуждающий. Со следующего дня у Сурьмы было два выходных, и они оказались настоящей пыткой: результаты проверки Лития ожидалось уже в первый день, но она узнает о них только на третий – в свою смену, когда выйдет на работу.

Добавил переживаний и Астат, с которым Сурьма поделилась этим происшествием.

– Я уверен, что с колесом всё хорошо! – сказал он. – Ты не какой-то там Литий или Висмут, ты – лучшая пробуждающая во всём Крезоле и тем более не можешь ошибиться в таких мелочах, как диагностика!

И горло Сурьмы сдавили ледяные щупальца страха: а вдруг всё-таки ошиблась?

Она так разнервничалась, что под конец второго дня её то и дело било током даже от безопасных в этом отношении вещей.

– Успокойся, дорогая! – сказала госпожа Кельсия, когда Сурьма едва не выронила из рук кофейник. – Вот увидишь, завтра всё будет наилучшим образом! И ты, разумеется, оказалась права, ведь девочки нашей семьи не могут так оконфузиться.

– Не путай, душа моя, конфуз и рядовую ошибку – подал голос из-за развёрнутого газетного номера отец, – в последней нет ничего страшного, если она вовремя обнаружена.

– Ах, не слушай отца, он так же бесчувственен в этих деликатных вопросах, как и большинство мужчин! – улыбнулась Кельсия.

После собрания смены господин начальник пригласил Сурьму в свой кабинет. В маленькой комнатушке помещался

лишь заваленный бумагами стол да этажерка, зато в круглое окно во всю стену было видно открытые пути, маневровые локомотивы и ангары для мелких ремонтных работ, а так же любимое место Сурьмы – огромное кольцо прогонного пути, на котором обычно проверяли ход живых паровозов, и которое почти всегда, к великому её огорчению, пустовало.

Стоя на пяточке между столом, этажеркой и дверью, Сурьма впиалась взглядом в этот путь, словно утопающий – в спасательный круг, и с напряжением ждала, когда же невысокий полноватый господин начальник в своём неизменном сером в тонкую полоску костюме – в цвет седины в его буйной шелвелюре – соизволит огласить вердикт.

Господин начальник, как и всегда, не спешил. Он сосредоточенно раскуривал трубку, стоя спиной к пробуждающей и поглядывая в окно, где и локомотивы, и все его подчинённые, работающие с ними на открытых путях, были как на ладони.

Он справился со своей трубкой и развернулся к Сурьме лишь тогда, когда напряжение той достигло такого накала, что воздух вокруг неё начал тихонько потрескивать, будто кто-то ломал тонкие сухие прутики.

Господин начальник молча положил поверх горы бумаг на своём столе заключение Лития, развёрнутое к Сурьме, и её взгляд лихорадочно пробежался по нужным строкам.

– Не может быть! – в смятении выдохнула она. – Да они сговорились!

Начальник выпустил изо рта аккуратное колечко дыма.

– Вы были не правы, госпожа диагност, – произнёс он глухим ровным голосом, когда дымное колечко растаяло под потолком, – в следующий раз прошу вас быть внимательнее.

Сердце ухнуло так же, как бывает, когда зимой поскользывается на заледеневшем тротуаре, и ноги взлетают вверх, а тело летит вниз, и ты вот-вот шмякнешься спиной о камне. Только зимой на тротуаре это ощущение занимает доли секунды, а сейчас оно длилось и длилось, как в страшном сне. По шее к щекам Сурьмы поднялся удушливый жар, губы чуть задрожали, и она сжала их плотнее, чтобы не заметил начальник.

– Рачительность господина Висмута избавила и нас всех, и вас лично, – продолжил он, строго глядя на пробуждающую, – от неприятных последствий. Думаю, вы поступите верно, выразив ему свою благодарность за поддержку.

– Что? – не столько произнесла, сколько просвистела резко втягиваемым сквозь сжатые зубы воздухом Сурьма. – Благодарность? За поддержку?! Да он же... да он... – Она почти задыхалась, на ощупь отыскивая в помрачившемся разуме словечко, которым можно было бы побольнее треснуть Висмута, пусть тот и отсутствовал в кабинете.

– Первоклассный специалист! Согласен с вами, – кивнул начальник.

– Да он пьяница! – выпалила Сурьма.

Кустистые брови начальника, делавшие его похожим

на рыбного филина, поползли к переносице.

– У вас есть основания для подобных заявлений? – очень тихо спросил он.

– Я... я видела его пьяным, – стушеввалась Сурьма, сообщив, что лягнула лишнего, но пути назад уже не было.

Господин начальник опёрся кулаками о край стола и грузно покачался с пятки на носок, сверля её взглядом.

– На работе? – строго спросил он.

– Нет, – пролепетала Сурьма.

– Он непотребно себя вёл?

– Нет.

– От него пахло спиртным?

– Нет... Но... он едва держался на ногах и... я видела пустые бутылки. – В уголках глаз Сурьмы вскипали слёзы, но лицо пылало так яростно, что жар, исходящий от её щёк, высушивал слёзы, не давая им пролиться.

– Вы сейчас тоже, госпожа диагност, едва держитесь на ногах. Какие выводы я должен сделать?

– Никаких, господин начальник, – едва слышно прошептала Сурьма, не в силах более выдерживать его строгий взгляд.

– В следующий раз я прошу вас писать официальные докладные, в которых вы будете приводить веские доказательства вашим словам, а не ябедничать по углам, – низким басом пророкотал начальник. – А теперь ступайте работать, – и его мохнатая левая бровь многозначительно изогнулась.

На деревянных ногах выскочив из кабинета, пристыженная Сурьма ринулась прочь, но успела услышать, как вышедший следом за ней начальник попросил кого-то передать Висмуту, чтобы тот зашёл к нему после смены. Сердце Сурьмы, превратившееся в расплавленный свинец и распиравшее грудную клетку изнутри так, что невозможно было дышать, вдруг захолонуло: новичка ведь теперь уволят! Следом сверкнула искорка злорадства: ну и поделом ему! Но что-то склизкое и холодное, словно большая жирная пиявка, уже успело присосаться где-то под рёбрами: а ведь она действительно ошиблась! И не влезь этот несносный технеций со своим молоточком, по её вине могли бы погибнуть люди, а это куда как страшней, чем те пять минут позора, которые она только что пережила.

Глава 6

Как назло, в этот день почти вся бригада работала в ангаре. Когда Сурьма появилась в дверях, на минуту затихли лязг, скрежет, постукивание, скрип и прочие привычные звуки: все лица повернулись к ней, и ей показалось, что коллеги смотрят кто искоса, кто насмешливо, а кто и с явным разочарованием и неодобрением. Святые угодники, если этим олухам есть дело до её профессиональной репутации, то что же скажут дома, когда узнают, как она опрофанилась! Хорошо хоть новенького нет – работает на маневровом локомотиве. Сурьма резко выдохнула, тонкие ноздри нервно затрепетали.

– Ну, как оно? – робко, с сочувствием спросил стоявший ближе всех Барий.

– Как в грязь лицом, – процедила Сурьма и ринулась в самый дальний угол ангара, схватив с центрального стола стопку техлистов, чтобы найти свой.

Барий пошёл за ней, а ангар наполнился привычными рабочими звуками.

– Неужели сильно досталось? – спросил из-за спины Барий.

– Нет! – отрезала Сурьма, шурша техлистами.

– Вот и я думаю: не за что тут выговаривать, – миролюбиво хмыкнул Барий, – со всяким же может случиться. Глав-

ное – вовремя обнаружили, делов-то!

– «Делов-то»?! – передразнила Сурьма, резко крутанувшись на каблуках, развернулась лицом к собеседнику. – У меня вся карьера – вся жизнь – на волоске висит, а тебе, конечно – «делов-то»!

– Да ведь пустая ошибка-то, – непонимающе заморгал Барий, растерянно лохматя большой длиннопалой пятернёй свой непослушный чуб, – ты чего?

– Я чего? Я, к твоему сведению, ничего! А вот вы все уставились на меня, как на последнюю позорницу, стоило на пороге появиться!

Барий особенно выразительно хлопнул глазами и потрясённо схватил ртом воздух.

– Да мы все только и переживали, как бы господин начальник не огорчил тебя, Сурьма! – выпалил он. – А ты говоришь! Да никто б из нас не стал, тем более – из-за такого, ты что! Все ж здесь нормальные мужики, всё понимают! А ошибки – они ж со всяким...

– Только вот я – не «всякая»! – едко перебила его Сурьма, отыскав, наконец, в пачке техлистов своё задание. – Это, может быть, для вас такая ошибка – пустое дело, а для меня... – Она захлебнулась, не в силах подобрать подходящее слово. – Для меня... – Взмахнула листами так резко, что часть из них посыпалась на пол. – Для меня это дело чести! – Она сунула остатки бумаг Барию. – Всё. Не мешай работать! – и крутанулась к нему спиной.

В ушах колёсами идущего на предельной скорости паровоза грохотал пульс, плечи и спина под молочно-белой рубашкой и кожаным корсетом зудели от направленных на неё участливых взглядов, а в груди разгоралось желание убежать в самую дальнюю мастерскую и спрятаться под самый пыльный верстак, чтобы не нашёл никто до скончания века. И где-то в желудке подвывало оброненное «дело чести», и казалось, что это слово – честь – к ошибке в диагностике относилось сейчас меньше всего, а к Сурьме не относилось и вообще. «Веские доказательства, – напомнила совесть рокошущим басом господина начальника, – а не ябедничать по углам!»

Рабочий день тянулся неправдоподобно долго. Сурьме казалось, что прошло уже не меньше недели, и дурацким гайкам, которые нужно было прозвучить, не было конца и края, однако стрелка на часах наконец подползла ко времени обеденного перерыва. Технеции собрались в столовую, и Барий хотел позвать сидящую в дальнем углу спиной ко всем Сурьму, но старшие коллеги его остановили: «Оставь, пусть остынет! Человеку, может, одному побыть хочется, не надо лишний раз её болтовнёй своей раздражать».

Когда все вышли из ангара, Сурьма обернулась, пробежала глазами по опустевшему помещению, и её искусанные за утро губы сжались в тонкую нить, а подбородок мелко задрожал.

В столовой она села одна, а не со своими уже травящи-

ми очередной анекдот коллегами. Те, к досаде Сурьмы, даже не заметили её появления. А вот проклятый новенький, пришедший позже всех, заметил. Он шёл со своим подносом, когда кто-то из технециев махнул ему рукой и приглашающе хлопнул по лавке рядом с собой. Висмута – Сурьма видела – обрадовало приглашение, но по дороге он заметил её, сидящую в стороне ото всех, и, жестом от души поблагодарив пригласившего его в компанию технеция, направился в сторону Сурьмы.

Единственная съеденная Сурьмой ложка похлёбки встала поперёк горла, когда она увидела приближающегося к ней Висмута. Больше всего ей хотелось сползти под стол и накрыться сверху металлическим подносом – для надёжности. Но она словно приклеилась взглядом к его гладковыбритому лицу, к тонким лучикам в уголках глаз, взъерошенным волосам надо лбом и тёмным разводам паровозной смазки на скуле и полурасстёгнутом вороте белой рубахи.

Сурьма сама не заметила, как задержала дыхание, когда он почти достиг её стола, и как облегчённо выдохнула, когда он всё-таки до неё не дошёл, усевшись поодаль. Висмут улыбнулся ей, словно желая приятного аппетита, и, занявшись своим обедом, больше в её сторону не смотрел.

Сурьма возила ложкой в полной тарелке, не в силах проглотить больше ни капли, и от каждого взгляда на новенького её щёки обжигало мучительным румянцем. Смотреть на него она хотела меньше всего, весь его вид доставлял ей

едва ли не физическую боль, наполняя грудь мельчайшим битым стеклом, но взгляд вновь и вновь возвращался против её воли к Висмуту. А ведь его сегодня, возможно, уволят! С такими делами здесь обычно не церемонятся. И он, конечно же, догадается, в ком всё дело.

Сурьма чувствовала, как горели её щёки, но не знала, что сейчас они бледнее обычного. Она была уверена, что в тот вечер Висмут был пьян. Хотя она была уверена и с этим треклятым колесом, но ошиблась... И её взгляд вновь упрямо возвращался к новичку.

А ведь господин начальник прав: если бы не он, отлилась бы ей эта ошибка гораздо горше! И в груди шевелилось что-то непонятное: то ли злость на то, что Висмут оказался прав, то ли страх, что его могут уволить по её вине. Но если он невиновен – не уволят. Однако он, невинный, узнает, что она на него наябедничала. Не известила начальство сразу, как узнала, а именно наябедничала – спустя несколько дней, словно в отместку за то, что в деле он оказался лучше неё. И от этой мысли битое стекло в груди раскалялось и жалило, и кололо...

Сурьма поставила локти на стол и уткнулась лбом в сплетённые пальцы. Увидь такую позу мамы, отчитала бы со всей строгостью. Как же Сурьме не хватало Никеля – единственного человека, с которым она могла откровенно, не таясь говорить обо всём на свете! Но Никель был далеко, бросил её, оставил одну, и теперь ей было абсолютно не с кем поделить-

ся.

Вторая половина рабочего дня тянулась ещё мучительнее первой, и Сурьма изнывала от ожидания конца смены. Но за полтора часа до звонка поймала себя на ощущении, что завершение дня пугает её больше его бесконечности. Будто что-то страшное притаилось в вечерних сумерках и готово было наброситься на неё из-за угла. Увидев вернувшегося с открытых путей Висмута, она поняла – что.

До конца смены оставалось десять минут. Технеции дружно гремели железяками, убирая инструмент по местам. Новенький оттирал с лица и рук следы паровозной смазки. Сурьма в сотый раз прозвучивала последнюю гайку.

Желание бросить всё и бежать без оглядки до самого дома, где бы она могла запереться в своей уютной комнате подальше от посторонних глаз, поджаривало Сурьму на медленном огне. Но она словно выросла в свой стул и не могла сдвинуться с места. Она должна была знать, чем закончится история с новеньким. Она должна была хотя бы одним глазком увидеть его лицо, когда он выйдет из кабинета господина начальника. Тогда всё станет ясно. И тогда она сможет спокойно пойти домой. Или, что скорее всего, – к священнику, отцу Молибдену, у которого не была уже очень давно. Потому что попросить прощения у самого Висмута у неё язык не повернётся, но и уснуть с этим затхлым, прогорклым чувством вины в сердце не получится.

Когда все коллеги разошлись по домам, а Висмут поднял-

ся к господину начальнику, Сурьма притаилась на открытой галерее, идущей под стеклянным куполом мастерских, с которой отлично просматривалась дверь нужного кабинета. Она думала, что подождать придётся минут пять-десять, но ждать пришлось не в пример больше.

Сурьма вся извелась, покинула своё укрытие, исходила вдоль и поперёк все ближайшие переходы и устало опустилась на нижнюю ступеньку ведущей на галерею лестницы – прямо напротив двери кабинета господина начальника. Тяжко вздохнув, она прижалась виском к холодным перилам. Весь сегодняшний день слишком уж походил на страшные сны, которые снились ей в последний год учёбы в университете, вот только сейчас она никак не могла проснуться, и рядом не было Никеля, всегда готового её поддержать и утешить, что бы она ни натворила. Она осталась одна, совсем одна! Глаза защипало. Сурьма запрокинула голову, часто моргая и стараясь дышать как можно глубже.

И тут случилось то, во что она уже перестала верить: дверь в кабинет начальника отворилась, выпуская в коридор Висмута.

Сурьма слишком резко опустила голову, одна слезинка соскользнула с ресниц и предательски поползла по щеке.

– Сурьма? – удивился Висмут. – Ты чего здесь? Поздно уже! Тебе к господину начальнику? – догадался он.

– Нет, – она быстро смахнула слезинку, – я... Мне... Э-э-э... – Сурьма лихорадочно пыталась что-то придумать,

но впервые в жизни на ум не шло никакого дельного объяснения, почему она оказалась здесь в такое время.

Висмут окинул её обеспокоенным взглядом и, видимо, что-то для себя понял. Сел рядом с ней на лестницу, устало поморщившись, вытянул ноги в потёртых ботинках.

– Ты ведь слышала фразу, что не ошибаются только бездельники? – мягко спросил он, не глядя на Сурьму.

Та в ответ лишь кивнула.

– Поверь мне, Сурьма, ошибки (если они вовремя исправлены) – это не конец света, не крест на твоей карьере и не свидетельство того, что ты недостаточно хороша. Это, в первую очередь, опыт. Так и надо к ним относиться.

Висмут достал из нагрудного кармана и протянул Сурьме белоснежный платок, посмотрел на неё и встретил непонимающий сапфировый взгляд.

– Тебя уволили? – прямо спросила Сурьма, не в силах понять исход разговора с начальником ни по лицу Висмута, ни по его словам.

От нервного перенапряжения она даже забыла, что собиралась «держать дистанцию», и перешла на «ты».

– Меня? С чего бы? – удивился Висмут.

– За пьянство, – прошептала она, сообразив, что только что выдала себя с потрохами.

– За... что? – Висмут едва не рассмеялся, но, видя, насколько серьёзной и расстроенной была Сурьма, сдержался. – Так вот по какому поводу слёзы? Ты заложила меня

господину начальнику! А я-то думал, дело в том проклятом колесе!

Сурьма впиалась взглядом в его тёплые карие глаза: нет, он не сердился. Ничутьточки. Ни капельки. Ему было смешно. Этому простофиле было весело!

– Он мой давний приятель, Сурьма, и знает, что я не пью. И к себе меня позвал не для того, чтобы отчитывать. Мы давно не виделись. Просто обмолвились после работы парой слов, по-дружески...

– По-дружески?! – порохом вспыхнула Сурьма. – То есть я проторчала здесь больше часа, место себе не находя, а вы там – по-дружески?!

– Ты всё это время провела здесь? – Его голос едва заметно дрогнул и потеплел. – Из-за меня? Потому что...

– Потому что надеялась увидеть торжество справедливости, когда господин начальник даст тебе... *вам* расчёт! – рывкнула Сурьма, поднимаясь на ноги.

– Сурьма! – опешил Висмут.

– Для вас – госпожа пробуждающая! – фыркнула она и быстро пошла прочь.

Висмут застал её в подсобке.

– Вы меня преследуете? – раздражённо бросила Сурьма через плечо, щёлкнув застёжками своего небольшого саквояжа.

– Нет, – спокойно ответил Висмут. – Я пришёл за сумкой. Здесь и мои вещи тоже.

– Ну так забирайте их и уходите!

– Сурьма.

– Что?! – Она резко обернулась.

– Не надо так переживать. Всё нормально. Правда. Я всё понимаю.

Висмут был достаточно близко, и в полутёмной подсобке Сурьма отлично видела его глаза – их тихое согревающее сияние, и что-то внутри неё отзывалось на это тепло отвратительным лязгом и скрежетом. Он, чёрт возьми, должен нахамить ей в ответ, припрятать камень за пазухой из-за её стукачества, а не стоять тут и улыбаться, словно она сделала что-то милое, а не натворила гадостей!

– Какая самонадеянность, – процедила Сурьма, вдохнув едва ли не до самых пяток, чтобы успокоиться, – полагать, что ваша персона может заставить меня переживать! А уж тем более – думать, что вы что-то обо мне... понимаете! – и она, подхватив саквояж, вышла из подсобки.

Глава 7

К следующему утру гнев Сурьмы поулёгся, а вот стыд за своё поведение, подсвеченный лучами восходящего солнца, да на свежую-то голову, наоборот – заиграл новыми красками. На работу идти не хотелось. «Может, сказать больно?» – размышляла она, вращая на блюдечке чашечку с кофе, зацепив её пальцем за ручку. Фарфор протяжно поскрипывал, словно несмазанное колесо кеба.

– Дорогая, если ты не прекратишь, у меня начнётся мигрень, – одёрнула её госпожа Кельсия.

Сурьма вздохнула и молча уставилась в недопитый кофе.

– Тебя что-то беспокоит, дитя моё? – не опуская утренней газеты, поинтересовался господин Нильсборий.

– Нет, папи, – подавленно отозвалась она.

Газетный уголок загнулся внутрь, и на Сурьму глянул прощательный серо-голубой глаз.

– Я... обидела человека, – нехотя созналась она. – Мы повздорили.

– Кого-то из своих парней?

– Не совсем... То есть – да, мы работаем вместе, но... он немолод.

– Тогда тем более стоит извиниться первой, – кивнул отец с таким важным и хладнокровным видом, словно подписал резолюцию.

Газетный уголок расправился, скрывая за собой серо-голубой глаз, вернувшийся к изучению мелких строчек утренних новостей.

– Господин Нильсборий! – воскликнула матушка. – Смею не согласиться! Сурьма – молодая девушка из высшего общества, ей не пристало первой приносить свои извинения, тем более – мужчине не своего круга!

Из-за газеты раздался долгий вздох.

– И я уверена, дорогая, – госпожа Кельсия положила ладонь на руку дочери, – в вашем недопонимании виноват именно он, и ты ни в коем случае не должна извиняться первой! Запомни, дитя моё: такие, как мы, вообще ничего не должны каким-то там технециям! Он огорчил тебя – я вижу, что огорчил – и это он обязан просить у тебя прощения.

Ещё один вздох, горше первого, колыхнул газетные листы.

– Послушать тебя, душа моя, – подал голос господин Нильсборий, – так ты желаешь нашей дочери жизни безрадостной и бесприютной.

– Что за вздор! – возмутилась матушка. – С чего бы это?

– С того, что никто не любит тех, кто слишком высоко задирает свой и без того курносый нос.

– Хм, – госпожа Кельсия вздёрнула подбородок, – в обществе, господин Нильсборий, нужно держаться соответственно своему статусу и не опускаться до уровня простолюдинов, пусть даже тебе приходится с ними работать. Только тогда тебе будут оказывать должное уважение, друг мой! Не слу-

шай отца, дитя моё, – повернулась она к Сурьме, – он так же бесчувственен в этих деликатных вопросах, как и большинство мужчин!

– Да, дитя моё, – спокойно согласился из-за газеты Нильс-борий, – слушай свою матушку, коли хочешь остаться в жизни одна-одинёшенька.

– О, не печальтесь об этом, друг мой, – в голосе госпожи Кельсии зазвенела холодная сталь, – нашей дочери это не грозит, у неё есть Астат: приличный молодой человек, к тому же – влюблён в неё без памяти! Вот уж кто по достоинству ценит и её положение в обществе, и фамильный титул!

– Безусловно, душа моя, уж фамильный-то титул Астат ценит исключительно!

– И это делает ему честь, друг мой!

Сурьма пожелала всем хорошего дня и вышла из-за стола, но увлечённые спором родители даже не обратили на это внимание. Не услышали они и того, как за ней закрылась входная дверь.

Рабочий день прошёл без приключений. Висмут практически всю смену был на открытых путях, на утреннем собрании поздоровался с Сурьмой как ни в чём не бывало, но вечером, вернувшись в подсобку, даже взглядом её не удостоил. Он собрал свои вещи и ушёл, сказав: «Всего хороше-

го, ребята!». Фраза была адресована всем сразу и в то же время никому конкретному, и Сурьма сначала обрадовалась, что избежала лишнего внимания (от остальных коллег ей всегда причиталось отдельное прощание и приветствие). А чуть позже расценила это как лишнее напоминание о том, что Висмут наверняка помнит про вчерашнее и не может быть не обижен. Она бы на его месте обиделась обязательно! Но впереди были два выходных – отличная возможность позабыть о произошедшей неловкости до следующей смены.

Однако чаяния Сурьмы оказались тщетными. Неизвестно, что там Висмут, но у неё самой не получалось забыть ни тот их разговор, ни своё недопустимое поведение, ни гадость с доносом. Не отвлекла Сурьму от тягостных мыслей ни прогулка с Астатом, ни весёлая болтовня с малышкой Талли, ни даже беседа с отцом Молибденом, который прямо сказал ей о необходимости просить прощения. «Со всем тщанием мы должны стараться залатать прорехи, оставленные нашими неблагоприятными деяниями, дитя моё. И чем сложнее, чем неприятнее даются нам эти „штопочки“ да „заплатки“, тем крепче мы подумаем в следующий раз, прежде чем вновь совершить что-то дурное».

В ночь перед работой спала Сурьма плохо. Почти примирившись с мыслью, что не найдёт себе покоя и не сможет дальше нормально работать с Висмутом, пока перед ним не извинится, она никак не могла ни собраться с духом для решительного шага, ни подобрать нужных слов. Весь сле-

дующий рабочий день украдкой бросала на него тоскливые взгляды, не в силах сдвинуться со своего места, но новенький занимался работой и по-прежнему не обращал на Сурьму внимания. Ах, если бы это был кто-то типа Астата – кто-то её круга – дело было бы значительно проще! Она бы церемонно произнесла одну из сотен картонных вежливых фраз, заученных ещё в гимназии, ей бы ответили аналогичной, они обменялись бы фальшивыми улыбками – и дело в шляпе! Но здесь почему-то всё казалось совершенно иным и от этого было гораздо сложнее и тоньше.

В конце концов Сурьма решила повременить с извинениями до завтра: сегодня почти вся бригада в ангаре, не может же она заводить такой разговор у всех на глазах! Да и попросить Висмута выйти на минуточку – тоже не слишком-то красиво. Лучше подождать подходящего момента.

На следующий день Висмут едва не опоздал, хотя обычно приходил раньше всех. Тайком окинув его цепким взглядом, Сурьма отметила, что он слегка прихрамывает, да и вообще выглядит хуже обычного: вид уставший, будто Висмуту не спалось всю ночь; под глазами тени, меж бровей – глубокая складочка.

После того, как Сурьма получила свои техлисты, она специально поспешила выйти из подсобки сразу за ним, чтобы можно было обогнать Висмута в узком коридоре, где двое едва ли могли разойтись, не соприкоснувшись рукавами. Прихрамывавший Висмут услышал её спешный шаг у се-

бя за спиной и пропустил Сурьму вперёд, как она и рассчитывала. Это была удобная возможность незаметно приняться к новенькому, что Сурьма и сделала, глубоко втянув носом воздух.

От Висмута пахло давно подсохшей масляной краской и ветхим бывалым деревом, фонарной копотью и горячей жостью. И шпалами, пропитанными чёрным смолистым креозотом. Сумасшедший, будоражащий запах, пронизывающий насквозь, до звона в ушах, словно паровозный свисток! Ведь и живые локомотивы пахнут почти так же, разве что в их запахе больше металлического, чем древесного. Сурьма невольно ещё больше замедлила шаг и едва не забыла, для чего задумала весь этот манёвр. Алкоголем от Висмута не пахло. Ни капельки. Ничутьточки. Поэтому, если прошлую ночь он и не сомкнул глаз, то явно не из-за того, что пил.

Висмут вновь отправился на открытые пути, как и бóльшая часть бригады; у Сурьмы было два мелких задания в ангаре, с которыми она быстро справилась и заскучала. Побродив туда-сюда и не найдя себе работы, ушла в подсобку. Вытащив из своей сумки толстый блокнот в кожаной обложке, устроилась с ним в уголке. Если бы его корочки не стягивал застёгнутый на пряжку ремешок, блокнот бы не закрылся: настолько распух от газетных заметок, вклеенных между исписанными тонким косым почерком страницами. Его Сурьме подарил отец, и она вела его уже больше десяти лет – с того момента, как услышала историю о мастере

Полонии и пропавшей экспедиции.

Эта история так взволновала маленькую Сурьму, у которой уже чётко обозначились способности пробуждающей, что она едва ли не ночевала в научном зале библиотеки Крезола и зале периодики, выписывая из книг и газет всё, что имело отношение к самому мастеру и к его живым паровозам. И мастером, и паровозами она была практически одержима. Тогда-то она и вознамерилась во что бы то ни стало отыскать затерянную «Ртуть», на которой, как предполагали, спрятан секрет пластин мастера Полония.

Конечно, она знала, что на поиски пропавших учёных несколько раз снаряжали экспедиции и что все они потерпели неудачу, вернувшись ни с чем (а последняя не вернулась вовсе, погибнув под обвалом в горах). Но в сердце Сурьмы горела нестигаемая вера в то, что кому-то должно повезти, — не могла же «Ртуть» со всеми своими пассажирами просто испариться! И она твёрдо вознамерилась стать тем счастливым чиком, который отыщет её.

Если бы у Сурьмы было достаточно денег для организации всего дела, она бы отправилась на поиски сразу после университета. Но семья была разорена, правительство, после всех неудачных попыток, прекратило финансировать подобные затеи, а искать столь же увлечённого мецената было рискованно: ведь на чьи деньги организована экспедиция, тому принадлежат и все открытия.

Ну уж нет! Таким величайшим открытием, как химиче-

ский состав сплава осциллирующих пластин мастера Полония, Сурьма делиться не планировала!

Она открыла блокнот на странице с переписанной заметкой – последними официальными словами учёного перед той злосчастной экспедицией; аккуратно провела пальцем по убористым строчкам. Сурьма глубоко, до священного трепета уважала мастера Полония.

«Я уже перевернул научный мир, создав локомотив, способный работать на человеческой энергии. За живыми паровозами – будущее, это понимают все образованные люди, что бы там ни говорили сектантские учения! Но это ещё не всё! По возвращении из экспедиции я представлю вам нечто, способное ещё больше потрясти воображение! Потрясти больше, чем изобретённые мною осциллирующие пластины! Поверьте, моё имя войдёт в мировую историю как имя величайшего учёного-изобретателя!»

Ни в лаборатории, ни в квартире мастера Полония не было найдено никаких разработок. Значит, все они были на «Ртути». И тот, кто их отыщет, прославится, как и сам мастер Полоний. И разбогатеет...

Сурьма развернула карту экспедиций, в который раз внимательно её изучила. Потом сверилась с парой своих записей и крепко задумалась, барабаня пальцами по красно-коричневому переплёту. Пролистав блокнот до пустых страниц, она вытащила из-за корешка карандаш, заточенный так остро, что его можно было использовать вместо шила, и занесла

грифель над началом строки.

– Сурьма? – раздалось прямо над её головой.

От неожиданности она вздрогнула так сильно, что блокнот полетел на пол, под ноги Висмуту, появления которого она не заметила.

– Да жупел вам в... – сорвалось с языка Сурьмы. – Ой... Давно вы здесь?

– Только что вошёл. – Висмут поднял взъерошенный, ошетилившийся торчащими меж страничек вкладками блокнот и протянул его хозяйке. – Прости, не хотел тебя напугать.

– Я... не бездельничаю, – выпалила Сурьма и не сдержала досадливой гримасы: какого чёрта она перед ним оправдывается, он же ей не начальник!

Но язык продолжал уже сам, без её участия:

– Я всё сделала, больше для меня заданий не было.

– Я знаю. – Мягкая полуулыбка пустила лучики в уголках его глаз. – Поэтому и пришёл. Мне нужна помощь, а все остальные пока заняты.

Губы Сурьмы покривились с едва заметным пренебрежением: сама бы она ни за что не стала так просто просить помощи. Повисло натянутое молчание.

– «Почтовые линии»? – Висмут указал взглядом на торчащий из блокнота уголок объявления о приёме на работу.

Этот листок служил Сурьме закладкой с того дня, как её, пришедшую по этому объявлению, на службу не приняли.

Она оставила его в блокноте, чтобы как можно чаще попадался ей на глаза и напоминал о ближайшей цели: устроиться пробуждающей на престижные и высокооплачиваемые почтовые перевозки. Но посвящать кого-то в историю своего провала она уж точно не собиралась, поэтому ответила довольно резко:

– И что с того?

– Ничего.

Висмут не терял самообладания. Казалось даже, что его не раздражал дерзкий тон Сурьмы, он просто не обращал на него внимания.

– Третью жизни там проработал.

– Что? – с благоговением выдохнула она, вскочив на ноги. – И в какой должности? – спросила уже спокойнее, взяв себя в руки.

– Машинистом, – просто ответил Висмут. – В Дивиниле, на маршруте до Толуола.

Сурьма хлопнула пушистыми ресницами, удерживая рвущийся из горла стон: это был самый длинный, самый престижный почтовый маршрут! И живые паровозы, разумеется. Мечта!

– И почему ушли? – просипела она внезапно севшим голосом.

– Обстоятельства, – пожал плечами Висмут, и с улыбкой добавил: – которые не имеют со спиртным ничего общего.

– Не жалеете, что ушли?

В его глазах промелькнула горечь:

– Надеюсь вернуться. Когда разберусь с обстоятельствами.

– А возьмут? – с сомнением спросила Сурьма: вторых шансов «Почтовые линии» давать не любили.

Висмут хмыкнул так, словно она предположила какую-то нелепость, и Сурьма поняла: не только возьмут, но ждут обратно и даже предоставят любой маршрут на его выбор.

Святые угодники, кто ж он такой, что имеет столь серьёзный вес аж в столичной конторе «Почтовых линий»?!

– Так ты мне поможешь?

– А? – очнулась Сурьма. – Да. Да, конечно. – Она запихнула блокнот в сумку и поспешила за Висмутом. – ПЭР нужен?

– Нет, – ответил он, не оглядываясь, – только твои руки. Без перчаток.

Они вышли из ангара на улицу, и Висмут размашистым шагом повёл её к смотровой яме, над которой стоял маневровый локомотив. Сурьме, несмотря на лёгкую хромоту напарника, приходилось почти бежать, чтобы не отстать слишком сильно. Спустившись под паровоз, Висмут протянул ей фонарь.

– Посвети, пожалуйста, вон туда, – попросил он, указывая на темноту в подбрюшье механизма, – туда свет не попадает, как фонарь ни поставь. Это ненадолго.

Сурьма подняла фонарь, направив луч в нужное место. Несколько бесконечных минут Висмут, стоя на стремянке,

сосредоточенно ковырялся в механизме, лишь звякали металлические инструменты. А в Сурьме из-за его молчаливого присутствия вновь начал вскипать утренний стыд за прежнее своё поведение. Знай она раньше о его прошлом, тогда, конечно, не бросалась бы обвинениями подобного толка: ведь где-где, а на «Почтовых линиях» в Дивиниле репутация машинистов должна быть безупречна! Да, в тот вечер он показался ей нетрезвым, но этому должно быть иное объяснение, и она бы его наверняка узнала в первый же день, если бы не пресекла попытки Висмута извиниться. А теперь придётся извиняться ей. И момент как раз подходящий...

Сурьма глубоко вздохнула, поменяла руку, в которой держала фонарь.

– Устала? – гулко разнеслось сверху. – Чуть-чуть осталось.

– Нет... Я... – Сурьма глянула по сторонам – удостовериться, что поблизости никого нет, – должна извиниться.

Сверху, едва ли не попав ей по голове, брякнул оброненный Висмутом гаечный ключ. Висмут изумлённо покосился на неё через плечо.

– Я совершила поступок, хуже которого и быть не может, – набрав в грудь воздуха, продолжила Сурьма, – и очень дурно обошлась с вами...

Опустить подбородок ей не позволяла гордость, смотреть в лицо напарнику не давал стыд, поэтому она говорила с закрытыми глазами. Окончание заготовленной фразы: «прошу простить мне мою неучтивость и не держать зла» прилипло

к нижней губе, словно вермишель из столовского бульона, и никак не хотело прозвучать вслух, подменяемое невнятным «э-э-м-м-н». Побледневшие щёки обожгло жаром.

Сурьма открыла глаза, когда услышала, как скрипнула стремянка. Висмут стоял едва ли не вплотную к ней, но ни в его лице, ни даже во взгляде не было и тени того триумфального ехидства, которые ожидала найти в них Сурьма. Он смотрел серьёзно и по-прежнему мягко, и в свете фонаря, который Сурьма до сих пор держала в поднятой руке, она разглядела вокруг его зрачков лучистый оливковый ореол: словно язычки зеленоватого пламени отражались в радужке цвета бренди.

– Мне сказали, тут все между собой на «ты», так что, – Висмут тихо повторил фразу, которую произнёс в первый рабочий день, и которую Сурьма в тот раз не соизволила дослушать до конца, – перестань мне «выкать», и мы в расчёте.

Он начинал сначала, и она это поняла. Мало того, её это обескуражило и даже смутило, поэтому язык Сурьмы вновь сработал быстрее её головы:

– Но это не слишком удобно, ведь вы уже в том возрасте, чтобы... ой, – и она, сообразив, что ляпнула, вновь залилась краской.

– Я уже в том возрасте, – подтвердил Висмут, забирая у неё фонарь, – чтобы самому решать, как удобнее ко мне обращаться.

В уголках его глаз и губ пряталась улыбка: понимающая и ободряющая, чуть усталая, но совсем не такая, какой в подобных ситуациях улыбался весь высший свет. Между лопаток Сурьмы колкими лапками пробежала стайка мурашек. Так бывало, когда она оказывалась в непосредственной близости к живым паровозам. Этот мужчина за годы работы с чудовищно прекрасными не-зверями настолько пропитался их духом, что и его близость производила теперь аналогичный эффект.

– Спасибо за помощь! – кивнул Висмут и пошёл прочь из ямы.

– Висмут! – окликнула Сурьма.

С момента, как она узнала, что он треть жизни – считай,

всю свою карьеру, – проработал на живых локомотивах, один вопрос так и жёг язык. Его она задавала всем машинистам и пробуждающим, которых встречала.

– Каково это – работать на живом паровозе?

Ответ она всегда получала одинаковый: «тяжело». И всегда была им недовольна. Тяжело – это понятно, естественно и очевидно. Она же хотела услышать что-то живое, что-то о том, что просыпается в солнечном сплетении у неё самой – стоит только подняться в будку машиниста – и электрическими разрядами проскакивает по всему телу. Или пузырьками от игристого – неважно. Ведь не одна же она такая!

Висмут на миг задумался, а потом ответил, причём совершенно серьёзно, как будто вопрос её был и важен, и сложен, а не из области праздного любопытства, как считали остальные:

– Как будто тебе удалось приручить огромного железного зверя, и он полностью доверяет тебе, мало того – он полностью послушен, хотя не в пример сильнее и бессмертнее тебя.

Сурьма прерывисто выдохнула и зачем-то ляпнула привычное:

– Это очень тяжёлая работа.

То ли Висмута хотела проверить, то ли себя с небес на землю спустить.

– Но она того стоит, – усмехнулся Висмут. – Тот, кто умеет это ценить, справится и с остальным.

Глава 8

Дни шли за днями, месяц подходил к концу, и на новой работе Висмут привык и освоился. Даже непростые отношения с Сурьмой пошли на лад: она вроде бы и не искала общества Висмута, но за обедом не упускала возможности расспросить его о прежней службе и живых локомотивах. А вот возвращаться домой ему по-прежнему не хотелось. Новая работа не увлекала его так же, как предыдущая, однако он готов был отказаться от выходных и даже ночевать в мастерских, лишь бы не встречаться с отцом.

Надолго пакостного старикана оставлять было нельзя: последствия его неуёмной фантазии ждать себя не заставляли. Но сегодня Празеодим был под присмотром, поэтому Висмут, несмотря на возобновившуюся боль, возвращался домой пешком, лишь бы оттянуть момент встречи с отцом.

Стоило ему дойти до крыльца, даже изнуряющая физическая мука отошла на второй план, уступив место глухой безысходной ярости: по ступеням на тротуар обильным потоком из-под двери стекала вода.

– Проклятье! – процедил Висмут.

Хромая и цепляясь за перила, он не без труда поднялся по мокрым ступеням.

– Да чтоб тебя!

Всё было так, как он и предположил: вода текла со второго

этажа, лестница превратилась в маленький водопад, а в прихожей образовалось настоящее болото. Из ванной доносился плеск и то ли скрип гвоздя по стеклу, то ли скрежетание вилки по фарфоровой тарелке: Празеодим купался в переполненной ванне, в которую мощной струёй обрушивались всё новые потоки воды, переливающейся через край, и пел гимн Дивинила, нещадно перевирая мелодию.

– Надо было выбирать квартиру без водопровода, – пробурчал себе под нос Висмут, взбираясь на второй этаж.

– А ты что за хрен? – спросил старик, уставившись из-под шапки мыльной пены на появившегося в дверях ванной Висмута.

Он всегда приветствовал сына этой фразой, и Висмут догадывался, что на самом деле отец всё прекрасно помнит, просто хочет ещё раз сыграть на его нервах.

– Где сиделка? – Висмут выключил воду.

– Какая сиделка? – невинно захлопал глазами Празеодим, но, перехватив тяжёлый взгляд сына, сознался: – Сбежала.

– Что ты опять натворил? – Висмут не повышал голос, но его настроение несложно было угадать по глазам и взбурившимся желвакам.

– Ничего я не творил! – обиженно ответил дед. – Подумаешь, щипнул за филеечку, а она сразу в ор!

Висмут глубоко вздохнул, сорвал с крючка полотенце и, сбив с отцовских седин пену, принялся вытирать ему голову. Голова старика под резкими, враждебными движениями

рук Висмута безвольно моталась, словно принадлежала игрушечному болванчику, но спорить продолжала:

– Я, что ли, виновный, что ты никого толкового найти не можешь? Привёл очередную глупую курицу, которая ничего не умеет, кроме как визжать да охать! О чём с такими разговаривать? Сбежала – да и чёрт с ней! В следующий раз ищи нормальную девку, чтоб с огоньком, а не этакую размазную!

– Ни одна нормальная с тобой связываться не станет! – не выдержал Висмут. – Вылезай! – Он расправил мягкий халат, чтобы накинуть его на мокрые отцовские мощи.

– Да просто хлипкие все, что твоё колено, чуть моргнёшь не так – сразу истерика! Вон и сам ты какой-то нервный...

– Ты отвадил уже пятую сиделку, – скрипнув зубами, произнёс Висмут, – и она была последняя из списка. Остальные двадцать вообще не захотели иметь с тобой дела. Ни за какие деньги, заметь.

– А я и без них справлюсь! – с вызовом бросил Празеодим, затягивая халатный пояс на тощих бёдрах.

– А я – не справлюсь. – Вздохнув, Висмут устало оперся руками о бортик ванны, ожидая, пока из неё уйдёт вода с клочьями пены. – Вчера ты устроил пожар. Сегодня – потоп. На прошлой неделе – раскидал соседский мусор по всей улице и угнал кеб, избив возницу. А до этого...

– Да один разочек всего и треснул-то! – взбеленился дед.

– Латунным канделябром!!! – Висмут рывком выпря-

мился и повернулся к отцу; не сдержавшись, поморщился от прострелившей из-за неаккуратного движения боли.

– Кто старое помянет... – проскрипел тот, приблизив скрюченный палец к лицу сына.

Висмут резко отвёл его руку, перехватив за запястье.

– Совсем не уважает старика, – вздохнул Празеодим и пошлёпал босыми ногами по залитому водой полу в сторону своей спальни, – а ведь я его отец!

– Хорошо, что вспомнил, – отозвался Висмут, – жаль, что на сорок лет позже.

– Иди к чёрту! – раздалось из коридора.

– Всё лучше, чем в твоей компании.

– Врёшь ты всё!

– И сиделки, видимо, врут...

– Да тех пигалиц, которых ты водишь, и уважать не хочется! Нет чтоб настоящую женщину нашёл: сочную, уверенную, с характером! – на последнем слове, словно ставя в диалоге жирную точку, хлопнула дверь в спальню.

Висмут достал тряпки и, закатав рукава, тяжело опустился на колени.

– С характером тебе, значит, надо, – проворчал он, собирая с пола воду, – с огоньком? Будет тебе и характер, и огонь! – В карих глазах сверкнуло мрачное торжество. – Вот только скрипни мне потом хоть ползвук жалобного, старый вредоносец!

«Холостяцкий клуб» госпожи Селены находился на оживлённой улочке в окружении магазинов, кофеен и контор. Хоть он и прикидывался заведением пристойным и даже уважаемым, на деле мало кто не знал, какие услуги здесь оказывали. По сути, «Холостяцкий клуб» был борделем, но борделем очень дорогим и исключительно чистым – во всех смыслах этого слова.

К девочкам госпожи Селены приходили не те, кто зачастую посещает обыкновенные публичные дома. Клиентами были весьма состоятельные мужчины, желающие посмотреть будоражащий фантазию танец или ощутить на своей шее удавку из собственного галстука, затягиваемую нежной женской рукой в чёрной кружевной перчатке, а может быть – почувствовать плоские ленты замшевой плётки на своей спине.

Девочки госпожи Селены славились не только тёмной красотой, манящими взглядами и изяществом движений, но и хладнокровной жестокостью с теми, кто этого хотел. Официально – девочки госпожи Селены не спали с клиентами, а не официально – сами выбирали тех, кому продавали свою любовь. Но вне зависимости от того, принадлежишь ты к избранным гостям или нет, сложно было понять, что оказывалось более порочным: пойти в обычный бордель или быть посетителем театра красоты и боли госпожи Селены. Однако последнее удовольствие было явно для более искусственных, выносливых и состоятельных.

Переступив порог «Холостяцкого клуба», Висмут оказался в омуте чёрно-лиловых тонов и, ослепнув после уличного света, замер у входа.

– Имя! – выдохнули совсем рядом с его ухом шёлковым шёпотом, и чья-то рука, легонько касаясь его груди, поднялась к горлу. – Назови своё имя! – Острые ноготки весьма чувствительно впились в кожу под челюстью.

– Висмут.

– Какую боль ты любишь, Висмут? – Всё тот же голос с томным придыханием, который можно было бы назвать нежным, если бы не сквозивший в нём властный холодок. – Или – танец, быть может?

– Боли мне, пожалуй, достаточно, – оторопело усмехнулся Висмут: такого приёма прямо с порога он не ожидал.

– Тогда – танец? – Сжимавшие его шею пальцы мягко скользнули ему в волосы и, неожиданно вцепившись в них на затылке, дёрнули голову назад.

Висмут почувствовал под своим задраным в потолок подбородком холодное тонкое лезвие, плашмя скользящее по коже.

– Я бы хотел выбрать девушку. Можно?

– Можно. – Голос улыбался. – Если ты хочешь особенную: белую как снег, смуглую, словно крепкий чай или рыжую, что сама медь – отыщем и такую. Но если ты захочешь большего, чем танец или боль, выбирать будет девушка.

– Она должна быть властной. Сильной. И хладнокров-

ной, – выдохнул Висмут и почувствовал, как лезвие у горла развернулось остриём, легонько кольнув его под кадык.

– Тебе понравится Лютеция, – ответил голос, и на глаза Висмуту накинута тёмная повязка, – Идём!

Его куда-то вели коридорами и спускающимися вниз лестницами, пока не толкнули на низенький диванчик. Приковали за запястья цепями к подлокотникам так, что руки оказались распахнуты: Висмут не мог ни опустить их, ни сомкнуть. Наконец сорвали повязку с глаз. Позади него тихо хлопнула дверь, и он так и не увидел ту, которая привела его сюда, в маленькую комнатку под низким потолком, устланную мехами и шелками и едва подсвеченную парой вычурных керосиновых светильников, отбрасывающих причудливые тени на каменные стены.

Едва Висмут огляделся, как открылась другая дверь – та, что была напротив него, и впустила в комнату высокую стройную женщину. Копна блестящих чёрных кудрей ниспадала по спине ниже пояса; убранные от лица волосы стягивал скрученный на макушке узел. Миндалевидные глаза были щедро подведены чёрным, а губы черешневели тёмно-бордовым. По крепким рукам, в одной из которых Лютеция держала стек, от запястий до мускулистых плеч вились тонкие браслеты-ремешки со множеством пряжек. Пышную грудь сжимал чёрный же корсет, из-под него ворохом светлого кружева струилась многослойная юбка: спереди она не достигала и колен, открывая атлетические ноги в сапогах с бес-

конечной шнуровкой, сзади волочилась по полу.

Женщина с грацией пантеры неспеша приблизилась к Висмуту и приподняла согнутым пальцем его подбородок:

– Ты здесь впервые? – спросила низким, тягучим, словно нефть, голосом и легонько хлестнула себя по бедру стеклом.

– Я здесь по делу, – ответит Висмут, выдавив самую очаровательную улыбку, на которую был способен. – У меня есть для тебя работа. Подработка. Два через два. Хорошее жалованье. Всё прилично. Но плётку с собой всё-таки захвати.

– Хм, – Лютеция изогнула широкую, чётко очерченную бровь, – оригинально! – Она отпустила его подбородок, и стек мягко заскользил от прикованного запястья мужчины к расстёгнутым верхним пуговицам его рубашки, очертил вырез, на миг задержался под ухом, где бился пульс, и спустился по плечу к запястью другой руки. – У меня уже есть работа. С чего ты взял, что твоё предложение меня заинтересует?

– Мне нужна эффектная женщина, которой под силу приструнить опытного тирана, – ответил Висмут, не отводя взгляда от её чёрных глаз. – Справишься?

Лютеция хмыкнула ещё раз, но уже с совершенно другой интонацией. Висмут её заинтриговал: ни в его взгляде, ни в полуулыбке она не видела привычного ей порочного вождения. Этот мужчина смотрел на неё не как на орудие собственного наслаждения, а как на живого, равного себе че-

ловека.

– Его нужно проучить? Или перевоспитать? – Лютеция несильно, почти ласково хлопнула Висмута стеком по щеке.

– Скорее – пресекать его разрушительные порывы. Держать в узде, пока я на работе. – Он многозначительно покосился на хлыстик, выписывающий узоры на его груди и плечах.

– И кем ты работаешь?

– Машинистом-технецием.

– М-м-м, паровозник! Я люблю всякие... винтики. – Лютеция сверкнула чернильной теменью глаз и ловким, незаметным движением стека расстегнула пуговицу рубашки Висмута, раздвинув её ворот шире. – Паровозников мы выбираем чаще остальных, – проворковала она, – вы щедры, выносливы, и с вами не скучно. У тебя долгие рейсы?

– Уже нет, – Висмут почувствовал, как расстегнулась следующая пуговица.

– Но ты и не женат?

– И не собираюсь.

Лютеция немного поразмыслила, скользя хлыстиком по обнажённой коже Висмута, и уголок её бордовых губ пополз вверх.

– Твоя работа будет не со мной и не... – решил уточнить он.

– Я поняла, – перебила Лютеция густым грудным голосом. – А боль допускается?

– Не до увечий, – мягко улыбнулся Висмут, – тирану уже за семьдесят.

Выйдя из «Холостяцкого клуба» на залитый солнцем тротуар, Висмут несколько мгновений привыкал к яркому свету, но даже резь в глазах не могла стереть с его лица торжествующую улыбку. Что ж, со следующей его смены Празеодим будет в надёжных руках! Пусть попробует ущипнуть за бедро Лютецию: уж она-то найдёт, чем ответить!

– Висмут! Вот так неожиданная встреча! – колокольчиком прозвенел знакомый голос.

Висмут обернулся и даже не сразу узнал в стоящей перед ним хорошенькой девушке Сурьму, – спас цвет её волос (но теперь не стянутых в пучок, а уложенных сложными косами) и неизменный маленький цилиндр, лихо сдвинутый на одну бровь. Она была в насыщенно-оливковом платье, в меру убранном кружевами цвета слоновой кости, и тонких светлых перчатках. Яркая, словно райская птичка. А вот бледные веснушки, придававшие девушке ещё больше очарования, скрывал щедрый слой пудры.

Под руку она держала худого и высокого, щеголевато одетого молодого человека, которого можно было назвать даже красивым, если бы не его выражение лица. Такой вид обычно бывает у воспитанных людей, ненароком ступивших новым, до зеркального блеска начищенным ботинком в конский на-

воз.

– Это Астат, мой жених, – представила франта Сурьма, – а это Висмут, наш машинист.

Когда мужчины пожимали друг другу руки, у Висмута не осталось сомнений в том, кому адресовалось выражение лица Астата.

– А я как раз Астату про тебя рассказывала! – искренне улыбнулась Сурьма.

– Вот как? – сдержанно удивился Висмут.

– Да, – церемонно кивнул Астат, – Сурьма говорила, что вы служили на самом длинном маршруте «Почтовых линий» и, возможно, ещё вернётесь к этой работе. – Тонкие губы тронула сардоническая усмешка. – От некоторых привычек, свойственных людям, которые большую часть времени находятся вдали от дома, я смотрю, вы тоже избавляться не спешите. – Астат многозначительно глянул на вывеску «Холостяцкого клуба». – Однако смею заметить вам, как человеку, прибывшему в Крезол совсем недавно: это заведение имеет специфический уклон в своей деятельности, и в вашем возрасте уже следует быть осмотрительным, выбирая подобные... э-э-м... увеселения.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Сурьма, заметив, как помрачнел взгляд Висмута.

– Расскажу тебе позже, душа моя, – проронил Астат, не сводя холодных глаз с собеседника. – Надеюсь, рассказывая мне про «увлекательные беседы» с вами, господин Вис-

мут, моя невеста имела в виду только разговоры о работе, а не о других ваших... увлечениях, – с едва различимой угрозой в голосе произнёс он.

– Безусловно, – снисходительно улыбнулся Висмут, – ведь разговоры о любви – дело пустое. Любовью нужно заниматься, а не болтать о ней. Когда будете в моём возрасте, вы это поймёте, господин Астат. Был рад знакомству! – и Висмут, кивнув на прощание, пошёл прочь, бросив на Сурьму тяжёлый долгий взгляд.

Сурьма этот взгляд не выдержала, стыдливо опустил ресницы. В нём читалось и сожаление, и что-то такое, благодаря чему она поняла: Висмуту не всё равно, что она о нём подумала.

Его ответ вогнал её в краску, как и общая пикантность ситуации, но отчего-то сейчас Сурьма была не на стороне Астата.

Глава 9

– Отвратительный тип! – фыркнул Астат, проводив Висмута высокомерным взглядом.

– По-моему, отвратительным был сейчас ты, – едва слышно заметила Сурьма.

– Душа моя, неужели ты его защищаешь? Но как ты можешь?! Ты даже не представляешь, какие мерзости творятся за теми дверями, из которых он вышел!

– Ты прав, не представляю и представлять не хочу, – кивнула Сурьма, – а вот ты, я смотрю, осведомлён, и недурно!

– Думаю, – продолжил Астат, словно не услышал последней её фразы, – пришла пора пересмотреть взгляды на твою службу, душа моя!

– С чего бы?

– С того, что мне не всё равно, чем ты занимаешься. Через два с небольшим месяца ты станешь моей женой, и я категорически против, чтобы ты работала с подобными людьми.

– Твой отец обещал замолвить за меня словечко на «Почтовых линиях»...

– Разумеется. Он помнит об этом и готов сразу после нашей свадьбы настойчиво рекомендовать тебя секретарём к управляющему.

– Что?! – задохнулась Сурьма, резко остановившись посреди тротуара. – Секретарём?!

– На лучшее, заметь, место! – Тонкие губы Астата растянулись в тщеславной улыбке.

– Да ты... да вы... – Судорожно глотая дымный городской воздух, словно выброшенная на берег рыбёшка, Сурьма выдернула из-под локтя жениха свою руку и отступила на шаг. – Я дипломированная пробуждающая, жупел вам в брюки, а не какая-то писака!

– Не кипятись, душа моя, – миролюбиво начал Астат, но Сурьма оттолкнула его руки, потянувшиеся к её плечам.

– Я не буду сидеть под чьей-то дверью, словно псина, которая приносит хозяину домашние туфли и подаёт голос только по команде!

– Это очень хорошая должность для женщины, душа моя! Уж не думала ли ты, – помрачнел Астат, – что я позволю своей жене отлучаться в дальние рейсы, без которых невозможна работа пробуждающих на «Почтовых линиях»?

– Уж не думал ли ты, что я позволю кому-то что-то мне запрещать?! – ещё больше взъерепенилась Сурьма. – И сколько раз я просила тебя не называть меня этим ветхим «душа моя», позволь спросить?!

– Не знаю, но...

– Вот! А должен бы, раз уж я твоя невеста и тебе не всё равно! Так что мы либо договоримся и найдём компромисс, либо будет по-моему! Подумай об этом!

– Хорошо, я больше не буду так тебя называть, только, умоляю, тише! На нас люди уже оглядываются!

– Да в жупел людей! – фыркнула Сурьма, но голос всё-таки сбавила. – А места пробуждающей я всё равно добыюсь, и если хочешь мне помешать, придётся лечь на рельсы перед моим паровозом! – и она, резко развернувшись на каблуках, пошагала прочь, оставив жениха стоять посреди тротуара под неодобрительными взглядами прохожих.

Сурьма вернулась домой и, ни с кем не желая разговаривать, заперлась в своей спальне. Она слышала, как позже приходил помириться Астат, но не спустилась. Он тщетно прождал около часа, развлекаемый маменькиной светской беседой. А вот Сурьме после побега Никеля поговорить было решительно не с кем.

Перед сном в комнату дочери заглянула госпожа Кельсия.
– Как ты, дорогая? – спросила она, но ответа не требовалось: всё было понятно по красноречивому мрачному взгляду синих глаз.

Госпожа Кельсия уселась на краешек кровати и, забрав из рук дочери керамический гребень, принялась аккуратно расчёсывать её густые жёсткие волосы.

– Астат рассказал мне о сегодняшнем инциденте, – вкрадчиво произнесла она. – Он переживает. Надо признать – я тоже.

– Уже наябедничал, значит.

– Ты несправедлива к нему, милая! То, что ты работаешь с мужчинами, и так вызывает некоторые опасения, а уж если речь о *таких* мужчинах...

– Каких «таких», мама? – вспыхнула Сурьма. – Висмут отличный специалист, и мы с ним работаем, а не что-то там!

– Но его отношения с женщинами...

– Нас не касаются!

Сурьма резко развернулась к матери и впиалась в неё враждебным взглядом. Она сама не ожидала, что будет защищать Висмута, тем более – защищать так яростно. Но раз уж Астат и мамы сплотились против неё и её работы, значит, Сурьма будет с тем, кто по другую сторону баррикад.

– Короткое знакомство с человеком, посещающим подобные заведения не таясь, может пагубно сказаться на твоей репутации, дорогая, – терпеливо пояснила госпожа Кельсия.

– То есть если бы он делал это тайком – и разговора бы не было? – усмехнулась Сурьма. – Знаешь что, мам? Мне осточертело...

– Сурьма!!!

– Мне опостылело корчить из себя не пойми что!

– Сурьма!!!

– Вся наша жизнь – сплошное притворство, фикция! Нужно выглядеть благопристойно, нужно быть на уровне, нужно-нужно-нужно! Лишь бы никому не открылось истинное положение дел: мы бедны как церковные мыши, мой брат сбежал с горничной и живёт теперь с ней во грехе, а я – дипломированная пробуждающая с отличными рекомендациями – прозвучиваю гайки в какой-то ржавой мастерской, как последний троечник из технециев! Я хочу наконец-то до-

стигнуть настоящих высот и перестать делать вид, что у нас «всё как у людей». Я хочу, чтобы у нас на самом деле было всё как у людей! А вы с Астатом вставляете мне палки в колёса!

– Дорогая, – матушка ласково погладила дочь по руке, – но для этого вовсе не обязательно работать на каких-то там маршрутах или терпеть рядом с собой такую публику. Достаточно просто выйти замуж за Астата, и все твои достойные цели будут достигнуты!

Сурьма задавила рвущиеся наружу бессильные гневные слёзы.

– Но я хочу сама... сама чего-то достичь. Использовать свой талант, свои знания и умения, стать кем-то особенным! А не просто прибавкой титула к имени Астата, – тихо проговорила она.

– Ты и так особенная, дорогая! Тем более для Астата – он в тебе души не чает, потому и переживает за тебя. Цени это, милая, и не обижай его больше своим невниманием, хорошо? Ведь вы же любите друг друга, не стоит ссориться по пустякам!

Сурьма потупилась и закусила губу, чтобы не расплакаться от безысходности и одиночества, но мать расценила это как раскаяние и согласие с её доводами.

– Вот и хорошо, дорогая. А теперь ложись спать, уже поздно. Наверное, не будет большой беды, если до свадьбы ты останешься в своей должности в этих мастерских, но поста-

райся держаться подальше от того мужчины. А после – тут я согласна с Астатом: секретарская работа у начальника «Почтовых линий» – наилучший вариант для молодой женщины твоего положения.

К завтраку Сурьма явилась мрачнее тучи. За столом сидели лишь Талли и загордившийся газетой отец, мами осталась в постели, одолеваемая мигренью.

– Доброе утро, – буркнула Сурьма, усаживаясь за стол.

Из-за газеты выглянул серо-голубой глаз в золотой оправе круглых очков.

– А по тебе и не скажешь, что доброе, дитя моё.

– Она повздорила с Астатом, – прокомментировала Талли, за что получила строгий взгляд от старшей сестры.

– Вот как! – Седая бровь приподнялась над золотой оправой, отогнутый газетный уголок возвращаться на своё место не спешил: отец ждал пояснений.

– Мой жених после свадьбы собирается запретить мне работать пробуждающей на «Почтовых линиях», – неохотно сказала Сурьма, – из-за длительных рейсов.

– Это очень великодушно с его стороны: сообщить о своих намерениях заранее. Так у тебя будет время привыкнуть к этой мысли, – спокойно отозвался отец.

– Что?! Не собираюсь я ни к чему привыкать! Я хочу это место! Мечтаю о нём!!!

– Но когда Астат станет твоим мужем, тебе придётся считаться с его мнением, поэтому, если он против твоей работы, придётся его послушать. Тем более однажды тебя туда уже не взяли.

– Но папи! – воскликнула Сурьма так пронзительно, будто ей палец прищемили. – Почему он не хочет посчитаться с моим мнением? Почему именно я должна?!

– Ты ведь девушка, – вставила Талли, рисуя серебряной ложечкой затейливые узоры в своей уже остывшей овсянке, – а у девушек не мнения, а капризы.

– А девочкам – так и вообще молчать положено, пока их не спросят! – Сурьма сверкнула в сторону сестры злобным взглядом и вновь повернулась к отцу, но тот, судя по невозмутимому выражению лица, был согласен с младшей дочерью.

– А меня? Меня будет хоть кто-нибудь хоть когда-нибудь слушать?! – простонала Сурьма.

– Твои дети, возможно, – безмятежно кивнул господин Нильсборий.

Вечером вновь явился Астат. На этот раз Сурьма приняла и его, и его извинения за вчерашнее «резкое поведение».

– С моей стороны было недопустимо говорить подобные вещи при *девушке*, – сухо раскаялся Астат, – это и неуместно, и неприлично. Прошу простить мне мою неделикатность.

– То есть я сама смогу решать, где мне работать? – уточнила Сурьма, желая услышать что-то более конкретное.

– Работать? – изогнул тонкую бровь Астат. – При чём здесь твоя работа? Ах, да, конечно! Ты можешь продолжить свою службу в мастерских до нашей свадьбы, разумеется. Но потом я буду настаивать, чтобы твой труд (если он тебе настолько важен) был в обществе людей более... изысканных.

– погоди, так ты сейчас извиняешься не за то, что оскорбил меня недоверием и запретил работать в «Почтовых линиях»? Не за то, что посчитал мои мечты слишком незначительными, чтобы позволить им осуществиться?

– Я не против твоей там работы, но в должности секретаря, душа моя, – мягко улыбнулся Астат. – Мои извинения – за то, что я вступил в провокационный диалог с этим машинистом, хотя предполагал, что в ответ могу услышать нечто непристойное, для твоих ушей – непозволительное. И теперь я вынужден просить тебя держаться подальше от этого грубияна.

– От тебя, что ли? – дерзко изломила тёмно-рыжую бровь Сурьма.

В сумрачной глубине её глаз вскипал неукротимый гнев. Астат вздохнул, умиряя нахлынувшее раздражение.

– От этого машиниста. Мне не по душе, что ты вращаешься в мужской компании, – это не совсем корректно для девушки твоего положения, ты же не какая-то прачка, – а уж

когда речь о такой компании...

– Я всю свою жизнь «вращаюсь в мужской компании»: мы с Ником были не разлей вода! – рывкнула Сурьма.

– И это объясняет некоторую твою резкость, что не...

– Не отменяет того, что он – единственный человек, который понимал меня, поддерживал, и с которым я могла говорить обо всём на свете, не боясь быть засмеянной или пристыженной! – перебила Сурьма. – Жаль, что ты не такой! – Она смерила жениха гневным взглядом и направилась к себе.

– И всё же, милая, – крикнул ей вслед Астат, и в его голос вплелись умоляющие нотки, – держи дистанцию с этим развязником!

Но Сурьма, с чувством впечатывавшая свои туфельки в лестничные ступени, загарцевала ещё выразительнее, высоко задрав подбородок.

– Такие твои знакомства, если они слишком короткие, могут неблагоприятно сказаться на моей репутации! – закончил Астат.

В ответ лишь с треском захлопнулась наверху дверь спальни.

Глава 10

Весь день Сурьма была задумчива, молчалива и будто чем-то расстроена, держалась обособленно, даже обедала одна: не стала подсаживаться, как обычно, за стол к бригаде. Но под конец смены на ремонт подогнули живой паровоз, и она немного воспряла духом.

Когда Сурьма, цепляясь за поручень одной рукой (в другой был увесистый ПЭР), ловко взобралась в будку машиниста, Висмут был уже там. На секунду она замерла в дверях, но потом уверенно шагнула внутрь и, опустившись на колени, раскрыла на полу чемоданчик с пьезоэлектрическим резонатором, принялась разматывать проводки.

– Мне выйти? – спросил Висмут, заметив её заминку.

– Зачем? – сухо ответила Сурьма, не поднимая на него глаз.

– Я знаю, что некоторые пробуждающие не любят чужого присутствия, когда входят в контакт. Это их отвлекает. Сбивает.

Сурьма бросила на собеседника быстрый, но внимательный взгляд.

– Меня не так просто сбить с настрое, – ответила она.

Сурьма подключила все свои проводки и клеммы, надела перчатки, достала из топки панель питания осциллирующих пластин мастера Полония и устроила её у себя на коленях,

прислонившись спиной к стене.

– Не хочешь сесть в кресло? – поинтересовался Висмут, наблюдая за её приготовлениями.

– Мне так удобнее.

Сурьма насупила брови, будто приготовилась выслушать рациональные доводы в пользу кресла помощника машиниста или насмешки в адрес своих причуд. Но нет. Висмут встал со своего кресла и опустился на пол рядом с Сурьмой, так же, как она, опершись спиной о стенку будки машиниста. Их плечи почти соприкоснулись. Сурьма, уже положившая ладони в перчатках на панель, озадаченно на него уставилась.

– Я всё ещё могу выйти, если отвлекаю. – Уголок губ Висмута приподнялся в полуулыбке.

– Ты меня не отвлекаешь, Висмут.

Её голос прозвучал как-то иначе, не как обычно – особенно имя Висмута – будто она произнесла его не в рабочей обстановке, а в тёплой дружеской беседе. Будто она впервые обращалась именно к Висмуту, а не просто к коллеге – неважно, к которому из них, – всё одно.

– Но ты мог оставаться в кресле. – Её лицо стало чуть менее серьёзным и хмурым, и Висмут заметил, как из синего взгляда пропала колючесть, и этот взгляд теперь уже не сверлил машиниста, а с интересом изучал.

– Пересяду, когда приступлю к своим обязанностям: отсюда управлять паровозом не слишком-то удобно. Но пока –

раз пробуждающий на полу, то и мне нечего делать над его головой. Ты права, тут даже удобно. Но если бы ты для установления контакта предпочитала бы забираться в топку, как один из тех ребят, с которыми я ездил, то вот туда я бы следом не полез.

Сурьма усмехнулась:

– Причуды пробуждающих?

– Причуды пробуждающих, – серьёзно согласился с ней

Висмут.

Кажется, он даже уважал этакую блажь, хотя в их мастерских над подобным в лучшем случае подтрунивали.

Сурьма закрыла глаза и, плотно прижав пластины перчаток к панели, слилась с мерным низким гулом, который издавал ПЭР. Паровоз откликнулся очень быстро, но слабенько. Она вошла с ним в контакт, как нож входит в подтаявшее масло – легко и мягко, но ей сразу стало ясно: чтобы разогреть этого не-зверя, понадобится больше времени. Он не сопротивляется, нет. Он просто очень устал и ослаб. И его механизму требуется ремонт. Их задача – выяснить, что именно с ним не так.

Сурьма открыла глаза и какое-то время молчала, ощущая, как от пальцев рук бегут по всему телу электрические мурашки, как они проникают глубже и глубже под кожу, щеко-чут, искрят и почти радуют. Утешают. Но для знакомой волны восторга она была сегодня слишком расстроена, а паровоз – слишком слаб.

– Вообще-то мне велели держаться от тебя подальше. – Сурьма вновь повернула лицо к Висмуту.

Тот задумчиво на неё посмотрел.

– Я, верно, должен извиниться за... – начал он, но Сурьма перебила.

– Ты не должен. Я – должна. Поведение моего жениха было недопустимым, – строго сказала она.

– Думается, я дал ему повод. Хотя он истолковал всё превратно.

– Пожалуйста, – Сурьма устало прикрыла глаза, но от Висмута не отвернулась, – пожалуйста, не оправдывайся.

– И не думал.

– Хорошо. Он вообще не должен был ничего истолковывать, это не его дело.

– Мне кажется, ты требуешь от него невозможного, – мягко улыбнулся Висмут, – любой бы в такой ситуации...

– Да, – вновь перебила Сурьма, – и я тоже, если бы не он. Но в этот раз я не на его стороне.

– Э-э-э, дело пахнет бунтом! – протянул Висмут, словно рассуждая с самим собой. – Как будто назло Астату...

И что-то в его тоне, в том, как он это сказал, так сильно напомнило Сурьме Никеля, что сердце оступилось, и к горлу подкатил тугой резиновый ком. Резонатор усилил эмоциональный всплеск Сурьмы, а паровоз отозвался на него высокочастотной вибрацией, прокатившейся по жилам девушки ледяной дрожью, которую ощутил даже Висмут, почти ка-

савшийся своим плечом плеча Сурьмы. Меж их рукавами сверкнула искорка статического разряда.

– Он запретил мне работать пробуждающей на «Почтовых линиях»! – выпалила Сурьма. – И я ненавижу его за это! Не за сам запрет, а за то, что ему наплевать на мои мечты!

Она прикусила язык, но было уже поздно: слова, такие сокровенные, такие неуместные в компании постороннего мужчины, уже сорвались, прозвучали, прогремели на всю будку машиниста.

– Ну... Его можно понять, – мягко отозвался Висмут. – Его нежелание расставаться с молодой женой из-за длительных почтовых рейсов вполне объяснимо.

– То есть ты поступил бы так же? – Сурьма резко повернула к нему лицо, враждебно сверкнув глазами. – Запретил бы своей жене ездить в рейсы?

– Я бы ездил вместе с ней, – совершенно серьёзно ответил он. – Благо – я машинист и мог бы это устроить.

Сурьма растерянно хлопнула ресницами. Враждебность постепенно растворилась в её взгляде, исчезнув без остатка. Вместо враждебности пришло любопытство и что-то очень похожее на уважение. Не на дежурную почтительность высшего света, а на глубокий личный интерес и расположение. Но очень быстро глаза Сурьмы вновь погрустнели.

– Астат, увы, не машинист. И если я не смогу переубедить его, не видать мне «Почтовых линий»... Папа прав: когда я стану женой, мне придётся слушаться мужа, хочется мне

этого или нет, иного выхода не будет. И меня это безмерно злит! Почему жёны должны слушать мужей, в то время как последние зачастую не утруждаются прислушаться к желаниям своих жён?!

– Если люди любят друг друга, а не только себя и свои интересы, они и услышат, и прислушаются, – пожал плечами Висмут, – ведь любовь – это не страсть, хоть зачастую ею сопровождается. Это взаимопонимание и умение увидеть в глазах человека его душу, а не собственное отражение. Чувства более спокойные, глубокие и крепкие. Они делают важным то, что хочет другой, и ты начинаешь хотеть этого вместе с ним не меньше.

Сурьма внимательно смотрела на Висмута. С ним было на удивление легко говорить, даже на такие интимные темы. Почти как с Никелем. Вот только Никель редко говорил что-то такое, над чем Сурьме хотелось бы задуматься, – как сейчас.

Она озадачилась, стоит ли спрашивать то, что вертелось на языке – или и так уже наболтала лишнего. Решив, что разговор зашёл слишком далеко и пытаться замять тему уже поздно, всё-таки спросила:

– А если... если он не хочет? Если то, что для меня важно, для него – капризы и вздор?

– А ты знаешь, что важно для него? – спросил Висмут. – И важно ли это для тебя, или тоже – «капризы и вздор»?

Сурьма задумалась. И правда: чего же хотел Астат? Их

свадьбы – да. Карьерного успеха – безусловно. Но должно быть что-то ещё! Что-то самое важное, что она, оказывается, упускала.

– Самый простой способ лучше понять человека – поговорить с ним по душам, – улыбнулся Висмут. – Доверительно. Иначе, ничего не зная о собеседнике, мы склонны воображать вместо него кого-то другого, для нас удобного.

– Но мне его позиция отнюдь не удобна! – вспыхнула Сурьма.

– Но тебе удобно на него злиться. И, возможно, позже удобно будет винить в том, что пришлось поступиться своими мечтами. Хотя самая частая причина того, что мы предаём наши стремления, кроется не в окружающих людях, а в нашем собственном малодушии и страхе провалиться на пути к цели.

Сурьма строго глянула из-под полей своего цилиндра, но ничего не ответила. Висмут говорил не назидательно, как, например, папи. В его голосе слышалась горечь – даже боль – будто речь шла не о Сурьме, а о едва затянувшихся ранах Висмута, о его преданных мечтах, о его промахах и ошибках, поражениях и провалах – обо всё том, о чём Сурьма не имела никакого представления, поэтому возражать, спорить, отстаивать что-то казалось глупо. Да и не хотелось.

– Не-зверь готов, можно работать, – произнесла она, всё так же пристально глядя в глаза Висмуту.

Глава 11

Лютеция сидела с Празеодимом уже третью неделю, и несносного старикашку теперь было не узнать: он стал покладистым, тихим и довольным. На второй день выходных Висмута начинал, правда, капризничать и требовать то одного, то другого, но капризы его утратили былое злобство в адрес сына и желание задеть его за больное и совершались больше для порядка, поэтому теперь возвращаться домой Висмуту было не так тошно.

Неделю назад его встретил аппетитный запах, доносящийся с кухни. Лютеция выплыла вслед за ароматом из кухонных дверей и, опершись локтем о косяк, произнесла своим низким тягучим голосом:

– Я приготовила тебе рагу. Всё на столе. Оди у себя, уже десятый сон видит.

Висмут растерялся.

– Не стоило. Мы договаривались, что ты будешь кормить только его и тем...

– ...что есть, я помню. Но рагу я приготовила для тебя, не для Оди. Мне захотелось. И я недурно кулинарю. Прибавки к моему жалованью это не требует. – Лютеция загадочно улыбнулась.

Ужин оказался отменным! И с тех пор Лютеция завела традицию готовить для Висмута, несмотря на его отговор-

ки. Сама она не ужинала, ссылаясь на то, что ест раньше, пока готовит, но компанию за столом Висмуту составляла. Вот и сейчас она сидела на соседнем стуле, развернувшись к Висмуту вполоборота.

– На службе всё хорошенечко? – спросила Лютеция, щуря томные глаза, словно пригревшаяся на солнышке кошка.

– Да. А у вас тут как, не шалит дед?

Лютеция лениво усмехнулась:

– Как видишь. Со мной не расшалишься. Ты доволен?

– Более чем! Кто бы рассказал – я бы не поверил, что столь разительные перемены возможны едва ли не с первого дня. Что ты с ним делаешь? Заколдовываешь?

– Ублажаю.

Висмут закашлялся, подавившись бульоном, черешневые губы Лютеции расплылись в довольной улыбке.

– Шучу, Вис, шучу. Но в какой-то степени это правда. Такие, как он, привыкли быть в эпицентре жизни и, оказавшись на её обочине, становятся злы на весь мир. Эту злость подстёгивает страх быть ненужным, бесполезным, незаметным и, в конце концов, забытым. Я даю ему внимание, которого он требует. Щекочу его нервишки, заполняя возникшую в его жизни пустоту и недостаток впечатлений. Ну и добавляю капельку лауданума в чай, конечно же, – заговорщически подмигнула она, – но это – секрет.

Висмут усмехнулся.

– Кстати, о секретах, – протянула Лютеция, – что с твоим

коленом?

– Что?

– Я вижу, порой ты прихрамываешь на правую ногу. Колено, верно? Что с ним?

– Пуля, – нехотя ответил Висмут. – До сих пор там, в кости, повыше сустава.

– Так и знала, что ты воевал, – довольно проворковала она, – видно и по мускулам, и по выправке. Офицер?

– Старший сержант.

Лютеция неспешно кивнула. Закинув ногу на ногу, она приподняла юбку и извлекла из-за кружевной подвязки маленькую фляжку.

– Я не пью, – ответил на её предложение Висмут, – я ж паровозник, нам нельзя.

– Пить вам нельзя только на работе или перед ней. У тебя завтра выходной, а в выходные вам нельзя *напиваться*. Но тут, – она поболтала фляжкой, – пара напёрстков совсем не крепкого, на двоих не хватит даже для того, чтобы захмелеть, – и женщина, сделав глоток, вновь протянула флягу Висмуту.

Мгновение поколебавшись, он взял фляжку и чуть пригубил из неё.

– Хорошее, – одобрил.

– У тебя были с этим проблемы, да? – прищурила чёрные, густо подведённые глаза Лютеция.

Висмут бросил на неё напряжённый взгляд, оставил

в сторону пустую тарелку.

– Я не осуждаю, – вздохнула она, укладывая голову на скрещённые на столе руки и глядя на Висмута через плечо, снизу вверх, – все мы увечные механизмы, что твои паровозы. Думаешь, я не без греха? Не усмехайся так, я сейчас не о *том* грехе. Дома у меня целая коллекция. Фляжек – не грехов. Хотя и последних тоже.

– Не представляю тебя пьяной.

– Хм... А я и не напиваюсь. Но поздно ночью, когда возвращаешься в пустую квартиру с работы, для которой ты уже слишком стара и неуместна, согреть может разве что это, – она вновь тряхнула флягой и, сделав глоток, протянула её Висмуту, – потому что кроме этого да работы, которая совсем уже не по мне, и собственного возраста, у меня ничего нет.

Висмут долго молчал, глядя на Лютецию, которая сейчас была совсем иной, не похожей на властную воительницу древних времён. Под всей краской, пудрой, подводкой, помадой, под ворохом блестящих чёрных кудрей пряталась обычная женщина: уставшая, разочарованная, нелюбимая. Слишком сильная для того, чтобы нравиться многим, слишком экстравагантная, чтобы притворяться кем-то другим. Висмут смотрел на неё, а она смотрела в ответ глубокой бархатной чернотой своих глаз, не мигая, не шевелясь, словно статуя всеми забытой богини.

– Я пил два года, – тихо произнёс он. – Беспробудно. Ока-

зался на той самой обочине жизни, бесполезный и ненужный. У меня была неработающая нога, дикие беспрестанные боли, пособие по ранению и бутылка.

– И как выбрался?

Висмут пожал плечами:

– Не сразу.

Лютеция отодвинулась от стола, полностью развернувшись к Висмуту. В молчании, всё так же глядя друг другу в глаза, словно продолжая беззвучный диалог, они отпили ещё по глотку из фляги. Рука Лютеции поднялась по плечу Висмута, пальцы взъерошили его волосы. Женщина придвинулась к нему совсем тесно, бедром к бедру, окутывая спелым ароматом красного винограда, но Висмут не отстранился. Ее ладони скользнули в полурасстёгнутый ворот его рубашки и сомкнулись сзади на шее под воротником, а черешневые губы уверенно, но очень нежно коснулись губ Висмута, и он ответил на этот долгий, неторопливый, чувственный поцелуй.

– Поднимемся в твою спальню? – прошептала Лютеция.

– Нет.

– Можно и здесь. – Она принялась расстёгивать его рубашку, но он удержал её руку.

– Нет, Лютеция.

– Нет? – Она чуть отстранилась, широкая бровь удивлённо выгнулась. – Я умею быть ласковой. И я не возьму с тебя денег.

– Тем более, – Висмут вздохнул. – Я пожалею о своём решении, как только ты уйдёшь. Но оно верное, – тихо ответил он, глядя в черноту её глаз. – Для нас обоих.

– Ты ведь не пренебрегаешь услугами девушек моей профессии. – Не вопрос – утверждение.

– Сейчас не те обстоятельства.

Лютеция разочарованно опустила ресницы.

– Что ж, ты и правда пожалеешь о своём решении! – Кисло улыбнувшись, она поднялась со стула и легонько похлопала Висмута по плечу. – Оно огорчительное. Для нас обоих. Доброй ночи, Вис.

После того разговора с Висмутом в будке машиниста Сурьма много думала. Думала не только о его словах, но и о том, как они изменили её отношение к нему. Она увидела в нём человека чуткого, мудрого, готового поддержать. Такой не посмеётся над её мечтами. И ей, впервые после исчезновения Никеля, захотелось поговорить о них, с кем-то ими поделиться. Однажды она рассказала Висмуту и о коричневом блокноте, и своём восхищении мастером Полонием, и о стремлении работать на «Почтовых линиях», чтобы накопить денег и отправиться на поиски его экспедиции.

– Когда-нибудь я обязательно сделаю это: найду её и прославлюсь на всю страну, – улыбнулась Сурьма, защёлкивая замочек своего саквояжа.

За разговором они засиделись после работы в подсобке дольше обычного, и остальная бригада уже давно разошлась по домам, погасив все лампы, кроме единственной, тускло светившей над выходом.

– Громкая слава только мешает, – заметил Висмут. – Ты любишь живые паровозы и жаждешь приключений, свободы – разве нет? Известность будет тебя лишь сковывать и тормозить.

– Я жажду стать кем-то в обществе! – воскликнула Сурьма. – Я устала притворяться и вечно доказывать, что я чего-то стою! Хочу на самом деле быть тем, кем должна, кем заслуживаю! Чтобы можно было с честью смотреть в глаза людям, а не прислушиваться к шепоткам за собственной спиной.

– Общество требует притворства, Сурьма. Полного соответствия определённым правилам. Но ни один живой человек не может отвечать им всем – правил слишком много. Поэтому всегда найдётся кто-то, кто будет шептаться за твоей спиной, для кого ты окажешься в чём-то неправильной. Но чтобы быть счастливой, не нужно во всём быть правильной, – важнее быть настоящей. Поэтому рано или поздно тебе придётся выбирать: следовать за общественным мнением или за собственным сердцем.

– Это мы ещё посмотрим! – усмехнулась Сурьма. – Говорят, что победителей не судят. И если я действительно достигну таких высот, никто не осмелится сплетничать

обо мне.

Висмут улыбнулся устало и немного грустно:

– Счастье – странная птица, Сурьма. Не всегда его гнездо находится на самом высоком пике. Иногда оно и проще, и ближе, чем кажется.

В этот день ничего не предвещало каких-то особенных событий. Утро было самое обычное, какое случается в конце июня: с воздухом, до духоты прогретым с самого восхода, с запахами горячего камня мостовой и лошадиного пота, со звонким теньканьем воробьёв, прячущихся в тени жидких кустиков или купающихся в золотой пыли.

Сурьма, как обычно, пришла на службу, как обычно, на предсменное собрание в их подсобку спустился господин начальник с пачкой техлистов под мышкой, как обычно, раздал всем задания. У них вновь был живой паровоз, и это Сурьму несказанно обрадовало.

– И последнее, – сказал господин начальник, – у нас крупный заказ на три живых паровоза для «Почтовых линий».

У Сурьмы ухнуло сердце.

– Наши ресурсы закончились, придётся ехать в командировку на кладбище паровозов, – продолжал начальник, – отыскать подходящие, перегнать их сюда. А здесь уж отремонтируем, доделаем, что там потребуется. Господин Висмут? – Начальник вопросительно глянул на машиниста.

– Сделаем, – кивнул тот.

– Я знаю, твои обстоятельства не предполагают таких долгих отлучек, но у машиниста из второй бригады слишком мало опыта для такого перегона, к тому же он не знает маршрут и не вполне представляет требования к локомотивам «Почтовых линий», а ты по этому маршруту на их поездах треть жизни проездил.

– Мои обстоятельства мне не помешают, господин начальник.

– Вот и славно. Отправление через неделю. Возьмёте наш живой локомотив и вагон, который с кухней и двумя комнатами. Путь долгий.

– Так мы едем на толуольское кладбище? – не сдержала восторга Сурьма.

Господин начальник строго на неё глянул, сделал выжидательную паузу.

– О вас, госпожа диагност, речи нет. Пробуждающим поедет Литий.

– Что?! Как же так?! Это шутка такая?

– Я похож на шутника? – Бровь господина начальника, отвечающая за замечания, шевельнулась.

– Но я же в четыре раза сильнее Лития! Он не сможет гнать паровоз весь день, ему придётся чаще восстанавливаться, и времени уйдёт в четыре раза больше! И потом – это же заказ для «Почтовых линий», и он может стать для меня...

– Госпожа диагност! – чуть повысил голос начальник. – Я бы предпочёл не обсуждать это при всей бригаде, но раз вы настаиваете... Даже с вашими талантами путь займёт не меньше двух недель. Как вы себе это представляете: юная незамужняя девушка наедине с посторонним мужчиной столько времени, большую часть которого вы проведёте среди безлюдных степей? Простите, но у меня в штате нет престарелых компаньонов для подобных случаев!

– Здесь я в первую очередь – пробуждающая, а не «юная незамужняя девушка»! – захлебнулась возмущением Сурьма.

– А я здесь в первую очередь – руководитель, принимающий решения и отвечающий за своих служащих, и спорить со мной не входит в ваши должностные инструкции! – строго сказал начальник и пошёл к выходу.

– Значит, вы должны отвечать не только за меня, – дерзко донеслось ему в спину, – но и за Висмута. Если вы можете за него поручиться, о чём тогда беспокоиться? А если нет – то что же он тогда здесь делает? Да и вообще – он мне в отцы годится, просто смешно о чём-то тут переживать!

В подсобке повисла вибрирующая, словно пьезоэлектрический резонатор, тишина. Замерли все: господин начальник – вполоборота, уставившись на Сурьму, Висмут – опустив глаза, остальные технеции, которые спешили покинуть помещение, чтобы не стать невольными свидетелями скандала – в дверях, склонив головы и украдкой бросая взгляды

то на пробуждающую, то на начальника.

– Я, госпожа диагност, – тихо просвистел начальник, и Сурьме почудилось, что из его ноздрей вырвалось облачко гневного пара, – головой готов поручиться за господина Висмута. Но есть такая вещь, как молва. И я не собираюсь ни плодить сплетни, ни ставить своих служащих в неловкое положение, пусть даже у некоторых из них недостаёт ума понять всю его щекотливость в глазах общества. Разговор окончен. Займитесь работой, вас ждёт живой локомотив.

Господин начальник вышел из подсобки, и за ним следом, не поднимая голов и стараясь не шуметь, потянулись технеции. Висмут остался стоять на месте, скрестив руки на груди и глядя себе под ноги. Сурьма видела его краем глаза, но посмотреть ему в лицо не решалась. Щёки её залились жгучим румянцем, горло сжало таким сильным спазмом, что даже дышать удавалось с трудом.

Они молчали с минуту, а потом Висмут, не сказав ни слова, ушёл, оставив Сурьму наедине с её растрёпанными чувствами. Она ещё какое-то время стояла посреди опустевшей подсобки, уронив руки, понутив голову. Сурьма и сама не понимала, что же терзает её больше: стыд за такую некрасивую сцену, злость на начальника или то, что она, скорее всего, сильно обидела Висмута, хоть и совсем того не хотела. А теперь он ждал её в локомотиве на прогонном пути, и она выскребала из потаённых уголков своего сердца остатки смелости, чтобы пойти туда и посмотреть ему в глаза.

Когда Сурьма, стиснув зубы, поднялась в будку машиниста, Висмута там не оказалось. Волна облегчения моментально сменилась дрожью в коленях и отчаянием едва ли не до слёз: если после подготовки локомотива к прогону он ушёл с рабочего места, чтобы лишний раз с ней не пересекаться, значит, всё чертовски плохо!

Она села на пол, открыла ПЭР, взяла в руки разноцветные проводки. Пальцы мелко дрожали. В таком состоянии не стоило бы входить в контакт с паровозом, но она справится, она же профессионал! Сурьма глубоко вздохнула, сглаживая непроливишиеся слёзы, и принялась подключать резонатор.

В конце концов, в её словах не было ничего оскорбительного! Ведь Висмут и правда едва ли не в отцы ей годился – убеждала она себя, рассматривая каждое произнесённое слово в отдельности, словно малину, аккуратно взятую из блюдечка двумя пальцами и просматриваемую на свет. Слова как слова. Ничего оскорбительного! Но если сложить их вместе, выходило что-то очень скверное. И дело было даже не в них – слова были не виноваты. Дело было в том, как они были сказаны. Как их произнёс её гнусный, бестолковый язык!

Сурьма прикрепила к вискам клеммы, надела перчатки, вновь тягостно вздохнула.

Конечно, ей случалось дерзить и раньше. Иной раз она даже гордилась своим острословием, особенно когда приходилось отстаивать свои права, как сейчас. Но отчего-то сейчас было по-другому. Во-первых, Висмут был не виноват, но оказался униженным при всей бригаде и начальнике. Во-вторых, он этого не заслужил, а Сурьме вдруг стало совсем не безразлично то, что он о ней думает и как к ней относиться. В глубине её души морской медузой пульсировало горькое, удушающее чувство, что она теряет что-то важное, что-то очень ценное, даже не успев обрести это.

Паровоз откликнулся не сразу и с каким-то злым, хриплым скрежетом, словно она потревожила его в тот момент, когда замученный и уставший не-зверь лёг наконец умереть.

Сурьма слышала шаги по железной лестнице: в будку машиниста кто-то поднимался. Сердце ухнуло, паровоз огрызнулся лающим лязгом.

Внутри вошёл Висмут, протиснулся мимо Сурьмы, занял своё кресло и углубился в изучение какой-то бумажки, которую он принёс с собой. Сурьма почувствовала, что теперь у неё дрожат не только руки, но и губы. Её дрожь по проводам через резонатор текла в сердце локомотива и нервировала и без того раздражённый паровоз ещё больше. Возможно, именно поэтому он так быстро раскочегарился.

– Не-зверь готов, можно работать, – едва слышно пролепетала Сурьма, не поднимая глаз на Висмута.

Тот кивнул, сложил свою бумагу в несколько раз и убрал

во внутренний карман жилета, потом выставил реверс на ход вперёд и открыл цилиндропродувательные краны. Из-под поезда с шипением вырвалось облако белого пара. Висмут дал гудок отправления, перевёл ручку крана машиниста в положение отпуска тормозов и открыл регулятор, выпуская пар в цилиндры.

Как только локомотив тронулся с места, Висмут вернул рычаг в прежнее положение, чтобы не разгоняться слишком быстро, и постепенно добавлял пара в паровые цилиндры. Им нужно было набрать высокую скорость, чтобы проверить работу пластин, и Сурьма по проводам резонатора, так же постепенно, вливала в железное сердце локомотива свою энергию. Но та не струилась легко и полётно, как обычно: сейчас она вырывалась неровными сильными толчками, словно кровь из разорванной вены. И это плохо сказывалось на паровозе.

Висмут перевёл рычаг, выпуская меньше пара на ход цилиндра, но локомотив продолжал неистово дёргать вперёд, словно собака на цепи. Висмут бросил на Сурьму вопросительный взгляд.

Она прикусила губу, изо всех сил стараясь выровнять или хотя бы приглушить потоки, но эти старания давали обратный эффект. Паровоз шипел и грохотал, разгоняясь до предельной скорости на замкнутом кольце прогонного пути, словно разъярённый бык, летящий на красную тряпку.

– Сурьма! – позвал Висмут, перекивая шум, но та

лишь крепче зажмурилась.

Она знала, что он хочет ей сказать. И она пыталась это сделать, но тщетно.

– Сурьма, сбавляй! – Висмут понижал давление в магистрали, но оно продолжало ползти вверх, и паровоз гнал всё сильнее, утопая в клубях пара и шипении клапанов.

Рельсы под ним протяжно взвыли, колёса начали скользить и искрить. Висмут сбавил подачу пара на минимум, но и это не помогло. Тогда он перешёл к экстренному торможению: дёрнул ручку крана машиниста до упора, закрыл регулятор, но не успел применить песочницу. Металлически взревев, локомотив дёрнулся, слетел первой колёсной парой с рельсов, запнулся, протащился ещё несколько метров по путям практически юзом, визжа железом и разбрасывая вокруг снопы искр.

Будку машиниста тряхнуло с такой силой, что Сурьму отбросило к двери, Висмута выбило из кресла, подкинуло вверх, приложив виском об один из водопробных краников, и он рухнул на правое колено. Боль прошибла от ноги до самого мозга, зазвенела в ушах разбившимися стёклами, но за общим грохотом и лязгом его крик был не слышен.

– Чёрт возьми, Сурьма!

Когда локомотив остановился, а лязг стих, он с трудом сел, привалившись спиной к стене и закрыв глаза, перед которыми всё ещё мерцали красно-золотые искры. По скуле и шее из рассечённого виска за воротник текла горячая

струйка крови, впитываясь в белую ткань рубашки.

Сурьма на четвереньках спешно подползла к нему.

– Ты ранен? Висмут, чёрт тебя дери, ты ранен! – на грани отчаяния выкрикнула она.

Он приоткрыл один глаз. Сурьма потеряла свой цилиндр, волосы её растрепались, белоснежная рубаха испачкалась, а на подбородке наливался синяк, – ударилась о панель питания пластин. Её руки белыми птицами беспомощно порхали вокруг его лица, желая вытереть струящуюся кровь, но не находя – чем.

– Это всё из-за меня! – Голос сорвался, по щекам покатились слёзы.

– Со мной порядок, – произнёс Висмут откуда-то из вязкой сердцевины засасывающей его боли и эпицентра красно-золотистого водоворота. – Ты как?

Вместо ответа Сурьма приложила два пальца к его шее, пытаясь нащупать пульс. Рука у неё была ледяная.

– Сурьма, – он поймал её ладонь в свои, – я разговариваю. Следует полагать, что я жив. И даже в сознании. Проверять сердцебиение – лишнее.

Сурьма замерла, как была – на коленях, не в силах ни что-то вымолвить, ни освободить свою руку. Ладони Висмута были тёплые, шершавые от застарелых мозолей и рубцов, оставшихся от давних ожогов. Они помнили ещё угольные паровозы и наверняка были знакомы с оружием, но сейчас держали нервно подрагивающие пальцы Сурьмы мягко и бе-

режно, словно дикую птаху, по ошибке залетевшую в комнаты.

– Всё хорошо, – сказал он, ободряюще сжав её ладонь, – всё хорошо. Обычное дело.

– Какого дьявола?! – прогремело из-за двери, которая тут же распахнулась, явив грузную фигуру господина начальника. – Что за мракобесие вы тут устроили, госпожа пробуждающая? Вам разве неведомы скоростные нормативы на прогонном пути?

– Да, господин нач...

– Тогда какого дьявола вы ими пренебрегаете?!

– Моя вина, – вмешался Висмут. – Простите, господин начальник, это полностью моя вина. – Цепляясь за арматуру парового котла, он с трудом поднялся на ноги под опешившим взглядом начальника. – Нам нужна была максимально допустимая скорость, которую, со своей стороны, и держала госпожа пробуждающая. Это я не успел вовремя сбросить давление. Я не справился с управлением. Прошу объявить мне дисциплинарное взыскание по всей строгости.

Господин начальник моргнул, перевёл недоверчивый взгляд с Висмута на Сурьму и обратно.

– Я сам решу, чего тебе объявить, – проворчал он, – после обеда ко мне в кабинет! – и, напоследок строго глянув на Сурьму, ссыпался вниз по железной лестнице.

– Тебя же уволят! – дрожащим голосом прошептала Сурьма, когда господин начальник отошёл от покосившегося па-

ровоза на почтительное расстояние.

– Я разберусь, – спокойно ответил Висмут.

Они встретились взглядами, и оба на несколько секунд словно застыли, а потом Сурьма всхлипнула и, не в силах более сдерживаться, разрыдалась так горько и искренне, так безысходно, как умеют плакать лишь дети.

– Ну что ты, – пробормотал Висмут, осторожно погладив её по плечу, – всё же нормально, все целы.

– Я отврати... тельная, мер... зкая, гадкая, – хватая ртом воздух, перечисляла она.

– Ты промахнулась. Со всяким бывает.

– Да я не о паровозе! – едва ли не выкрикнула Сурьма, но сразу сбавила тон. – Я о том... о том, что ска... сказала утром. Про тебя. Я не то имела... Я не хотела... обидеть... Прости м-меня! – Она спрятала лицо в ладони и расплакалась с новой силой.

Висмут мягко привлёк её за плечи к себе. Близко, слишком близко. Настолько близко, что полагалось возмущённо его оттолкнуть, но Сурьма лишь уткнулась в его плечо, заливая слезами рукав пропахшей креозотом рубашки. Его ладонь замерла на её затылке, повыше полуразвалившегося пучка.

– Перестань, Сурьма, – мягко прозвучало над её ухом, – всё хорошо.

– Я не стою того, чтобы заступаться за меня, – прошептала она в его плечо, чуть успокоившись, – я пойду к господину

начальнику и расскажу, как всё было на самом деле.

– Тогда у тебя не останется шансов поехать в эту командировку, – тихо ответил он, достав из жилетного кармана белоснежный платок и протянув его Сурьме.

– У меня их и так не осталось, – всхлипнула она, промокая предложенным платком покрасневшие веки, но всё ещё не отступая от Висмута, по-прежнему прижимаясь виском к его плечу.

Потому что если бы отступила, пришлось бы посмотреть ему в глаза.

– Я так не думаю, – ответил Висмут.

Чуть отстранив от себя Сурьму, он достал из внутреннего кармана жилета сложенный в несколько раз листок и вложил в её ладонь.

– Ты ведь по документам числишься не диагностом, а диагностом-пробуждающей, верно?

Глава 12

Под конец дня вновь травмированное колено разболелось просто невыносимо. О том, чтобы возвращаться домой пешком, не могло быть и речи, – Висмут даже в кеб-то с трудом взобрался – опереться на больную ногу было невозможно.

Ввалившись в прихожую, он, кивнув в знак приветствия Лютеции, прохромал мимо кухни к лестнице на второй этаж и, вцепившись в перила, остановился, собирая остатки сил перед восхождением.

То, что ужинать он сегодня не будет, Лютеция поняла сразу. Как и то, насколько ему сейчас больно. Гибкая и сильная, словно чёрная мурена, она обвилась вокруг его спины и поднырнула под руку.

– Давай потихонечку.

Висмут хотел возразить: ещё чего не хватало – опираться на хрупкие женские плечи, но потом подумал, что эти плечи и руки хрупкими назвать язык не повернётся.

– Ну же, смелей! – подбодрила Лютеция. – Я вчера тащила Оди в кровать, закинув его на плечо. Он слишком крепко уснул за ужином. Во всяком случае, так выглядело со стороны, а спал ли на деле – не знаю. Уж под тобой-то не переломлюсь, ты одной ногой на полу стоишь всё-таки, – усмехнулась она.

Они доковыляли до спальни, Висмут рухнул на кровать

как был, не раздеваясь.

– У тебя же есть что-то от боли? – спросила Лютеция.

– Да, в верхнем ящике комода...

Не дожидаясь окончания фразы, женщина нашла среди стопок аккуратно сложенных рубашек пузырёк с эфиром.

– Я спущусь за водой, – предупредила она. – Дозировка на флаконе верная?

Висмут кивнул.

Через пару минут Лютеция вернулась в комнату со стаканом растворённого в воде эфира, протянула его Висмуту, и тот, залпом его выпив, вновь откинулся на подушки. Оставив пустой стакан, Лютеция принялась расшнуровывать ботинки Висмута.

– Оставь, не надо, – вяло возмутился он.

– Так и будешь лежать – в обуви? – хмыкнула та.

– Так и буду. Спасибо. Оставь меня, пажлс... пжалу...

Пркляте! Сколько ты намешала? – тяжело дыша, заплетаящимся, словно распухшим и вмиг отяжелевшим языком, пробормотал Висмут.

– Двойную дозу, – невозмутимо ответила Лютеция.

– Смсшла...

– Не сошла. Та дозировка не для такой боли. Я же вижу, что сейчас она в разы сильнее обычной.

– Завтра... насжбу...

– Не убежит твоя служба. А если боль не пригасить, ты до своей службы всё равно не доползёшь. Сейчас поможет,

потерпи, – она присела на краешек кровати и нежно погладила Висмута по щеке. – А к утру протрезвеешь.

Но последние её слова он уже не услышал.

Висмут вынырнул из густого дурмана за полночь. Колено постанывало отголосками прежней боли, в голове кружили вязкие клочья эфирного опьянения, липли к мыслям, склеивая их друг с другом в путаный, неразборчивый ком. Он приподнялся на локте. Перед глазами плыло, по телу разливалось приятное хмельное тепло. Его ботинки и жилет валялись у кровати – Висмут не помнил, когда и как Лютеция их сняла, но брюки с рубашкой были на нём.

– Тебе лучше? – прошептали так близко, что виноградное дыхание коснулось его щеки.

Висмут обернулся и встретился с чернотой глаз полулежащей на краю кровати Лютеции.

– А ты думал, я брошу тебя одного в таком состоянии? – улыбнулась она на его вопросительный взгляд. – Всё равно мне завтра утром сюда возвращаться. И я решила не уходить. Выглядишь уже не так ужасно, – сказала, придвигаясь ещё ближе.

– Но я чертовски пьян, – хрипло ответил Висмут, с трудом разлепив губы.

– Ну, не настолько, – улыбнулась она, легонько касаясь губами уголка его губ.

– Лютеция...

– Аха, – выдохнула, не переставая ласкать его невесомыми поцелуями.

– Это непр... – пробормотал Висмут, но пленительно медленный, завораживающий поцелуй прервал его.

Мягко толкнув Висмута обратно на подушки, Лютеция принялась расстёгивать его рубашку. Её прохладные пальцы пробегали по его разгорячённому эфиром телу, разгоняя волны возбуждения, и нет-нет да впивались ноготками – не больно, но так, что волоски на его коже вставали дыбом. Поцелуй длился и длился, погружая в блаженное беспмятство ту часть сознания, которая сохраняла ещё какую-то трезвость, и нивелируя все всплывающие в голове возражения. Расшнурованный кожаный корсет шумно упал на пол, следом полетели платье Лютеции и брюки Висмута.

Пульс бился в ушах, будто большой ритуальный барабан, и толчками разносился по всему телу. Ладони Висмута скользили по обнажённой спине Лютеции, томно выгибающейся от его прикосновений. Туго затянутый корсет оставил на её нежной коже рисунок швов и шнуровки – тонкие пересекающиеся линии, словно железнодорожные пути на карте; Висмут чувствовал их под своими пальцами и прикасался ещё нежнее.

В полутьме комнаты, освещённой лишь газовым фонарём с улицы, сквозь зыбкий эфирный туман, он видел её нечётко: лишь ослепительный, голубовато-белый силуэт под россыпью чёрных кудрей, в которых, словно звёзды в ночном

небе, запутались отблески рыжего света.

Эти блестящие кудри тяжёлым шёлком падали Висмуту на грудь, когда Лютеция склонялась к нему, а потом взметались вверх, словно крылья чёрного аиста, откиннутые за спину движением белоснежной руки.

Сейчас Лютеция была и изящной, и грациозной, страстной, но в то же время удивительно нежной, чувственной. Близость и будоражила, и обволакивала мягким теплом, словно густой, приятно терпкий напиток, который хотелось пить неспешно и долго, наслаждаясь каждой каплей.

Они заснули под утро, переплетясь телами среди вороха сбитых покрывал, словно киты, дрейфующие среди белых айсбергов.

Сурьма развернула сложенный в несколько раз лист только поздно вечером, перед сном, уже забравшись под одеяло. Почему-то для неё было необходимо увидеть его содержимое – что бы там ни было – в уединении. В уверенности, что никто не подглядит и не отвлечёт, не вовремя постучав в комнату.

Это была выписка из приложения к «Техническому регламенту об организации ремонтных мастерских»: «§34, п.73. Господину, состоящему в должности диагноста-пробуждающего от двух до четырёх лет, должно иметь производственного опыта прогона живых локомотивов не менее полутора

тысяч километров, подтверждённого записями в формуляр пробуждающего, заверенными печатями дежурных по станциям на маршруте следования. В случае выявления несоблюдения данного норматива на ответственного за подготовку служащих накладывается взыскание в размере трёх месячных жалований».

Почерк был быстрый, уверенный, чуть угловатый, с острыми хвостиками-«единичками» на верхушке «р» и косым нижним росчерком под «ш». Сурьма не знала почерк Висмута, но этот определённо очень ему подходил, а от листа пахло керосином, нагретой фонарной жостью и креозотом – как и от платка, что дал ей Висмут сегодня утром и который до сих пор был у неё. Она поднесла расправленный листок к лицу, закрыла глаза и словно вновь уткнулась в плечо напарника. Кажется, даже почувствовала его руку у себя на затылке.

– Спасибо, – сердечно прошептала она, и листок шевельнулся от её дыхания. – Спасибо, Висмут!

На следующий день Сурьма ни свет ни зря постучалась в кабинет господина начальника.

– А, госпожа диагност! – вздохнул он и спрятал в усах теплоту отеческой улыбки, серьёзно насупив брови. – Вы пришли ругаться? Или извиняться?

– Я пришла позаботиться о вашей деловой репутации, –

невинно улыбнулась Сурьма.

– Это ещё как?

– Вы, возможно, запомнили, что я состою в должности диагноста-пробуждающего вот уже ровно два года, а в семьдесят третьем пункте тридцать четвёртого параграфа приложения к «Техническому регламенту об организации ремонтных мастерских» сказано, что у меня должно быть не менее полутора тысяч километров подтверждённого опыта прогона. Иначе, нагрянь какая проверка – бывают ведь и внеплановые, вдруг кто письмо какое напишет в Партехнадзор – ответственному грозит взыскание в размере трёх месячных жалований. Я переживаю, ведь у меня в формуляре всего сто двадцать семь километров! А провинным вы окажетесь...

Господин начальник мрачно глянул на Сурьму из-под пушистых бровей, со вздохом поднялся со своего стула, отыскал на этажерке толстый журнал в тёмно-синем переплёте. В глаза ему бросилось, что сверху, на страничном срезе этого журнала, пыли гораздо меньше, чем на соседних, – её почти нет, а значит, кто-то совсем недавно его брал. И кто же этот сорвиголова, решившийся пролезть в святая святых – его кабинет – в его отсутствие? Начальник хмыкнул – угрюмо, но не без уважительного одобрения. Уж он-то точно знал – кто. Сейчас же стало понятно, что сообщённые Сурьмой сведения верны и перепроверки не требуют, но он всё равно, для порядка, положил толстый журнал на стол поверх прочих бумаг и мучительно долго листал его, отыскивая нуж-

ную страницу. Сурьма, из последних сил стараясь не потерять с лица вежливой и невинной доброжелательности, изнывала от нетерпения.

Склонившись над нужным параграфом, начальник бросил на неё быстрый взгляд и, поставив мясистый палец в начало первой строки на странице, повёл его так медленно, будто с буквами познакомился только вчера. Над его головой вспорхнул сдавленный девичий вздох, не удержавшийся в груди Сурьмы. Палец замер посреди строки, будто встретившись с особенно сложным словом. Выждав мучительную паузу, двинулся дальше.

Прочтя пункт, начальник кивнул:

– Сейчас отыщем ваш формуляр, госпожа диагност-пробуждающая, нужно проинспектировать, какой там проставлен километраж...

– Сто двадцать семь километров! – выпалила Сурьма. – Там сто двадцать семь километров. Я точно помню, ведь это *мой* формуляр!

– Нужно проверить, – неспешно проговорил господин начальник, окидывая взглядом кипы бумаг на этажерке.

Пока он отыскивал формуляр, Сурьма уже начала нетерпеливо приплясывать, словно застоявшаяся лошадь.

– Ну? – поторопила она, приподнявшись на носочки в попытке заглянуть через стол в изучаемую начальником карточку.

– Вы правы, госпожа диагност-пробуждающая, здесь чис-

лятся сто двадцать семь километров.

Сурьма облегчённо выдохнула, качнулась с носков на пятки.

– И что же нам с этим делать? – задумчиво продолжил начальник. – Неужто перевести вас в диагносты, там не требуется...

– Что?!

Сурьма, балансирующая на одних каблуках, едва не упала от потрясения. Правда, кабинет был настолько тесен, что падать было просто некуда, но она, пытаясь удержать равновесие, схватилась за дверную ручку, нечаянно её повернула и чуть не вывалилась в коридор.

– Не стоит так нервничать, госпожа диагност, – прогудел начальник, с олимпийским спокойствием взирая на её манёвры в дверях, – я готов выслушать ваши предложения, если они у вас есть.

– Отправьте меня в командировку вместо Лития! Умоляю вас, господин начальник, миленький! – порывисто прошептала она севшим от волнения голосом, просительно сложив ладони и вновь привстав на носочки. – Это так важно для меня, вы даже не представляете! Всем сердцем вас прошу!

– Вот так и напишем в заявлении, – невозмутимо хмыкнул он, – «Я, госпожа диагност-пробуждающая, всем сердцем умоляю миленького господина начальника, коего я десятью минутами раньше пыталась шантажировать кляузной запиской в Партехнадзор...»

Сурьма застонала и сползла спиной по дверному косяку на пол, закрыв лицо руками.

– Встаньте, госпожа Сурьма, нечего рассиживать на моём полу, это вам не будка машиниста! – добродушно усмехнулся начальник. – Дело же не только во мне. Я-то, допустим, подпишу приказ. Но ваша семья ни за что не отпустит вас в эту поездку.

– Я разберусь! – взвилась на ноги Сурьма. – Они не будут против, честное слово! – Она оперлась руками о край столешницы и перегнулась через стол к собеседнику.

Тот даже шагнул назад от такого напора.

– Вы меня пугаете, госпожа диагност-пробуждающая. Вы наделаете глупостей, если поедете. Да, Висмут? Ведь надевает?

Сурьма резко обернулась: позади неё, в приотворённой двери, стоял Висмут, а она даже не услышала, как он здесь появился.

– Конечно, – согласился он, – но наделает ещё больше, если не поедет. Я пригляжу за ней в дороге.

Господин начальник вздохнул тяжелее прежнего, бросил по безотрадному взгляду на обоих по очереди и извлёк из стопки бумаг чистый бланк приказа.

– К тебе у меня тоже будет беседа, господин Висмут, – пробурчал он, неуклюже выводя в приказе закорючки с претензией на каллиграфию.

Глава 13

В этот день возвращаться домой Висмуту было особенно тяжело. Он ушёл, когда Лютеция ещё спала, и понимал, что непростого разговора им не избежать. Несмотря на эфирный хмель, прошлой ночью он отчётливо почувствовал, что Лютеция была с ним искренна, что он что-то для неё значит. И пусть это была лишь лёгкая влюблённость и жажда мужского тепла, он не мог ни принять её чувства, ни дать ей то, чего она ждала от него.

Когда Висмут вернулся, Празеодим уже был уложен. В кухне на столе ждал горячий ужин. Лютеция казалась умиротворённой и даже счастливой. Но она понимала, что это не те отношения, чтобы целовать Висмута по возвращении домой. Пока – не те. Однако после ужина её рука недвусмысленно скользнула на внутреннюю сторону его бедра выше колена.

– Сильно болит?

– Нормально, – сухо отозвался Висмут, промокая губы салфеткой. – Лютеция, давай поговорим.

– Давай позже. – Она томно улыбнулась, и рука на его бедре поднялась выше, всколыхнув волнующие воспоминания прошлой ночи.

– Лютеция, – он осторожно, но решительно убрал её ладонь, – я не тот, кто сможет дать тебе то, чего ты ждёшь. Чего

ты заслуживаешь...

– А мне ничего и не нужно, – проворковала она, – разве лишь уголок в твоём сердце и твоей постели...

– Моё сердце двадцать лет назад закопали на кладбище Дивинила. В могиле другой женщины.

– Вот как? Ты не похож на вдовца.

– Мы не успели повенчаться. Мы ничего не успели... По моей вине.

Лютеция откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на Висмута.

– Но прошло уже столько лет!

– И она по-прежнему мертва.

– Вот именно! А ты – жив! И можешь начать всё сначала.

– Жизнь одна, Лютеция. Её нельзя прожить заново. Второго шанса не будет.

– Жизнь всегда даёт новые шансы, Вис! Но порою их нужно выдирать из чьей-то зубастой пасти. Если ты не видишь в жизни смысла, это вовсе не значит, что его в ней нет. Скорее – у тебя что-то со зрением.

– Отсутствие самообмана, Лютеция, – устало вздохнул Висмут, – просто отсутствие самообмана. Свой шанс я упустил по собственной дурости. Какой смысл ждать чуда?

– Ждать – никакого! – Глаза Лютеции раздосадованно сверкнули. – Надо идти и искать его.

– Выдирать из чьей-то зубастой пасти?

– Именно!

– Ты так и делаешь?

– Так и делаю.

– И как успехи?

Лютеция обиженно поджала губы, немного помолчала, не сводя с Висмута глаз и о чём-то размышляя.

– Знаешь что? Я не буду тебя спасать, Висмут, – сказала она, – потому что невозможно спасти того, кто спасения не желает, – Лютеция поднялась со стула, положила на стол перед Висмутом ключи от его квартиры, – как и невозможно погибнуть тому, кто жаждет спасения. Ты выбрался из того дерьма, о котором мне рассказывал, только для того, чтобы теперь сдать? Не глупо ли? Прощай, Висмут. Дверь я закрою сама, – Лютеция, похлопав его по плечу, вышла из кухни, и Висмут знал, что больше она не вернётся.

– Ты переспал с моей женщиной! – прокрипел с ведущей на второй этаж лестницы Празеодим, едва захлопнулась входная дверь. – Ты переспал с моей женщиной, и она сбежала!

Висмут не ответил, даже не посмотрел в сторону голоса. Он и так знал, что старик в одной из своих пижам сидит сейчас на ступеньках, прижавшись плечом к перилам, подтянув тощие ноги к груди, и сверху вниз заглядывает в кухню с видом едким и желчным, словно старый попугай на люстре, принаравливающийся половчее нагадить хозяину на голову.

– Ты переспал с моей женщиной и был столь ужасен, что она сбежала! – ещё громче проскрежетал дед.

Висмут обречённо вздохнул. Знал же, что их ночь добром не кончится! Теперь придётся тащить отца с собой в командировку, потому что найти ему новую сиделку за оставшиеся дни невозможно.

– Вот проклятье! – пробормотал Висмут, сообразив, что с ними едет Сурьма, и ей, а не Литию, придётся теперь соседствовать с сумасшедшим бывшим мэром.

– Я отправляюсь в командировку в следующий вторник, – как ни в чём ни бывало обронила за ужином Сурьма, изящно насадив на рыбную вилку кусочек филе карпа.

– Что? В какую ещё командировку? – тут же насторожилась госпожа Кельсия.

– Очень важную, мам, – со всем достоинством и даже с почтительным придыханием, словно речь шла о визите к королю, ответила Сурьма. – Без неё я не смогу числиться первоклассным специалистом и даже буду понижена в должности.

– Но у тебя золотой диплом, дорогая! – возмущённо воскликнула Кельсия.

– Да, мам, но его не достаточно, чтобы быть *на высшем уровне* в моей профессии. Нужна практика. Строго определённое количество часов практики. Иначе разжалуют в заурядные диагносты.

– В моей девочке не может быть ничего *заурядного*, –

негодующе ответила матушка, – ведь моя девочка – личность *незаурядная*, вся в меня! Правда, господин Нильсборий?

– Безусловно, душа моя! – раздалось из-за развёрнутой газеты.

– Поэтому, разумеется, ехать нужно, – кивнула Кельсия, будто Сурьма в этом сомневалась. – Я помогу тебе собрать вещи. Сколько – день, два?

– Пару недель, мами.

– *Пару* недель? *Неделя*?!

– Именно столько часов практики мне нужно. Я безнадежно отстала, мами! – Сурьма выразительно уронила руки на колени. – Меня разжалуют!

– Даже и не думай, дорогая, даже и не думай! Никто не посмеет сомневаться в *исключительных* способностях моей девочки! Ты поедешь в эту свою командировку и с лёгкостью докажешь тем олухам, что одна стоишь их всех, милая! Правда?

– Да, мами, разумеется, – кивнула Сурьма, пряча в потупленном взгляде хитрую искринку.

– А с кем ты едешь, дитя моё? – раздалось из-за газеты, и верхний её уголок отогнулся, являя присутствующим серо-голубой глаз.

– Э-м-м-м... С напарником.

– Ну конечно, с ней пошлют ещё и помощницу, – вмешалась Кельсия, – ведь девушке не обойтись без горничной, особенно в дороге, и уж господин начальник это понимает!

Верно, дорогая?

Сурьма неуверенно кивнула, бросила взгляд на отца, который смотрел на мать весьма скептически: не верил.

– Поездка долгая, мы всё время будем заняты работой. Нам дают вагон с отдельными комнатами и кухней, – начала Сурьма с того, что было чистой правдой, – и с нами поедет кухарка – пожилая матрона, на вид весьма строгая.

Просто так, глядя отцу в глаза, она бы солгать не решилась. Не смогла бы. Но удивительно, как легко оказалось вплести эту ложь в правду! Отец внимательно посмотрел на неё, а потом кивнул: в кухарку, которая будет кормить их в пути, он поверил больше, чем в горничную. Во всяком случае, была же в мастерских и столовая, и штатные кухарки!

– А что этот твой напарник? Достойный ли человек? – спросил отец.

– О! Да, он прекрасный специалист, очень опытный в своём деле! – охотно согласилась Сурьма и на миг задумалась: а как бы она охарактеризовала Висмута не как служащего, а как человека? – Он очень *благородный*, папи, – вымолвила она уже тише, а голос прозвучал несколько иначе, и господин Нильсборий задержал на дочери какой-то новый, незнакомый ей взгляд.

– Не знала, что в ваших мастерских есть ещё кто-то *из благородных*! Ах, какой приятный сюрприз, что среди *тех людей* присутствуют господина *твоего круга*! – всплеснула руками матушка. – Тогда я тем более спокойна за эту твою поездку.

ку! – довольно заключила она, и отец с неслышным вздохом возвёл глаза к потолку.

Сурьма задавила просящуюся на лицо улыбку. С родителями дело улажено. Осталось поговорить с Астатом.

Они встретились на прогулке в зелёном лабиринте, и Астату новость не понравилась. Он поджал губы, нахмурил изящные брови, но сказал лишь:

– Не помешает ли твоя отлучка свадебным приготовлениям?

– Я вернусь недели за три до свадьбы и всё успею! – заверила его Сурьма. – Здесь остаётся мами, и она уладит всё, что касается часовни, столов, цветов и прочей обстановки. Под моей ответственностью лишь примерки платья.

– Хорошо, – кивнул Астат, но по его скисшему виду было очевидно, что ничего не хорошо.

– Ты расстроен? – на свою голову спросила Сурьма.

– Я не одобряю этой затеи, – скупой отозвался Астат, сосредоточенно наблюдая, как влажный гравий чуть проседает под каждым его шагом, – как не одобряю и твоей работы. Но раз это важно для тебя...

– Ты даже не представляешь – насколько!

– Но я тешу себя надеждой, что после свадьбы ты поймёшь, что *важно на самом деле*, и оставишь эти глупости с паровозами.

Сурьма, уже набравшая в грудь побольше воздуха, чтобы в очередной раз рассказать Астату о чудовищно прекрасных

не-зверях, осеклась.

– Что?!

– Ты же не станешь отрицать, душа моя, что для женщины нет ничего важнее, чем составить достойную партию и родить детей, верно? Другие девушки мечтают о замужестве, но не всем повезёт стать жёнами молодых, состоятельных и привлекательных мужчин. Кто-то будет обручён со стариком, кто-то – с простым работягой, не наделённым ни манерами, ни *лицом*, а кто-то так и останется старой девой. К тебе судьба настолько добра, что ты уже привыкла к её подаркам и перестала их ценить. Поэтому упускаешь важное, гоняясь за глупостями. Но это изменится, я уверен.

– Вот, значит, как ты думаешь? Значит, пределом моих мечтаний должна быть наша свадьба? На большее я, по-твоему, не гожусь?

– Годишься, безусловно, – сдержанно согласился Астат, – только вот это всё лишнее, оно тебе не нужно. *Все эти не-звери...*

– Да тебе-то почём знать?! – вспылила Сурьма, и гравий скрипнул под её ботинками, резко развернувшись на месте. – Между прочим, только *все эти не-звери* дают мне то, чего я так отчаянно желаю! С ними я чувствую себя по-настоящему живой, чувствую, как кровь стремится по моим венам и заставляет сердце биться чаще, а в нём – ну наконец-то! – рождаются те самые пузырьки игристого, и лопаются, и щекочут, и наполняют меня счастьем! С тобой что-

то не так, Астат, раз ты не хочешь понять меня, – она упрямо уставилась из-под полей своего цилиндра на склонившегося к ней Астата.

Тот смотрел уязвлённо.

– Всё то, что ты сейчас перечислила, душа моя, – тихо сказал Астат, – чувствуют девушки в отношении своих любимых, а не паровозов. Скажи, наполняют ли тебя счастьем мгновения, проведённые рядом со мной? Мои прикосновения? – Он взял её ладонь в свои и погладил большим пальцем тонкое девичье запястье над перчаткой. – Мои поцелуи? – Он склонился ниже, сухо, даже как-то церемонно, коснулся губами её губ и выпрямился в ожидании ответа.

– Они... Они... Они чересчур *вежливы*, чтобы, – пролепетала Сурьма, но Астат перебил её всё тем же тихим, сдавленным голосом.

– Это с тобой что-то не так, душа моя, раз ты неспособна чувствовать... чувствовать хоть что-то с любимым мужчиной. Надеюсь, после нашей свадьбы всё станет иначе. – Он любезно поцеловал ей руку и пошёл прочь, хрустя гравием под подошвами до блеска начищенных ботинок.

Глава 14

– Что ж, дальше тебе нельзя, – с лёгкой грустинкой улыбнулась Сурьма, забирая у Астата свой дорожный чемодан у проходной мастерских.

Нетяжёлый: кое-что из личных вещей, сменный комплект рабочей одежды и пара платьев на всякий случай.

– Я буду думать о тебе всё время и ждать твоего возвращения. – Астат легонько сжал её руку. – Ты ведь тоже будешь скучать? – с надеждой спросил он.

– Меня ждёт море работы... – Сурьма осеклась, заметив, как нахмурился Астат, – но ты, безусловно, ни на миг не покинешь мои мысли. Ведь чем бы ни была занята невеста, ничто не способно отвлечь её сердце от жениха, верно? – Она улыбнулась.

«Во всяком случае, так говорит мамин», – добавила про себя, пока довольный ответом Астат склонялся к её руке. Но в последний миг Сурьма выдернула пальцы из его ладони:

– Серьёзно? Я уезжаю на две недели, а ты на прощание целуешь мне *руку*?

Она шагнула к жениху так близко, что соприкоснулись мыски их ботинок.

– Но душа моя, вокруг же люди! – смешался Астат.

– А на дворе – не прошлый век, позволь заметить, – лукаво улыбнулась Сурьма, – и на венчании народу будет в разы

больше! И все – знакомые! Там ты тоже руку мне целовать будешь?

Астат улыбнулся и, украдкой глянув по сторонам, поцеловал её требовательные губы. Сурьма опустила ресницы, готовая полностью отдаться поцелую, дабы не упустить ни малейшей искорки, ни её микроскопического отблеска в недрах своего размеренно бьющегося сердца... Но вместо долгожданного душевного трепета, сладостной истомы и прочих признаков любовной эйфории, возникающей в такие моменты у героинь сентиментальных книг, заметила чей-то силуэт, прошедший мимо них в ворота мастерских, и узнала в нём Висмута.

«Со мной и впрямь что-то не так, – раздосадованно подумала Сурьма, когда Астат выпустил её из своих вежливых объятий, – я чувствую только лишь паровозы, но не людей...»

Прежде чем пойти к господину начальнику за документами, Сурьма поднялась в вагон, чтобы оставить там свой чемодан. Вагон был ещё довоенный, старомодно устроенный. Большое пространство поделено на три помещения: две спальни и кухоньку. В каждой спальне – узкая кровать, кресло, угловой шкаф и маленький секретер на тонких ножках. Левое купе обычно закреплялось за машинистом, правое – за его помощником или пробуждающим.

Сурьма толкнула дверь в свою спальню и застыла на пороге, примороженная душераздирающим воплем. Ей показалось, что заорал сам вагон: сразу и не поверишь, что этот хриплый скрежет могло издавать живое существо. Ну разве что старый раненый птеродактиль, возможно... Но вопил человек. Посреди купе, над раскрытым чемоданом с его переворощенным бельевым нутром, стоял Празеодим, в кальсонах и пижамной рубашке.

– Какого хрена, милочка, вы вламываетесь в мои покои?! – Старик выпятил тощую грудь колесом и по-генеральски упёр руки в бёдра. – Неужто ты подглядывала за мной, маленькая бесстыдница?!

Оторопь с Сурьмы смыла волна негодования, которой она захлебнулась, набирая в грудь побольше воздуха, чтобы возмутиться такими обвинениями. Поперхнулась, закашлялась.

– Папа! – раздражённо раздалось позади неё, и Сурьма не сразу узнала голос Висмута: в гневе он звучал иначе. – Что ты опять натворил? – Висмут протиснулся в купе мимо всё ещё стоящей на пороге Сурьмы, обронив что-то сквозь зубы в адрес старикашки.

Что – она не разобрала, но готова была поклясться: что-то очень крепкое.

– Что тебе опять от меня? – взвизгнул Празеодим, уворачиваясь и пряча руки: Висмут попытался ухватить его за локоть. – Это она тут охальничает, а не я! Я переодевался в пижаму, а она... она...

– Ты в её купе, папа, – взяв себя в руки, процедил Висмут.

– С чего бы это? – не поверил старик. – Там – твоё, значит это – моё.

– Ты должен находиться в моём купе, папа. Помнишь, мы уже говорили об этом. Миллион раз – и это только за сегодняшнее утро!

– Чёрта с два! Я требую отдельное помещение! – каркнул Празеодим в лицо Висмуту, а потом перевёл вмиг потеплевший взгляд на ошарашенно взирающую из дверей Сурьму. – Хотя с тобой, лапушка, готов поделиться. Ты тоненькая, мы вдвоём поместимся!

– Куда поместимся? – прошелестела Сурьма, явно не желая слышать ответ.

– Зови меня Оди, просто Оди, лапушка! – подмигнул ей Празеодим, блеснув хитрым глазом.

Представляясь, он на миг перестал вертеться, выпростал спрятанную за спину руку и прижал ладонь к груди. Висмут, воспользовавшись моментом, поймал его за локоть и поволок вон из комнаты. Празеодим запнулся за свой раскрытый чемодан, второй ногой вступил в переверошенные пижамы, тут же запутался в них – уже обеими – и едва не рухнул на Сурьму, но повис на Висмуте, вовремя им подхваченный.

– Я буду туточки, за стеночкой, – дед, стреноженный обвившимися вокруг лодыжек пижамными брюками, шаловливо поиграл бровями, – ты, лапушка, стукни кулачком трижды, если заскучаешь.

– Я тебе четырежды стукну, – пробухтел в ответ Висмут, тащивший Празеодима мимо вжавшейся в косяк Сурьмы на выход, – и уж не в стеночку.

Заперев отца в своём купе, он вернулся за чемоданом.

– Прости, пожалуйста, – извинился Висмут, – придётся терпеть его общество всю дорогу.

– Это твоё общество терпят, – скрипуче раздалось из-за тонкой стены, – а моим – наслаждаются! Правда, лапушка?

– Обещаю, он больше тебя не побеспокоит, – продолжил Висмут, не обращая внимания на реплику из соседнего купе, – но ты можешь отказаться от поездки, ещё не поздно, господин начальник отправит Лития.

– Ну уж нет! – Сурьма наконец отклеилась от косяка и прошла в купе, поставила свой чемодан рядом с кроватью. – Такая ерунда не сможет мне помешать, – хмыкнула она. – Его, верно, не с кем оставить?

– От нас ушла последняя сиделка, готовая его терпеть.

– Последняя во всём городе?

– Боюсь, что во всей стране, – невесело усмехнулся Висмут, подбирая разбросанные по полу пижамы.

– Просто кому-то нужно научиться прилично себя вести! – вновь донеслось из-за стены.

– Интересно, кому? – саркастично уточнил Висмут, с трудом застёгивая чемодан.

– Тому, кто переспал с моей женщиной, – ядовито начали в купе по соседству.

– Да осядь ты уже! – рывкнул Висмут, тряхнув чемоданом, и бросил тревожный взгляд на Сурьму, брови которой удивлённо поползли вверх.

– И был так неказист, что она сбежала! – не унимался ПРАЗЕОДИМ.

– Проклятье! – неслышно выдохнул Висмут и отвёл взгляд.

Только что застёгнутый чемодан в его руке щёлкнул замочком и изверг на пол скомканные, небрежно засунутые в него пижамы.

На пару секунд воцарилась трескучая, словно январский мороз, тишина.

– Помочь? – наконец выдавила пунцовая, из последних сил сохранявшая лицо Сурьма.

– Благодарю, не нужно. – Висмут наклонился, запихнул пижамный ком обратно и взял чемодан под мышку. – Не верь всему, что он болтает.

– Я понимаю, что это всё выдумки, – спешно кивнула Сурьма.

– Не всё! – запротестовали из-за стенки.

– Папа, чтоб тебя! – воскликнул Висмут, потеряв терпение.

Он резко развернулся и вышел в коридор, захлопнув за собой дверь купе. И тут же до него донеслись резкие всхлипы и сдавленное фыркание Сурьмы, будто она давилась неудержимым хохотом, крепко прижав обе ладони к губам. Из-за

второй двери, за которой был заперт Празеодим, раздалось скрипучее злорадное подхихикивание. Мужчина обречённо вздохнул и, закинув чемодан на кухню, пошёл на своё рабочее место.

Получив у господина начальника все необходимые инструкции, правила и формуляры, Сурьма вернулась к паровозу, когда Висмут в будке машиниста уже заканчивал проверку приборов перед поездкой. Раскрыла на полу свой ПЭР, размотала проводки.

– Ох и приключения нас ждут! – мечтательно протянула она, улыбаясь себе под нос.

– Надеюсь, обойдётся без них, – отозвался Висмут, проверяя правильность показаний котлового манометра.

Когда Сурьма вошла в контакт с локомотивом, Висмут открыл папку, показав ей путевой лист и график следования.

Четыре периода движения в день, каждый по три часа, между ними – получасовые перерывы.

– Я могу по четыре часа, – поджала губы Сурьма, глянув на график, – на почтовых линиях пробуждающие работают именно так.

– Пробуждающие с нужным километражем за плечами. Новички, согласно инструкциям, ездят по три, – спокойно объяснил Висмут.

Сурьма недоверчиво на него покосилась.

– И куда столько часов на ночёвку? Давай прибавим? Ну хоть по полчасика! Я смогу, правда! А представь, как все

удивятся, когда сделаем всё с опережением и вернёмся раньше срока!

– С таким графиком мы на ночь чётко попадаем в города. Можно спокойно обслужить локомотив и даже сходить на ужин, чтобы не сидеть на одних консервах с подогретым на спиртовке чаем.

Сурьма глянула на строку ночных стоянок в путевом листе: Метаналь – Фениламин – Этен – Аланин – Толуол. Выглядело, конечно, заманчиво. Она никогда так далеко не путешествовала: по работе ездила до Метаналья, а однажды летом с семьёй гостила за городом под Фениламином, и ей ужасно хотелось хотя бы на часок выйти в каждый из означенных городов. Но если они значительно опередят график – больше шансов, что её заметят как пробуждающую. Заказ ведь для «Почтовых линий» – а это вдвойне для неё важно!

– А может, всё-таки попробуем? – умоляюще выгнула брови Сурьма.

– Нет, Сурьма. Я расписался под этим графиком, и мы будем ему следовать. Твоя работа напрямую зависит от твоего физического состояния. Не хотелось бы завязнуть где-то среди степи из-за того, что ты с непривычки переутомишься, и паровозу будет недостаточно энергии.

– Но ты же работал на «Почтовых линиях» и знаешь, что делать, если у пробуждающего меняются физические показатели. Мы можем попробовать!

Висмут посмотрел на неё как-то совсем уж странно, но от-

вета Сурьма не дождалась. Паровоз издал длинный гудок – сигнал отправления – и упругим толчком тронулся в путь. Будка машиниста сразу наполнилась грохотом и лязгом, и разговаривать стало невозможно. Он утих только когда поезд вышел из города и набрал скорость.

– Ну так что? – вновь подняла тему Сурьма.

Висмут непонимающе посмотрел на неё со своего кресла машиниста.

– По четыре часа, м? А если вдруг мои показатели изменятся, прибежем к... м-м-м... А что обычно в таких случаях делают пробуждающие?

Висмут молчал, глядя вперёд.

– Висмут! Ты меня слышишь? – не отставала Сурьма. – Что делают пробуждающие, если не могут тянуть локомотив?

– Лично я с таким не сталкивался, – нехотя ответил машинист. – На дальних «Почтовых» пробуждающих всегда двое, они сменяют друг друга и успевают отдохнуть.

– Но на коротких маршрутах – по одному.

– У нас с тобой – дальний. С одним пробуждающим. Мы не будем рисковать.

– Висмут! Тебе сложно сказать? Я хочу знать, что они делают!

Висмут тяжело вздохнул: ведь не отстанет!

– Идут в бордель.

– Что?! – ахнула Сурьма, и паровоз из-за всплеска её ко-

лебаний едва не споткнулся. – То есть как? А по-другому нельзя? И это помогает? В смысле... Погоди, а если среди степи, то как? – затараторила она, заливаясь краской.

– Ну-у...

– Нет! Не отвечай! Не отвечай. Не хочу ничего знать!

Сурьма отвернулась от Висмута и так низко опустила голову пытаясь скрыться под полями своего цилиндра, что почти уткнулась носом в лежащую на коленях панель.

В молчании они ехали минут десять. Висмут почувствовал, когда её эмоции улеглись, и паровоз вновь пошёл уверенно и ровно.

– Так что там с четырьмя часами? – серьёзным голосом переспросил он, пряча в уголках губ улыбку.

– Мы будем следовать графику, – отчеканила Сурьма, не отрывая глаз от своих рук, лежащих на панели питания пластин мастера Полония, – ты ж за него расписался!

Глава 15

– Ох, святые угодники! – простонала Сурьма, разминая пальцами шею и плечи во время третьего получасового перерыва.

В прошлый перерыв Висмут посоветовал ей расслабить руки и не напрягать шею. А ещё лучше – пересесть с пола в кресло помощника машиниста, откинувшись на спинку и подголовник, сделанный специально для пробуждающих. Шутка ли – сидеть почти весь день в одной позе, да ещё и на жёстком полу. Но Сурьма, конечно, лучше знала, как ей быть. В конце концов, кто из них был дипломированным пробуждающим: она или Висмут? Но ей ещё не приходилось питать паровоз столько часов подряд, и теперь она всем своим хребтом (и копчиком) ощутила, что Висмут был прав.

Во время остановки он вышел проведать отца, запертого в купе, и Сурьма, радуясь, что напарник сейчас её не видит, со сдавленными стонами, по стеночке, поднялась с пола, потрясла затёкшими ногами, поразмяла одеревеневшую спину и блаженно потянулась всем телом. Что бы там ни было, а всё-таки она смогла поехать в это путешествие, и оно того стоило! В график они вписывались идеально, до Метаналья оставалось три часа ходу, и Сурьма уже начала планировать, как проведёт этот вечер.

Она отколола от волос свой маленький цилиндр и спусти-

лась из будки машиниста, подставила лицо солнышку. Остаться на работе с непокрытой головой неправильно, но кто здесь увидит, кроме Висмута? А он и сам ещё на прошлой остановке снял свой форменный жилет, который висел теперь на спинке его кресла, и расстегнул две пуговицы рубашки – жарко.

Вокруг, сколько хватало глаз, простирались поля, поросшие жёлтой сурепкой, в которой прятались ещё несколько веток железнодорожных путей. Солнце припекало, жужжали шмели, и пахло совсем не так, как в городе: простором и свежестью.

– Устала? – вернувшись из вагона, спросил Висмут.

– Ни капельки! – бойко слукавила Сурьма, прищурившись на него против солнца. – Какие у тебя планы на вечер в Метанале?

– Заполнить маршрутный лист у дежурного по депо, подготовить паровоз к завтрашнему дню, где-нибудь поужинать и выспаться.

– Как скучно! – сморщила веснушчатый нос Сурьма. – Метаналь – единственный в нашем маршруте *прогрессивный* город, полный модных магазинов и развлечений! Жизнь там кипит круглосуточно, и это преступление – всю ночь просидеть в вагоне!

– Нам завтра весь день ехать, – резонно заметил Висмут. Сурьма окинула его разочарованным взглядом.

– Хочешь сказать, что пропустишь всё веселье? – не по-

верила она. – Ты серьёзно?

Висмут не спешил опровергать её предположения.

– Висмут! Ты что, и правда останешься в вагоне? – Сурьма, не дождавшись ответа, расценила молчание напарника как согласие и заметно расстроилась. – Ну как знаешь, – вздохнула она, устремив взгляд в желтизну раскинувшегося вокруг сурепкового моря. – Я же намерена сходить в шляпный салон госпожи Теллурии, у неё вышла новая коллекция дамских цилиндров. Ты хоть раз видел шляпки её работы? – Сурьма перевела взгляд на Висмута, и он заметил, как в её глазах вновь зажглись искры восторга. – Это же произведения искусства! А ещё на главной площади сейчас ежегодная ярмарка, её просто нельзя пропустить! И потом: я прихватила с собой своё любимое платье – очень нарядное, как раз для таких случаев – и обязана его выгулять. Что? Что ты так на меня смотришь?

Висмут отвёл взгляд от горящих радостным предвкушением сапфировых глаз и придержал ползущую на лицо улыбку.

– Ладно, – кивнул он нарочито обречённо, – шляпки так шляпки. Но дай мне час после прибытия, чтобы обслужить локомотив и сдать все документы.

Сурьма глянула на себя в зеркало и удовлетворённо кивнула: в этом васильковом платье с корсетом из белой ко-

жи поверх него и белым же цилиндром, украшенным синими пёрышками и серебряными шестерёнками, она была чудо как хороша! Вот только... Прежде чем надеть белые кружевные перчатки, она достала из сумочки маленькую серебряную пудреницу. Сурьма помнила однажды оброненную Астатом фразу о том, что «веснушки лишают красоту изысканности», а сегодня ей хотелось быть особенно красивой, поэтому она щедро прошлась по лицу пуховкой, пряча под слоем пудры и так не слишком яркие солнечные брызги.

«Так-то лучше! – усмехнулась она. Разглядывая свой припудренный вздёрнутый нос в маленькое зеркальце. – И в люди выйти не стыдно».

В дверь её купе постучали. Сурьма спрятала пудреницу и, взявшись за дверную ручку, чтобы отворить, вдруг на секунду замерла, пронзённая неожиданной мыслью: а что, если Висмут так и пойдёт в город – в рабочем? Не придётся ли ей краснеть за своего спутника в приличном обществе? И так уже взволнованное сердце застучало ещё громче, открывать дверь стало боязно. Постучали ещё раз, и Сурьма, набрав в грудь побольше воздуха, резко распахнула дверь.

На пороге стоял Висмут: до блеска выбритый, аккуратно причёсанный. На нём был тёмно-синий двубортный сюртук, из-под которого выглядывал ворот белоснежной рубашки, прихваченный галстуком, и тёмно-синие брюки. Сурьма окинула его взглядом, полным одобрительного удивления, едва ли не восхищения. Сердце, которому должно бы-

ло успокоиться, ибо его тревоги оказались пусты, отчего-то разошлось ещё пуще.

– Вы... весьма элегантны, господин Висмут! – улыбнулась Сурьма, с трудом подбирая слова.

– Куда ему до меня! – раздалось из коридорного полумрака за спиной Висмута, и на свет выплыл Празеодим, окутанный облакомпряного одеколона, в старомодном, но видно, что очень дорогом, костюме цвета слоновой кости, с аккуратно повязанным на шею аскотом. – Ну, лапушка, каков? – Преисполненный чувством собственного достоинства, дед раскинул руки и медленно повернулся кругом, демонстрируя свою нарядную персону. – Красавец же? Завидный жених!

– Ой, не то слово! – с напускным кокетством захихикала Сурьма. – Вы прям, как снежинка: такой же беленький и кружащийся!

Празеодим так и остановился – раскинув руки – соображая: его похвалили или над ним посмеялись? Висмут едва слышно хрюкнул, сдерживая смех. Дед метнул в сына ревнивый взгляд, потом перевёл его на лучезарно улыбающуюся самой невинной своей улыбкой Сурьму и, сочтя её замечание комплиментом, довольно кивнул седой головой.

– Вот, голубушка, с таким мужчиной и в свет выйти не стыдно, – отметил он.

Сурьма глянула на Висмута и улыбнулась уже чуть смущённо.

– Это он про себя, – уточнил Висмут, жестом предлагая Сурьме полусогнутую в локте руку.

Вокзал Метаналья – светлый, воздушный, с ажурными металлическими колоннами, стеклянной куполообразной крышей и винтовыми лестницами, ведущими на галерею – встречал гостей предпраздничной атмосферой: нарядной суетой и ароматом предвкушения. Сам город, в отличие от Крезола, тоже оказался и светлым, и просторным: двух-трёхэтажные здания выкрашены в светло-песочные тона, стёкла их отражают персиковый закат, забранный в белые оконные рамки, а вдоль тротуаров тянутся, огороженные низким металлическим заборчиком с завитушками, узкие газончики с аккуратно подстриженными под шарик кустами, цветущими белым цветом.

Сурьма шла под руку с Висмутом так же, как миллион раз ходила с Астатом, но сейчас всё было неуловимо иначе, и она не могла не сравнивать. Астат всегда нёс себя неспешно, с достоинством, Сурьма же привыкла ходить стремительно, и ей приходилось сдерживать шаг, идя под руку с женихом. С Висмутом такого не было: их шаг был синхронен, как движение колёсной пары локомотива. И под своей ладонью, сквозь тёмно-синюю сюртучную ткань, Сурьма ощущала не руку утончённого аристократа, а сильную мужскую руку с отчётливым рельефом крепких мышц. И ей это неожиданно нравилось.

Сурьму раздражало, что локоть Астата всегда был на отлёте – жених щепетильно оставлял между собой и невестой «корректное» расстояние, из-за чего Сурьма мысленно сравнивала себя с болонкой на поводке. Висмут держал её ближе, в этом было уважение к ней как к равной и какая-то общность, что-то дружеское, волнуемое, почти интимное, чему Сурьма не смогла подобрать подходящего названия. И с Астатом она никогда столь явно не чувствовала, что её спутник не где-то далеко в своих думах, а здесь, с ней, пусть ему и не понять все изыски и прелести шляпок госпожи Теллурии.

Ярморочное веселье захлестнуло их сразу же, стоило только войти в украшенные разноцветными флажками ворота, завертело среди ярких огней, каруселей, смеха и гомона, окутало аппетитными запахами печёных яблок в карамели, мятных леденцов и жареных орешков. После шляпного салона они поужинали в ресторане неподалёку от главной площади и теперь гуляли по ярмарке, разглядывая прилавки с яркими затейливыми безделками и разнообразными сладостями, заглядывая в матерчатые шатры, в которых устраивались весёлые состязания за приз.

Сурьма с восторгом озиралась по сторонам, дёргая терпеливого (или просто уставшего) Висмута то туда, то сюда. Сама она под конец дня тоже устала, да и плечи разболелись сильнее, но новая шляпка и фейерверк ярких впечатлений сделали своё дело: у девушки открылось второе дыха-

ние, и сейчас ей казалось, что она запросто сможет прогулять здесь всю ночь, а утром как ни в чём не бывало приступить к работе.

Празеодим же вёл себя на удивление тихо: вышагивал чинно, словно журавль, высоко подняв подбородок, с достоинством и снисхождением поглядывая на суетящуюся вокруг толпу. Однако при виде «чёртового колеса» едва не устроил скандал, вытребовав билетов аж на семь кругов. Висмут хотел было возразить, что семь кругов – это же почти час катания, но потом подумал, что для него эти семь кругов – возможность часок отдохнуть от пригляда за отцом, и промолчал. Пока довольный старик кружил в подвесной железной кабинке меж мощёной городской площадью и звёздным небом, Висмут под руку с Сурьмой продолжили гулять по ярмарочным рядам.

– Ой, смотри, какая прелесть! – Пальчики Сурьмы сжали руку напарника повыше локтя. – Талли будет в восторге! Господин, – обратилась она к лавочнику, – не подскажите ли, сколько стоит такой лягушонок? – Она указала на стайку заводных принцев-лягушек в маленьких коронах, которые высоко подпрыгивали на прилавке и делали ловкий кувырок, приземляясь на задние лапки.

– Такого лягушонка, госпожа, нельзя купить, но можно выиграть, показав свою меткость, – щербато улыбнулся дородный лавочник, указывая Сурьме на выложенные перед ним револьверы.

– И куда нужно попасть? – Сурьма сунула Висмуту шляпную коробку с новеньким модным цилиндром из салона госпожи Теллурии и уверенно шагнула к прилавку.

Лавочник чуть посторонился, показывая на составленные в пирамиду на деревянном ящике жестянки:

– Три выстрела. Чтобы получить приз, нужно сбить все.

– Так это же просто! – обрадовалась Сурьма, положив на прилавок монетку. – Нужно лишь попасть в одну из нижних, и вся конструкция рухнет, верно? – Азартно сверкнув глазами, она оглянулась на Висмута, с интересом за ней наблюдавшего.

– Верно, – согласился он, – *всего лишь* попасть.

– Да что тут сложного, – хмыкнула Сурьма, различив в тоне напарника скептические нотки, – до жестянок рукой подать, только слепец промажет!

Она взяла протянутый ей лавочником револьвер и, вскинув руку, встала к мишени боком, как ковбой с картинок приключенческих книг: спина прямая, словно аршин проглотила, подбородок задран. Прицелившись в левую нижнюю жестянку, спустила курок. Вылетевшее из дула ядрышко звякнуло где-то справа вверху, очень далеко от цели. Сурьма нахмурилась. Собравшись, хорошенько прицелилась и выстрелила ещё раз – опять мимо. Переступив с ноги на ногу, встряхнув правой рукой, вновь встала в «картиночную» позу, ещё сильнее напрягая плечи. И третья пуля так же не достигла цели.

– Дело в револьвере! – раздражённо фыркнула Сурьма, грохнув оружием о прилавок. – У вас прицелы сбиты! Специально, чтобы никто не попал.

– Не обижайте нас, госпожа, мы честные люди, не какие-то жулики! – обиделся лавочник.

– Так я вам и поверила! Здесь явно какая-то хитрость!

– На слово не верите, так сами проверьте! – Лавочник шустро перезарядил револьвер и вернул его Сурьме. – Если хорошо постараетесь, обязательно попадёте, – сказал он и протянул ладонь, требуя плату.

Сурьма сунула ему монетку, и тот вновь расплылся в щербатой улыбке:

– А не попадёте, так то не в наших прицелах беда, у нас-то всё как надо работает!

– Ах ты! – вскинулась Сурьма и осеклась, почувствовав, как Висмут, зайдя сзади, мягко обхватывает её за плечи.

– Руки вот так, – тихо произнёс он почти на ухо, поднимая обе её руки в направлении цели и смыкая её ладони на рукояти револьвера, – левой поддерживай ладонь правой. Ноги на ширине плеч, правая на полстопы впереди. Чуть присядь. Да, вот так. И не напрягай шею и плечи. – Его ладони обхватили пальцы Сурьмы поверх оружия, направляя дуло в нужную сторону.

Висмут склонился ниже, чтобы лучше прицелиться, и Сурьма, почувствовав его дыхание на своей щеке, скосила на него глаза.

– Смотри в цель, – тут же поправил он почти шёпотом, – и, как будешь готова, стреляй!

Раздался хлопок, грохот, Сурьма дёрнулась, впечатавшись спиной в грудь Висмута. Она не думала, что была готова. Она даже не была уверена, что выстрелила сама: ей показалось, что курок нажал Висмут. Но пуля попала ровно в цель, обрушив пирамиду из жестянок, лишь одна нижняя осталась стоять. Висмут ещё раз спустил курок, сбив и её.

– Вот и всё, – сказал он, отпуская руки Сурьмы и отступая от неё на шаг, – ты выиграла для Талли лягушонка.

– Ничего себе! – только и смогла выдохнуть Сурьма.

Этот выстрел неожиданно взволновал её настолько, что она забыла бы про свой приз, не напомни о нём Висмут. Сердце всколыхнулось новым, незнакомым жаром и заколотилось вовсю, а по коже под васильковыми рукавами побежали мурашки.

– Очень... очень волнующие ощущения, – сказала она Висмуту, вновь беря его под руку, – когда метко попадаешь в цель!

– О да, – согласился тот, загадочно улыбнувшись. – Кажется, седьмой круг был всё-таки лишним, – заметил Висмут, кивая на идущего им навстречу Празеодима.

Походка его была нетвёрдой, но на устах цвела блаженная улыбка.

– Ну он хотя бы доволен, – усмехнулась Сурьма.

И тут откуда ни возьмись, прямо им под ноги из толпы

выскочил тощий мальчонка лет тринадцати, врезался в Висмута и растянулся бы на брусчатке, если бы Висмут не подхватил его за локоть.

– Гляди, куда бежишь, пацан, – незло пожурил он мальчишку, ставя на ноги.

– Да, господин, – мальчик испуганно хлопнул большими тёмными глазами, – извиненья прошу, господин! – и рванул было дальше, но Висмут его удержал.

Паренёк озадаченно на него уставился.

– Кошелёк мой не хочешь вернуть? – спокойно спросил у него Висмут.

Большие, совсем ещё по-детски наивные глаза непонимающе моргнули, светло-золотистые брови поползли под козырёк замызганного кепарика, придавая острой скуластой мордашке ещё более невинное выражение.

– Я не буду звать жандармов, просто верни, что взял, – тихо, чтобы не привлекать внимание зевак, сказал Висмут.

Мальчишка дёрнулся, пытаясь вырваться, но пальцы Висмута держали его за локоть не хуже клещей. Делать было нечего. Воришка вздохнул, насупился и полез свободной рукой в оттянутый карман болтающихся на помочах слишком широких для него, но едва достигающих до щиколотки портков. Из кармана появилась упитанная серая крыса, которая была бережно перемещена за пазуху, а чумазая рука вновь вернулась в карман, извлекая краденый кошелёк.

– Воры-ы-ы-ы! – заголосил на всю ярмарку подоспевший

Празеодим. – Убиваю-у-у-ут!

Мальчишка выронил кошелёк, со всей силы пнул Висмута в правое колено и бросился наутёк, но дорогу ему загородил здоровый детина:

– А ну, куда пострекотал, шельмец? – пробасил он, раскидывая ручищи в стороны, чтобы не дать мальчонке проскочить.

Тот нырнул у детины промеж ног, проехался на пузе по гладким камням брусчатки, но встать на ноги не успел: его схватил один из жандармов.

– Ах вот ты где, сучёныш! – обрадовался усатый жандарм. – Кого на этот раз обжал, рассказывай!

Воришка съёжился в руках блюстителя закона, словно нашкодивший тщедушный котёнок, пойманный за шкурку, втянул в плечи тощую шею, зажмурился, ожидая оплеухи.

– Вон господина того, – пробасил детина, указывая на поднимающегося с подбитого колена Висмута.

– Господин жандарм, это недоразумение, – ответил тот, – я *обронил* кошелёк. Мальчишка его поднял и вернул, – он показал усатому свой кошелёк, – видите, он у меня, всё в порядке, никакого воровства не было.

– Да не покрывайте шельмеца, господин, – прогудел детина, – я ж видел всё! Вот он как вас ещё и лягнул, подлец!

– Всё в порядке, – повторил Висмут, хоть перед глазами ещё плясали красные вспышки из-за удара в большое колено, – это случайность.

– Да знаем мы этого шныря, – ухмыльнулся жандарм, – чай не в первый раз в участке! В работный дом его надо, да цепью за ногу к станку прицепить – в который раз сбегает! А кто ж батин долг будет отрабатывать, ну? – Усатый трянул мальчонку за ворот рубашки. – Батя у него помер, долгов оставил, – пояснил он для Висмута, – а этот, вместо того, чтобы отрабатывать, вона чем промышляет! Розгами тебя надо, сучёныш, розгами! – пригрозил жандарм и поволок мальчишку прочь. – А вы отдыхайте, пожалуйста, господа, веселитесь – ночь-то вона какая хорошая стоит! – крикнул он через плечо.

– Зачем же вы так, господин Празеодим! – попеняла старику Сурьма, когда паренька увели.

– Я всё сделал верно! – категорично заявил Празеодим.

– Ладно, пойдёмте обратно, время уже позднее, завтра вставать рано, – вздохнул Висмут.

Возвращались они медленнее. Висмут заметно прихрамывал. Сурьма помнила, что он, бывало, хромал и раньше, поэтому списывать всё на произошедшее сейчас не стала. Видимо, была какая-то травма, которая время от времени его беспокоила, и мальчишка своим пинком вновь её разбередил. Сурьма долго молчала, прикидывая, как бы повежливее спросить об этом, но все вертевшиеся на языке фразы были не слишком-то деликатными, а любопытство бурлило и пенилось в ней, как кипящее молоко, поэтому она решила

спросить как есть, по простому:

– Что у тебя с ногой, Висмут?

Они всё ещё шли под руку, и Сурьма почувствовала, как под её ладонью напряглись мускулы напарника.

– Я... – замялась она, – Может, я смогу чем-то помочь?

– Нет, – коротко ответил Висмут.

– Пуля у него там, – проскрипел Празеодим.

– Папа!

– Ещё с войны.

– Помолчи!

– Но так ему и надо.

– Уймись уже!

– Ведь если бы не...

– Да заткнёшься ты или нет?! – взорвался Висмут, резко останавливаясь посреди дороги.

Сурьма отпустила его локоть, Празеодим развернулся лицом к сыну и впился в него нахальным взглядом.

– А то – что? Здесь меня бросишь? Ну давай. Давай, отомсти мне за твою разваленную жизнь!

Сурьма заметила, как на окаменевшем лице Висмута заходили желваки, и поняла: дело принимает нешуточный оборот. Она осторожно коснулась его плеча, скользнула ладонью вниз по руке к его ладони, и Висмут стиснул её пальцы – неожиданно и сильно, но не причинив боли. Электрический разряд прошёл её до самого плеча, но Сурьма даже не вздрогнула. Висмута, видно, тоже ударило, и он, рез-

ко вздохнув, словно очнувшись, пошёл дальше, обойдя Празеодима. Тот, довольный учинённым скандалом, посеменял следом.

– А почему мальчишка должен погасить долг отца? – прервала неловкое молчание Сурьма, пытаясь перевести тему. – Ведь после смерти заёмщика его долг аннулируется.

– В Метанале другие законы на этот счёт, – ответил Висмут. – Если отец паренька брал заём в городском банке, то после его смерти долг перешёл по наследству к сыну. А если наследник не в состоянии выплатить долг в течение установленного времени, его приговаривают к работам в пользу банка, пока заём не будет погашен. Мальчишка вряд ли грамотен, для таких – работа самая тяжёлая, грязная и вредная. Такая, за которую берутся либо отчаявшиеся, либо те, кого заставил суд.

– Бедняжка! – вздохнула Сурьма.

– Он заслужил наказание, маленький воришка! – из-за их спин подытожил Празеодим.

Вернувшись в поезд, Висмут запер отца в купе и ушёл в будку машиниста, не желая оставаться с вредным старикашкой в одном помещении. Колено кипело острой, почти нестерпимой болью, но пить эфир он не решался: рано утром в дорогу, а после обезболивающего внимание притупляется, а реакция – замедляется. Придётся потерпеть. Хотя казалось, что проще сдохнуть.

Висмут откинулся на спинку кресла машиниста, вытянул ноги и попытался задремать. Боль уснуть не давала. Спустя полчаса дверь в будку машиниста скрипнула, и в квадрате резкого света вокзальных фонарей появилась Сурьма. Она, как и Висмут, переделалась в рабочую форму, словно уже была готова выйти на маршрут. Вот только цилиндра не хватало, и волосы были забраны в небрежную косу – как для сна. Видимо, она уже легла, но что-то заставило её подняться.

– Ты чего не спишь? – поинтересовался Висмут, глянув на неё сквозь полуприкрытые веки.

Сурьма замаялась, перехватила из руки в руку свой ПЭР.

– Я тут подумала... – робко начала она. – Ты прости, пожалуйста, но мне нужно спросить. Это важно. Можно?

– М-м-м, – прозвучало скорее утвердительно.

– Там правда пуля?

– Правда. Застряла в кости.

– Тогда я... я могу помочь.

Висмут выпрямился в своём кресле.

– Каким же образом? – недоверчиво спросил он.

Сурьма приподняла свой чемоданчик.

– Импульсы должны ослабить такую боль. Я однажды слышала, что подобное кое-где практикуется. Сама не пробовала, но... Хуже в любом случае не станет. Позволишь?

Висмут довольно долго молчал, о чём-то размышляя. Боль грызла колено с аппетитом изголодавшейся гиены.

– Ну, раз хуже не станет... Что я должен делать?

– Сидеть, просто спокойно сидеть, – улыбнулась Сурьма, опускаясь на пол.

Она открыла ПЭР, размотала проводки и, повернув переключатели, надела перчатки.

– Может покалывает, как от лёгкого напряжения, – предупредила она, – ты можешь ощутить тепло, щекотку или небольшую вибрацию, словно гул внутри тела. Это нормально. Если будет что-то другое, скажи.

– Угу, – не разжимая побледневших губ, согласился напарник.

– Ой, – она озадаченно уставилась на его колени, – м-м-м... Висмут, через ткань это не сработает.

Он наклонился, поморщившись от боли, закатал штанину широких рабочих брюк выше колена – ровно до того места, где виднелся тёмный рубец, оставшийся после операции. Сурьме понадобилось несколько секунд, чтобы преодолеть неловкость и прикоснуться к обнажённому колену Висмута. Она уселась у его ног, руки в прорезиненных перчатках осторожно легли по обе стороны шрама над коленом. Она прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться, но всё равно чувствовала, что Висмут смотрит на неё с высоты своего кресла.

– Ты можешь не нависать надо мной? Ты меня отвлекаешь.

Висмут молча откинулся на спинку кресла, уставившись в потолок. Вскоре он почувствовал, будто струи тёплой воды проникают под кожу, достигая очага боли и разливаясь

по нему блаженным покоем, отгоняя бешеных гиен, обволакивая измученную плоть, утишая, убаюкивая. С губ сорвался вздох облегчения.

Сурьма бросила на Висмута быстрый взгляд и, улыбнувшись себе под нос, – работает! – уверенней прижала ладони к его колену.

Спустя несколько минут вновь заняли уставшие за день плечи и спина. Сурьма поёрзала, пытаясь устроиться поудобнее, закрыла глаза, чтобы не терять концентрации. А потом почувствовала, как ладони Висмута легли ей на плечи, мягко и умело массируя перенапряжённые мышцы, и прикусила губу, удерживая блаженный стон. А спустя некоторое время уснула, утомлённая долгим днём, уронив голову ему на колени.

Глава 16

Висмута разбудил первый рассветный луч, прицельно бьющий сквозь стекло прямо ему в лицо. Висмут потёр глаза, выпрямился в кресле машиниста и замер: у его ног, головой на его коленях, спала Сурьма. Вчера, уставший и измученный болью, он отключился раньше, и никак не ожидал, что она останется. Прямо скажем, ситуация не слишком удобная. Висмут озадаченно уставился на спящую девушку. Надо бы разбудить, но как это сделать, не смутив? И так жалко будить...

Она доверчиво свернулась на его коленях в розовых лучах рассвета, словно рыжий котёнок, положив под щёку ладонь в рабочей перчатке. Несколько прядей покороче выбились из небрежной косы, одна из них упала Сурьме на лицо и теперь легонько подрагивала от её дыхания. Под длинными ресницами цвета тёмной меди, зацелованными солнцем до золотистой полупрозрачности на самых кончиках, рассыпались веснушки, столь нежные и трогательные, что начинало щемить сердце, если смотреть на них чуть дольше дозволенного этикетом. Зачем она их прячет под пудрой, дурочка? Неужто бережёт сердца окружающих юношей?

Висмут аккуратно убрал от её лица выбившуюся прядь. Жёсткую, словно проволока. С характером! И не сдержался: медленно, едва касаясь, провёл рукой по рыжей голове

и косе, змеящейся вдоль позвоночника поверх белой рабочей рубашки, нежно-розовой в утреннем свете. Сурьма чуть улыбнулась во сне, и не улыбнуться в ответ было невозможно, хоть она и не видит. Лампочки до сих пор работающего ПЭРа мигнули, сообщая о повышении частоты колебаний – всё-таки почувствовала прикосновение сквозь сон.

Висмут отдернул руку, ощутив себя крайне неловко: слишком старым, слишком увечным, да ещё с этой задранной выше колена штаниной – едва ли не голым. Неуклюжим и неуместным в этом розовом рассвете, с этой тоненькой девушкой, такой наивной, но такой отважной. Чего стоило ей прийти сюда среди ночи и прикоснуться к нагому телу постороннего, в общем-то, мужчины, чтобы попытаться ему помочь?

«Проклятье!» – Висмут осторожно откинулся на спинку кресла, стараясь отвлечься, не замечать того, что с протяжным стоном подняло голову где-то в глубине его сердца, пробуждаясь от тяжкого многолетнего сна. Нет, не может быть! Двадцать лет. Двадцать лет разницы! Когда он упустил момент, где недосмотрел? Нет, этого просто не может быть. Померещилось.

«Уймись, – бросил он заточённому под рёбрами косматому чудищу, словно старому охотничьему псу, что сквозь сон учуял привидевшуюся ему дичь и настороженно заводил носом, – спи дальше. Тебе показалось».

Он шевельнул коленом, и Сурьма вздрогнула – просну-

лась. «Святые угодники!» Приподнялась, чуть слышно позвала Висмута по имени, но он притворился спящим. Снизу послышался едва уловимый, не без облегчения, вздох. Сурьма споро, но очень тихо смотала все свои проводки, отключила ПЭР и на цыпочках, стыдливо оглянувшись на Висмута, вышла из будки машиниста. До отправления оставалось чуть больше часа.

Они столкнулись в коридоре вагона, когда Сурьма выходила из своего купе, а Висмут запирает голосящего Празеодима.

– Чем-то недоволен? – усмехнулась она, показывая глазами на дверь, из-за которой доносились возмущённые вопли.

– Жалуется на скуку, – пожал плечами Висмут, – но понятие о развлечениях у него специфическое, так что пусть лучше поскучает. Под замком. Нам из локомотива его будет не слышно.

– Погоди. – Сурьма шмыгнула обратно в своё купе и тут же вернулась с небольшой книжицей в руках.

– Не думаю, что его можно увлечь чтением. – Висмут с сомнением покосился на заглавие книжки.

– Всё лучше, чем просто сидеть, – улыбнулась Сурьма, и напарник, вздохнув о тщетности её попытки, всё же отворил дверь.

– А, лапушка! Недобренькое утро, неправда ли? – разда-

лось из купе, стоило Сурьме переступить порог.

– Вот, – она протянула книжку восседавшему в нарядной пижаме на узкой койке Празеодиму, – прочтите, чтобы не скучать. Быть может, вам будет полезно.

– Что за «Рождественские песни»? Колядки, что ли? – Празеодим скептически сморщился, прочтя название. – Июль на дворе, милочка! А этот, – кивнул на стоящего в дверях сына, – ещё бухтит, что я здесь сумасшедший!

– Не песни, а песнь, – поправила Сурьма, – хорошая книжка. Почти про вас.

– Про меня, говоришь? – заинтересовался старик, протянув сухощавые руки к книге. – Про любовь хоть?

– А-ха, – загадочно кивнула Сурьма, пригасив ресницами задорный сапфировый блеск.

– Ну всё, – нетерпеливо махнул рукой Празеодим, словно отсылая горничную, – ступай, ступай уже отсюда, не мешай, не загораживай мне свет! И этого с собой забирай! – указал острым подбородком на Висмута.

– О любви? – шёпотом переспросил Висмут, запирая дверь на ключ, и многозначительно округлив глаза.

– В итоге любая хорошая история – о любви, – ответила Сурьма, – а эта – хорошая! И ведь он не уточнял, о какой любви речь, – лукаво улыбнулась. – Ты уже завершил осмотр поезда?

Висмут кивнул.

– Сейчас подпишу документы у начальника депо, и по-

едем.

– Тогда я пошла разогревать не-зверя!

Сурьма вышла из вагона, а Висмут зашёл в кухню – глотнуть воды. Сразу заметил, что на столе лежит консервный нож, до этого убранный – Висмут точно помнил, сам его убирал. Он заглянул в шкафчик с консервами: по центру аккуратного ряда жестяных банок зияла прореха – словно щербина в зубастой улыбке: одной банки не хватало. Опустив глаза, заметил, что ручка дверцы под умывальником измазана паштетом, а из щели наружу торчит краешек рубашечного рукава.

За рукав в точно таких же разводах сажи и пятнах технического масла он вчера поймал мальчишку и не сомневался: сейчас в отсеке для стока воды сидит тот самый ярмарочный воришка, прижимая к груди утянутую банку консервов, которые он, судя по всему, уплетал прямо руками, пока его не спугнули. Видно, всё-таки сбежал от жандармов, шилохвост.

Висмут, не подавая вида, что заметил мальчишку, неспешно налил себе стакан воды, выпил его и вышел на улицу, заперев дверь кухоньки на защёлку. Окна в ней нет – не выберется.

Вернувшись от начальника станции, Висмут обнаружил Сурьму в кресле помощника машиниста, а не на полу.

– Мы готовы? – спросил он.

– Да, – кивнула Сурьма, – вполне. Ты был прав вчера, – сказала она чуть тише, – надо было послушаться и пересесть в кресло. Сейчас чувствую себя заржавевшим средневековым доспехом, – повела ноющими плечами, не убирая рук с панели питания.

Она втайне надеялась, что Висмут вновь разомнёт ей плечи, как вчера, но этого не случилось – он будто бы не понял намёка и пропустил её слова мимо ушей, сосредоточенно разглядывая тормозные манометры. Повторять Сурьма не стала, но в глубине души почувствовала лёгкий укол то ли досады, то ли обиды: она-то помогла ему – вон, сегодня уже не хромает – хотя ей на то решиться было весьма непросто! Неужели ему сложно уделить ей хоть полминутки?

Ей живо вспомнились ощущения от тёплых и чутких рук Висмута на её плечах, и по коже побежали щекотные мурашки. Сурьма поёжилась, прогоняя отвлекающие от работы мысли, и молча занялась своим делом.

Издав пронзительный гудок, паровоз тронулся, и притаившийся в шкафу мальчишка, пальцем доскребающий из жестяной банки остатки паштета, дёрнулся вместе с ним.

– Ешь-ешь, господин Цезий, – пробормотал он, сунув очередной кусочек сидящей на его плече крысе, – кто знает, когда ещё доведётся... Вот доедем до будущей станции, утекём с тобой по-тихому отседова, а тамова где-нито приспособимся. Не отыщут нас тамова, господин Цезий! Всё ж без батиных долгов полегше нам будет.

Рутений (или, попросту, Рут) – так звали паренька – заметил возвращавшихся к паровозу Висмута с Сурьмой и Празеодимом случайно, когда, сбежав от жандарма, прятался в ливневой канализации. Повинуясь беспризорничьему чувству, тихонько пошёл за ними, проскользнул на вокзал. А когда понял, что они – паровозники, решил не упускать возможность сбежать из города – другой, может, и не представится: не так-то просто пробраться на поезд без билета!

Заморив червячка, Рут выбрался из своего укрытия. Чуток повозившись, хитро согнутой провололочкой отомкнул защёлку на кухонной двери и попал в коридор, ведущий к двум купе. Прислушался – тишина.

Пробрался в одно купе, огляделся: внутри аккуратно прибрано и пахнет вкусно – комната явно дамская. Раскрыл шкаф: пара платьев на вешалках да засунутый в угол чемодан. Хотел поискать в чемодане денег, но поглядел на свои руки и постеснялся трогать вещи барышни, чтобы не замарать. Она ему худого не сделала, он слышал, как она его даже пожалела в разговоре с тем господином. Хорошая, наверное, ни к чему за так обижать. Оглядев купе, ничего для себя полезного не нашёл – так, всё какие-то финтифлюшки.

Тихонько вышел в коридор, отпер второе купе. Просочившись через узкую щёлку, притворил за собой дверь и, обернувшись, только сейчас заметил полулежащего в ворохе подушек старика.

Празеодим, взволнованно покусывающий костяшки паль-

цев, переживал особенно напряжённый момент в книжной истории. Услышав лёгкий шорох, он с трудом оторвал взгляд от страниц, переведя его на неизвестно откуда явившуюся посреди его спальни чумазую фигуру. Моргнул – видение не пропало. Наоборот, стало чётче и вытаращило на Празеодима свои огромные глазищи.

«Ну всё, – подумал старик, – хана мне!» – и душераздирающе заорал. Мальчишка метнулся к выходу, дёрнул ручку, но её заклинило, и он, прижавшись спиной к двери, завопил в ответ – громко, как только мог.

Празеодим начал первым, поэтому и дыхание у него закончилось раньше. Умолкнув, чтобы набрать ещё воздуха, он пригляделся и вдруг скрипуче спросил, с расширившимися от ужаса глазами:

– Дух Будущих Святых, не ты ли почтил меня своим посещением?[1]

Мальчишка тоже перестал вопить и, хоть ни слова не понял из сказанного дедом, решил, что сумасшедшему лучше не перечить, кивнул:

– Я ли... почтил, ага...

– И образ имеешь того вчерашнего воришки, – пролепетал о чём-то догадывающийся старик, – неужто пришёл покарать меня за содеянное?

Рутений с трудом сглотнул вязкий ком, опять кивнул, всё ещё ничего не соображая:

– Ага... покарать.

И тут Празеодим рухнул с кровати на колени и, трагично заломив тощие руки, взревел:

– О, так покарай меня! Покарай меня, Дух Будущих Святых, дабы очистилась душа моя многогрешная страданиями, умылась слезами покаяния, и да не поглотит её, окаянную, геенна огненная!

Притиснувшийся к двери мальчишка аж вспотел и теперь лишь непонимающе моргал, во все глаза глядя на свихнувшегося старика в пижаме, простирающего к нему руки.

– Ч-чего?

– Покарай, я те сказал! – рявкнул дед, строго сдвинув седые брови.

– Цезий, съешь его! – в панике выкрикнул Рут, выкинув в сторону Празеодима руку с указующим перстом, по которой, выбравшись из-за пазухи, пробежала серая крыса и, прицелившись, прыгнула на старика.

Тот, трагично взмахнув руками, повалился назад с болтающейся на пижаме крысой, словно ему в грудь попала пуля. Изобразив неправдоподобные конвульсии, затих. Цезий, обнюхав деда и не найдя в его персоне ничего для себя занимательного, вернулся к застывшему Руту, по одежде вскарабкавшись на хозяйское плечо. Мальчишка, выждав пару минут, привстал на носочки, пытаясь разглядеть старика: никак и вправду помер?

– Хорошо получилось? – бодро поинтересовался Празеодим, приоткрыв один глаз. – Или ещё попробуем?

– Очуметь! – выдохнул потрясённый происходящим Рут.

– Ах, полноте, – жеманно хихикая, отмахнулся довольный

Празеодим, – всего лишь импровизация!

На исходе третьего часа пути – перед первым перерывом – Висмут поглядел на притихшую Сурьму.

– У нас гости.

– В смысле?

– Помнишь вчерашнего воришку? Я запер его на кухне в вагоне. Он хотел стащить консервы и спрятался в шкафу. Я подумал, что этот паровоз – единственная для него возможность сбежать подальше от долгов своего отца, которые либо в тюрьму его загонят, либо в гроб. Но сейчас не уверен, что сделал правильно.

– Так вот чего ты такой задумчивый всё утро! – воспряла Сурьма.

– Надо бы поговорить с ним. Но реши я это сделать до отъезда, он бы сбежал. После вчерашнего-то.

– Всё правильно, – уверенно ответила Сурьма, – ты всё сделал правильно. Мы подвезём его, куда он захочет. По нашему маршруту, разумеется. Или вернём в Метаналь на обратном пути.

Висмут усмехнулся: как всё просто и понятно у этой девочки. Без лишних раздумий. Без лишних сомнений.

– Я пойду с тобой. Поговорить с ним. Можно? Я девушка,

может, меня он не так сильно испугается.

Войдя в вагон, они услышали звуки губной гармошки, доносившиеся из купе Висмута.

– Как хорошо играет! – прошептала Сурьма. – Не знала, что твой отец умеет!

– И я не знал, – тоже шёпотом ответил Висмут, как можно тише открывая дверь, и замер на пороге, едва она приоткрылась.

Сурьма выглянула из-за его плеча и тоже застыла.

На полу, спиной к ним, сидел вчерашний воришка с крысой на плече и играл на гармонике.

На кровати восседал Празеодим с закрытыми глазами, дирижируя вдохновенно и невпопад.

Мелодия закончилась, Празеодим открыл глаза и, заметив гостей, соорил недовольную мину:

– Вход строго по билетам, ясно вам, бездельники? Ходят тут, сквозняк устроили... Играй, мальчик, играй! Здесь, помимо твоей крысы, только один истинный ценитель прекрасного!

[1] Цитата из «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса.

Глава 17

Мальчик и крыс сидели на кухне, одинаково сторбившись, – один на табурете, другой на хозяйском плече – и с одинаковой жадностью вгрызались в подаренный Висмутом вчерашний крендель в маковой обсыпке, один на двоих. Оба ели сосредоточенно и быстро, крепко держа хлеб обеими руками, словно его вот-вот отберут.

– Что ж ты ещё банку консервов не взял, раз такой голодный? – негромко спросил Висмут.

Он стоял у кухонной двери, сложив на груди руки и прислонившись плечом к косяку, наблюдая за гостями.

Крыса выглядела упитанной. Мальчишка был совсем оборвыш. Он на миг оторвался от своего кренделя, утёр рукавом рот, быстро глянув на Висмута, и сразу же отвёл глаза. Взгляд был виноватый. На самом деле виноватый – не прикидывался.

– Невкусно ворованное? – догадался Висмут.

Паренёк сокрушённо вздохнул: бабка бы таких делов не одобрила – не так она его воспитала! А бабку он очень любил и жалел огорчать. Тем более ей оттуда – сверху – всё как на тарелочке видать!

– Да я б батрачил, – хрипло сказал он, проглотив кусок булки, – только у фабричных жизни – не больше четырёх годов. Кровью кашляют, слепнут... И – тогось. Всё от пы-

ли этой ихней, фабричной. Ядовитая – страсть! – Помолчал, ещё раз вздохнул. – А мне за батин должок двенадцать годов работы определили! Я и года не пробыл, а уже тутова – как золы насыпали, – мальчишка дотронулся до тощей груди, – и скрежещет всё чегой-то. Вот я и утёк кошели щипать, чтоб поскорее должок-то... Вы уж извиняйте меня, господин, что я вас...

Рут посмотрел на Висмута большими круглыми глазами. Не детскими, как тому вчера показалось. Стариковскими.

– Отец твой как умер? Болел?

Паренёк мотнул головой:

– В петёльку сунулся. Из-за должка. Увяз совсем. Думал, поди, меня в приют возьмут – хоть жить не впроголодь да под крышей. Но город должниковых сирот не кормит, пока должок не покрыт. Вот я и остался сам по себе.

Висмут вздохнул. И куда теперь этого мальчишку? Пусть без долга полегче ему будет, но всё равно его ждёт улица. Метанальские банки рассылают списки сбежавших должников по конторам ближайших городов, и, сунься он в приют или попадись жандармам, его тут же вернут назад.

– Господин, – Рут просиял, будто в голову ему пришло по меньшей мере научное открытие, – а возьмите меня к себе человеком! Я много чего знаю: одежду чистить, полы драить, – затараторил он. – За дяденькой ходить могу! Я за бабкой своей ходил (гроб ей колыбелькой, земличка перинкой!), так что и покормить умею, и сказочку сказать, и пелёнку,

коль нужда станет, подменить! Вы не смотрите, что я худой! Жила во мне железная, сдюжу! А дяденька-то ваш совсем чудной – кажись, без присмотра-то нельзя его. Возьмите меня за так, без жалованья, только чтоб за покушать нам с господином Цезием! Мы не прожоры, убьели с нас вам не будет! А спать в калидоре буду, на полу, я привычный!

Висмут вновь вздохнул, глядя в затеплившиеся надеждой глаза мальчишки.

Сурьма отскочила от двери, едва не получив ею по лбу. Висмут отправил её в будку машиниста, не позволив остаться на разговор с мальчишкой, но ей было слишком любопытно, и она подслушивала, нервно покусывая костяшку согнутого пальца, чтобы не расплакаться – историю Рута она переживала, как свою.

– Ой, – растерялась Сурьма, – а я... м-м-м... водички попить!

Ничего не ответив, Висмут пошёл в локомотив, и она тут же последовала за ним.

– Ну? – нетерпеливо спросила она.

– Что – «ну»?

– Что ты решил? С мальчиком. Возьмёшь его на работу?

– А ты разве не слышала? – Он оглянулся через плечо, взбираясь по лестнице в будку машиниста.

– Ты слишком тихо ему ответил! – возмутилась Сурьма, карабкаясь следом.

– Ах, вот как! Ну простите, пожалуйста, что не расслышали те, кому велено было не слушать.

– Не уходи от вопроса, Висмут! – Сурьма почти налетела на него, когда напарник, развернувшись к ней лицом, остановился посреди будки машиниста, и теперь, стоя практически вплотную, глядела на него снизу вверх настолько требовательно, что ещё чуть-чуть – и начнёт искрить!

– Тебе надо было идти в дознаватели, а не в пробуждающие! – усмехнулся Висмут.

– Ну не томи-и-и! – взмахнула руками Сурьма и топнула бы ногой, но не позволило расстояние между нею и Висмутом.

– Он посидит с Празеодимом...

– Превосходно!

– *Пока...*

– Что значит «пока»?!

– Ты можешь не перебивать?

– Нет! Да. Извини. Продолжай! Ты просто слишком медленно говоришь, Висмут!

– Он посидит с Празеодимом, пока мы в пути. Если будет хорошо получаться, останется и по возвращении в Крезол.

– У-у-у! – радостно взвизгнула Сурьма, поднимаясь на цыпочки, – спасибо тебе! – и, положив ладони Висмуту на плечи, она едва не чмокнула его в щёку.

Но Висмут отстранился, вмиг посуровев лицом.

– Ой, прости! – смущённо хихикнула Сурьма, тут же от-

ступив на шаг. – Я там, за дверью, так переволновалась, что вот даже, видишь, перепутала тебя со своим братом!

Висмут мягко улыбнулся и уселся в своё кресло.

– Ты готова?

Сурьма кивнула, зафиксировав клеммы на своих висках и положив ладони в перчатках на панель питания. Воздух прорезал гудок, и паровоз тронулся с места.

– Ты ведь не будешь с ним слишком строг, правда? – с надеждой спросила Сурьма спустя час молчания. – Не выгодинишь из-за мелкой ошибки? Ему же совсем некуда идти!

– Не буду, – согласился Висмут, а потом, подумав, добавил: – Если у отца появится нянька, я смогу вернуться к работе на «Почтовых линиях».

Краем глаза он заметил, как улыбка медленно сползла с губ Сурьмы.

Эта фраза кольнула её, словно булавка во время примерки свадебного платья. Висмут уедет. А она останется здесь... Сурьма покатала в голове эту мысль, словно стеклянный шарик между пальцами, поглядела через неё на солнце, пытаюсь разглядеть коловшую её занозу. Висмут будет служить на «Почтовых линиях», а она – нет. После свадьбы, возможно, она вообще нигде не будет служить...

Сурьма незаметно вздохнула: надо не забыть покаяться отцу Молибдену в завистливом сердце. Из-за зависти она едва не пожелала своему напарнику и другу неудачи!

– Куда мы пойдём сегодня вечером? – сменила она тему.

– Боюсь, что никуда, – пожал плечами Висмут. – Я пока не рискну оставить этих двоих без присмотра, а уж брать с собой – тем более.

– М-м-м, жаль, – протянула Сурьма, но спорить не стала. – Может, отведать знаменитых фениламинских плюшек получится на обратном пути?

Висмут украдкой бросил на неё долгий внимательный взгляд.

– Я схожу за плюшками, если ты согласна полчаса пригладеть за Празеодимом и Рутом, – наконец сказал он.

Вечером Празеодиму приспичило пойти в театр, а поскольку Висмут отказался выводить его в город, старик решил организовать представление своими силами. Наскоро, на фольклорной основе, был сляпан сюжет о похищенной драконом принцессе и отважном рыцаре, который должен сразиться с чудовищем и освободить даму сердца.

Сурьма, втянутая на «подмостки», с содроганием представила, что рыцарем Празеодим сделает, конечно же, себя, но, к её искреннему удивлению, он выбрал роль дракона, а её спасителем был назначен Рутений. Цезию досталась роль благородного рыцарского скакуна, и Празеодима ничуть не смущало, что всё представление «скакун» будет сидеть на рыцарском плече.

Висмут ушёл за обещанными плюшками в разгар подго-

товки к «главной премьере нынешнего сезона», когда вся «труппа» мастерила из снятых с окон занавесок драконьи крылья и рыцарский плащ. Он зашёл в ближайшую пекарню, а потом в лавку готовой одежды – выбрать Рутению приличную сорочку вместо его замызганной и брюки по размеру. Вернулся как раз к финалу последнего акта, застав эпичные корчи поверженного «дракона», который в пафосной агонии надрывно декламировал что-то в размере четырёхстопного дактиля. Трагично взревев на последней ноте (всё как полагается – даже «рыцарский конь» вздрогнул), «дракон» распластал свои занавесковые крыла и остекленело уставился в потолок. «Прекрасная принцесса», «рыцарь» и даже его «конь» усталились на «дракона».

– Чего zenки тараштите, – прошипел «змей», – спас принцессу – теперь целуй!

– Я не буду, – растерялся Рутений и отступил назад.

– Руку целуй, дурак! – «Дракон» злобно зыркнул на «рыцаря». – И на колено не забудь встать!

Рут бухнулся на оба колена и схватил Празеодимово запястье.

– Её руку, остолоп! – взвизгнул дед, вырывая свою из пальцев мальчишки.

Рутений поднялся на ноги, с сомнением глянул на Сурьму. Та состроила жеманную гримаску, как и полагается принцессе, и протянула ручку, нарочито оттопырив мизинец. Рут вытер ладони о штаны, рукавом утёр губы и бояз-

ливо склонился к девичей руке.

– А ты – падай в обморок! – шёпотом подсказал с пола Празеодим.

– Зачем? – удивилась Сурьма.

– Падай, сказано! Все изысканные девушки настолько чувствительны и стыдливы, что лишаются чувств из-за сильных переживаний от поцелуя прекрасного принца!

– Да?

– Точно тебе говорю! Мне лучше знать!

– Но вы же дракон.

– Я живу дольше! Падай!!! Принцесса ты или нет?!

Сурьма сделала «большие глаза» Висмуту, стоящему в дверях со свёртками в руках, и изобразила предобморочное «ах!», запрокинув голову и прижав тонкое запястье ко лбу.

– Занавес! – торжественно заорал Празеодим. – И шквал аплодисментов восхищённой публики! Висмут! Хлопай, чего тарачишься?

– У меня руки заняты, – сохраняя серьёзную мину, ответил Висмут, подняв повыше благоухающий свежей выпечкой свёрток.

Отужинав, Рут повёл твёрдо решившего стать величайшим драматургом Празеодима готовиться ко сну, Сурьма ушла к себе, а Висмут вышел на улицу.

Ночь стояла тёмная, тёплая, пропахшая железной доро-

гой. Они остановились на запасных путях, и до Фенольско-го вокзала, погружённого, словно в аквариум, в призрачный свет фонарей, было не очень близко, поэтому здесь, у поезда, царили тишина, спокойствие и полумрак. Висмут опустил на щебень, откинувшись спиной и затылком на паровозное колесо, и устремил взгляд на усыпанное звёздным крошевом небо.

Здесь ничто не мешало полной грудью вдохнуть черноту этого неба, и Висмут вдохнул, пуская его в себя, словно прохладную и тягучую успокоительную микстуру. В такие моменты ему казалось, что бездонное небо наполняет его лёгкие, струится по его венам, затапливает всё внутри, делая его неотъемлемой, полноценной частью этого могучего мира, и даже в горле было как будто щекотно – от звёздной пыли, острой и колючей, словно засохшие хлебные крошки.

Он не услышал, как подошла Сурьма. Заметил её лишь тогда, когда она опустилась рядом с ним на землю, так же прислонившись к колесу.

– Можно?

Висмут кивнул. Да даже если и «нельзя» – она спросила уже после того, как села. Что ещё тут ответишь? Хотя сейчас Висмут предпочёл бы побыть один, но он чувствовал, что Сурьму разжигает какой-то вопрос, и молчание – лишь признак того, что она отыскивает способ корректнее его задать.

– Висмут, а ты когда-нибудь целовался? – выпалила она, повернув к нему лицо, стремительно заливающееся краской

(видно даже в полутьме, зря она надеялась на обратное).

Висмут не успел ответить, лишь удивлённо приподнял брови.

– Ах, ну да, конечно, глупый вопрос, извини! В твоём-то возрасте... ой! – Сурьма уткнулась взглядом в свои коленки. опять глупость сморозила, а ведь в голове-то уже заготовила нужную фразу, и даже был какой-то план... – Я имею в виду – по-настоящему.

– Это как? До потери сознания от удушья? – шутливо переспросил Висмут.

– Нет. До пузырьков игристого, которые будто бы разносятся от сердца по венам.

– Сама-то как думаешь? *В моём-то возрасте*, – незло передразнил её Висмут.

– Значит, было?

– Чего только не было, Сурьма. Но не всё подлежит обсуждению.

– Мне кажется, я какая-то неправильная «принцесса», – после долгой паузы вновь заговорила Сурьма, и голос её неуверенно дрогнул, – сломанная. И не справлюсь с тем, чего от меня ждут. Я не... – она замолчала, не решившись договорить самое главное – то, что хотела сказать.

В тишине прошло минуты три.

– Какой он? – наконец спросила Сурьма у своих коленок, на которых сцепила тонкие пальцы. – Настоящий поцелуй? Мне важно знать. Мне больше не у кого спросить, – совсем

тихо, почти жалобно проговорила она.

– Тебе показать? – пошутил Висмут, надеясь смутить её ещё больше и закрыть щекотливую тему.

– Достаточно только слов, – не ответила на его улыбку Сурьма.

– Для настоящего поцелуя *только* слов не может быть достаточно. Его невозможно описать, как и настоящую любовь. Это можно только почувствовать, – неожиданно серьёзно ответил Висмут.

– Отчего же? – Сурьма перевела взгляд со своих колен на напарника: дух противоречия не оставил её даже в такой момент. – Я *могу* описать поцелуй Астата исключительно словами.

Висмут поднялся на ноги, задумчиво и грустно посмотрел на Сурьму сверху вниз.

– Это тебе повод для размышлений, – тихо обронил он. – Сломанной может оказаться вовсе не принцесса. И ей нужно быть не «правильной», а настоящей, – и он пошёл в вагон, оставив Сурьму наедине с её думами.

Глава 18

Этен: шумный, весёлый и разгульный. Этен, славящийся своими кабаками и вкусной едой. Неспящий Этен, где плохо знают правила этикета, но без причины никогда не обидят. Маленький, почти полностью деревянный Этен, где ты для каждого «дружаня» и «братец», даже если здесь всего лишь проездом и ни с кем не знаком.

– Как хочешь, но сегодня я в паровозе сидеть не намерена! – заявила Сурьма, подъезжая к городу, купавшемуся в лучах закатного солнца.

Сегодняшний перегон оказался для неё самым тяжёлым. Возможно, сказывалась накопившаяся усталость. А может, ей просто было скучно: Висмут весь день был погружён в свои мысли и говорил мало, ограничиваясь односложными ответами. Сурьма уже привыкла болтать с ним о том о сём, смеяться его забавным шуткам. Ей нравилось, что он слушал её, как никто больше: серьёзно и вдумчиво, и никогда не ставил себя выше, как, например, Астат, который, вместо того чтобы объяснить что-то для неё непонятное, лишь вздыхал: «Не забивай голову, душа моя, для девушки это совершенно не нужно!». И теперь, проведя практически весь рабочий день за монотонным занятием в полной тишине, словно кроме неё в будке машиниста никого не было, Сурьма желала активной деятельности и свежих впечатлений.

– Да ты бурлишь энергией не хуже Празеодима! – усмехнулся Висмут, окинув её быстрым взглядом.

– И я взорвусь, как паровой котёл, если опять придётся сидеть на месте! – пригрозила Сурьма.

– Хорошо, – согласился он спокойно.

– *Хорошо?!*

– В Этене нет модных шляпок, тут народ вообще довольно простой и непритязательный. Но я знаю, где тебе понравится. Туда и ходим.

– Куда? – загорелась Сурьма.

– Увидишь, – загадочно улыбнулся Висмут. – Вот только в платье не наряжайся.

– Как же так?

– Иди в рабочем. Твои наряды в Этене будут неуместны.

Сурьма недовольно скривила губы, но спорить не стала: а ну как Висмут вообще передумает куда-то идти?

Закончив с локомотивом и бумагами, они встретились на вокзальной платформе недалеко от своего паровоза. Из вагона доносился чудовищный скрип: Празеодим под чутким руководством Рутения осваивал губную гармонику.

– Ты была права, – многозначительно оглянувшись на поезд, сказал Висмут, – сегодня стоит выйти в город.

Он тоже был в рабочем, но это не помешало Сурьме взять его под руку, как если б они оба были «при параде».

– Здесь так не ходят, Сурьма, – извиняющимся тоном ска-

зал Висмут.

И правда: улицы за пределами маленького вокзальчика кишели людьми, которые двигались очень проворно, почти бегом, и никто не держался под руки. Деревянные дома были приземисты, тротуары – широки, то тут, то там велась оживлённая торговля – прямо по краю тротуаров, на перевёрнутых деревянных ящиках. Торговали всем: газетами, ягодами, зеленью, деревянными игрушками, вязаными шальями, цып-лятами и даже козой.

– Почём коза? – ради смеха спросила Сурьма, неуклюже прикидываясь местной, и Висмуту пришлось ввязаться в мигом разгоревшийся торг, иначе хваткий да языкастый продавец шутками-прибаутками, а козу Сурьме всё-таки всучил бы.

Обеденных заведений в Этене было едва не больше, чем жилых домов: двери их по нынешней хорошей погоде стояли нараспашку, и из наполненных золотистым светом проёмов струились аппетитные, сводящие с ума запахи. Хорошо поест этенцы любили даже больше, чем поторговаться.

Висмут свернул с главной улицы, несколько минут они петляли переулками, пока не вышли к высокому глухому забору. Из-за забора доносились звуки двух дудочек и вкусно пахло жареным мясом. Висмут отворил калитку, пропуская вперёд Сурьму.

Посреди двора стоял длинный узкий стол, за которым сидели только с одной стороны, потому что по другую двое

статных парней жонглировали горящими факелами и показывали разнообразные трюки с огнём. Позади стола, вокруг огромного очага суетились несколько кухарей, готовя гостям заказанные яства.

Висмут с Сурьмой уселись на скамью, на свободное за бесконечным столом место, и к ним сразу подскочил мальчишка с досочкой, на которой мелом было написано меню.

– Чего отведать изволите, добрые господа?

– Тут всё так необычно! – изумилась Сурьма. – Хотелось бы попробовать что-то особенное, что бывает только здесь.

– Возьми свиные рёбрышки в малиновом варенье с подливкой из пряных трав, – подсказал Висмут.

– Звучит странно... Но я попробую!

Прав был Висмут: рёбрышки оказались неправдоподобно вкусными! Даже огненное представление не смогло их переплюнуть, хоть тоже вызвало у Сурьмы, ни разу такого не видавшей, немало восторгов. Трюки с огнём сменились танцами с огненными веерами, а потом – представлением с дрессированными воробьями, которые были настолько умны и забавны, что зрители долго хлопали и улюлюкали, не желая отпустить их с импровизированной сцены.

К Сурьме подскочил мальчишка-разносчик – забрать пустую тарелку.

– Не хочет ли госпожа ещё чего отведать? – спросил он. – У нас и напитки есть особенные, которых нигде больше

не сыскать! Выпить нашенской «хромой щуки» даже из То-луола едут.

– Разве щуки бывают хромыми? – заинтересовалась Сурь-ма.

– Не советую тебе проверять, – вмешался Висмут.

– А её и не варит никто, кроме нас, – парировал маль-чишка, – может, и случая больше не представится!

– Тогда надо попробовать! – воодушевилась Сурьма.

– Берите, госпожа, не пожалеете!

– Она крепкая, Сурьма.

– И что? Я совсем чуть-чуть!

– Ты опьянеешь.

– Не опьянею! Я не маленькая.

– Сурьма...

– Только глоточек! – Она состроила Висмуту умоляющую гримаску. – Неси! – велела мальчишке.

«Хромая щука» подавалась в круглом деревянном бочон-ке размером чуть больше напёрстка.

– Это и всего-то? – удивилась Сурьма. – С чего тут пья-неть?

Она понюхала напиток, потом аккуратно глотнула. Вкус приятный, чуть солоноватый, с оттенком сосновых почек и яблочной кислинкой.

– Хм-м-м... А мне нравится!

Сурьма выпила до дна и подождала с минуту: а ну как го-лова закружится? Но никаких признаков опьянения не было.

– Глупости всё, – авторитетно заявила она Висмуту, – ничего не крепкая эта «щука». Зато очень вкусная! Мальчик, принеси мне ещё!

– Сурьма, хватит, – сказал Висмут, но вышло слишком резко.

– Я сама в состоянии решить, когда мне хватит, – обиженно поджала губы Сурьма.

– Ты, девонька, слушай, что тебе братец говорит, – вмешался сидящий рядом мужик, обгладывающий баранью лопатку, – не для барышни эта потеха! Отведала – и будет. Лучше мармеладу закажи можжевелевого – он тоже вкусный.

– Вот ещё! – вздёрнула подбородок Сурьма. – Я вам, между прочим, дипломированная госпожа пробуждающая, а не просто какая-то «барышня»!

Мужик оторвался от своей трапезы, перевёл удивлённый взгляд на худенькую рыжую девчонку, грозно сверкавшую на него сапфировыми глазами.

– Вот вы, например, – продолжала Сурьма, – со всеми этими вашими мускулами, – она сделала неопределённый жест рукой, – сможете сдвинуть с места машину весом в сотню тонн? А если с вагонами, под тридцать тонн каждый? Ну? Сможете?

Мужик озадаченно молчал, даже жевать перестал.

– А я – могу! И на силе своей энергии тяну их на сотни километров, между прочим! Мальчик, носи «щуку»!

– Ну энергии-то тут хоть отбавляй, – протянул мужик,

с сочувствием глянув на Висмута прикрывшего глаза ладонью, – гору с места сдвинет, не то что паровоз!

Сурьма победоносно сверкнула глазами и выпила поднесённую ей порцию «щуки».

– А ведь у меня – золотой диплом! – сообщила она мужику.

– Учёная, значит? – добродушно хмыкнул тот.

– А ты заешь, что пробуждающие такой силы, как у меня, даже среди мужчин встречаются довольно редко, а уж с *золотым* дипломом...

Висмут удручённо вздохнул: опьянение от «хромой щуки» не походило на обычное. Оно туманило мозг чрезвычайно вкрадчиво, развязывало язык, вдохновляя на задушевные беседы, а потом лишало возможности стоять на своих ногах без посторонней помощи. Сурьму следовало уводить отсюда, пока не поздно.

– Пойдём, Сурьма. – Висмут поднялся из-за стола.

– погоди, – запротестовала та, – я ещё не рассказала господину... господину... Как тебя звать? – уточнила она у собеседника и, не дожидаясь ответа, продолжила: – не рассказала о специфике работы...

– Я подожду, – перебил её слушатель, уверенно кивая, – ты сходи, куда тебя братец зовёт, а я здесь побуду. Потом доскажешь.

Висмут, благодарно кивнув мужику, ухватил Сурьму за локоть, вытаскивая из-за стола.

Пока Висмут вёл её, нетвёрдо стоящую на ногах, обратно, Сурьма продолжала рассказывать ему что-то о своей работе и учёбе, будто и не заметила смену слушателя. В одном из переулков споткнулась и, едва не упав, сбилась с мысли. Висмут подхватил её за утянутую в кожаный корсет талию, и какое-то время она шла молча, послушно ведомая его уверенной рукой. Немного не доходя до вокзала, Сурьма вдруг резко остановилась.

– Всё это как-то неправильно, ты не находишь? – спросила она заплетающимся языком.

– Просто «щука» была лишней.

– Нет, не поэтому. Погоди. Тут у меня была мысль... Не могу её найти, слишком темно. Посвети сюда! – Она усмехнулась, постучав пальцем по виску.

– Пока не протрезвешь, светлее там не станет.

– У-у-у... А при свете там ещё страшней. Там Астат. С этими своими, – Сурьма покрутила кистями, словно вкручивала лампочки, – этими... подозрениями! Думает, я увечная...

– Все мы – в чём-то увечные механизмы, – отозвался Висмут, по-прежнему поддерживая её за талию, чтобы не упала, – в той или иной степени...

– Не-е-е... У меня везде часы. Всё – часы. В смысле – всё должно работать, как часы. Вот только стрелки у них нарисованы на циферблате, и точное время – лишь дважды в сутки. Видимость. Фальшивка, понимаешь? – Она повер-

нулась к Висмуту и, покачиваясь, посмотрела на него мутным взглядом. – Все ждут, что я придумаю туда настоящие стрелки. И всё заработает. Даже если мне придётся вырезать их... их... из собственных костей. Я не должна подвести. На мне отесвен-н-н... отсвен... отвесе...

– На тебе ответственность только за свой выбор и за свою судьбу, Сурьма, а не за чьи-то ожидания.

– Не-а, – замотала головой Сурьма, – нет выбора. Есть правила. Им нужно со-от-вет-ство-вать, если хочешь быть, а не казаться, как те часы без стрелок.

– Это зависит от того, кем ты хочешь быть: собой или тем, кем хотят видеть тебя окружающие. Не все должны быть часами, Сурьма. Этому миру нужны и другие механизмы. И если, например, твой ПЭР пересобрать в часы, он ими не станет – какой-нибудь детали да не хватит. Но и пьезоэлектрическим резонатором он уже не будет.

Сурьма помолчала, внимательно разглядывая Висмута. Ему даже показалось, что она начала трезветь.

– Ты чертовски умный, Вис! Можно я буду называть тебя «Вис»? – усмехнулась она.

– Нельзя.

– Ну почему-у-у?

– Пойдём, Сурьма. – Висмут со вздохом потащил её дальше.

– И у тебя такой изысканный профиль!

– Сурьма!

– Что? Говорю как есть. Ты недурен собой, Вис, весьма недурен! Только сейчас заметила. Почему ты не женат?

– Ты пьяна.

– И-и-и?

– Помолчи, пожалуйста.

– Почему?

– Сурьма!

– М-м-м?

Глава 19

– Н-да-а-а, – протянул Празеодим, – принцессы нынче не те, что вчера! – и, подперев щеку ладонью, принялся с интересом разглядывать вышедшую к завтраку Сурьму.

Он, Висмут и Рутений с господином Цезием пили чай, собравшись за маленьким кухонным столом. Сурьма, опустив глаза, протиснулась к графину с водой и налила себе полный стакан, едва не расплескав часть воды на Висмута. Она привела себя в порядок, насколько это было возможно: переоделась из мятой формы, в которой провела ночь, в запасной комплект, умылась, тщательно причесалась и припудрилась, но ощущение, что на её шее висит огромная табличка с надписью: «уволена за пьянство» не отпускало Сурьму.

– Работать сможешь? Нам выезжать через двадцать минут, – спокойно поинтересовался Висмут.

– Я ещё не решила, от чего же умереть, – пробормотала Сурьма, с трудом оторвавшись от стакана с прохладной водой, – от стыда, головной боли или всё-таки жажды, а ты уже про работу спрашиваешь.

– Документы на отправление я твои тоже справил, – сказал Висмут, поднимаясь из-за стола, – жду тебя в будке машиниста.

– Славно вчера повеселились? – многозначительно играя бровями, поинтересовался Празеодим, едва Висмут вышел

из вагона. – Или уж не помнишь ничего?

Сурьма перевела на него тяжёлый, словно свинцовые гири, взгляд:

– А что я должна помнить?

– А нам почём знать, – пожал плечами Празеодим, – вы ж нас с собой не взяли. Недостойные мы, слышь, Рутений, их веселья!

Напрягшиеся плечи Сурьмы осторожно расслабились.

– Но! – Старик воздел указательный палец, и она вновь сжалась. – Но я слышал, как вы вернулись. Ввалились, будто отара в овчарню: грохот, топот, бляение! Ты сначала скабрёзные анекдоты травила, Висмута Висом звала и танцевать идти уговаривала, потому что потом дракон заточит тебя в башне с часами, и будешь жить там секретарём без пузырьков. А от Висмута вкусно пахнет железной дорогой, поэтому он должен рассказать, как можно пересобрать козу в ворону, чтобы та могла улететь на волю. А то, мол, продадут её, бедняжку, с верёвкой на шее, совсем задёшево, а она только жить начинает, и все паровозы у неё ещё впереди. И что-то там про сильные руки было, которые не то что у того дракона. Дракон этот вообще хилак, как я понял, хуже козы, и даже бокала игристого от него не допросишься, как хоть и пережил естественный отбор! Есть соображения, Рутений? – задумался Празеодим.

Рутений ничего не понял, никогда не пробовал игристого и не знал, что такое естественный отбор, поэтому молча по-

мотал головой, дожёвывая кусок булки.

– Это правда? – с тихим ужасом спросила Сурьма, переводя отчаянный взгляд на мальчика. – Всё так и было?

– Нет, – серьёзно ответил Рут и, не успела Сурьма вздохнуть с облегчением, добавил: – Про скабрёзные анекдоты он соврал.

– Святые угодники! – прошептала Сурьма, пряча лицо в ладони. – Какой стыд!

Весь день она была тише воды, ниже травы. Периодически бросала на Висмута быстрые взгляды, пытаясь разгадать: не изменилось ли его отношение к ней после вчерашнего происшествия. Но по его сосредоточенному профилю было не понять, и её взгляд, стоило ей хоть на миг ослабить контроль, вновь и вновь обращался к Висмуту и, что самое странное, сползал на его крепкие загорелые руки, до локтя обнажённые закатанными рукавами белоснежной рубашки.

Руки двигались спокойно и уверенно, открывая и закрывая вентили, поворачивая рычаги, вселяя в Сурьму чувство основательности и надёжности. «Правду говорят: можно бесконечно смотреть, как другой человек работает!» – подумала она, отводя глаза. И где-то на задворках сознания мелькнуло жгучее, словно стыд, любопытство: а что чувствовали женщины, к которым прикасались эти руки? Безусловно – сильные. Наверняка – нежные.

Сурьма зажмурилась и потрянула головой, вновь поймав

себя на том, что смотрит на Висмута. В похмельной голове от резкого движения посыпались стёкла. Сурьма поморщилась, переживая волну усилившейся боли.

«А были ли у них пузырьки? У тех, которых...» Сурьма тихо фыркнула, прогоняя недодуманные мысли, оставляющие непонятный привкус досады.

«Но были ли пузырьки?..»

В Аланине развлечений не предполагалось, разве что просто ужин. В этом маленьком городке жизнь на ночь останавливалась: все расходились по домам, а с рассветом принимались за дела. Жители были отражением своего города: такие же опрятные и трудолюбивые, но скучные.

– Пойдём поужинаем, пока всё не позакрывалось, – предложил Висмут Сурьме, закончив осмотр паровоза и заверив маршрутные документы у начальника аланинской станции.

– Пожалуй, воздержусь, – опустила ресницы Сурьма, – я вчера «наужиналась», стыда хватит на неделю вперёд.

– Зато теперь знаешь, чего лучше не делать, – улыбнулся Висмут, – уверен, такого больше не повторится.

– Зато теперь в глаза тебе смотреть не могу, – выпалила Сурьма, заливаясь краской.

Висмут посерьёзней, немного помолчал.

– Знаешь, Сурьма, ты, безусловно, должна была сделать выводы из вчерашнего. И ты их сделала. Но вот переживать

о том, какое впечатление ты произвела на *меня*, точно не стоит. Я знаю тебя уже достаточно, и глупой ошибке не испортить моего мнения о тебе.

– Не испортить? – Сурьма вскинула беспомощный взгляд на напарника. – То есть оно уже настолько плохое, что дальше некуда, или...

– «Или», – перебил её Висмут. – Не переживай. Здесь не элитный воскресный клуб, здесь ты можешь быть настоящей, – усмехнулся, и уголки его глаз засветились тонкими лучиками морщинок, – но лучше всё-таки трезвой. А о вчерашнем никто не узнает.

– Оди разболтает, – уныло заметила Сурьма.

– С Оди я разберусь, – заверил её Висмут. – Ну что, пойдём перекусим?

– Пойдём. Кстати, а почему ты не позволил мне звать тебя «Вис»?

– Сурьма-а-а!..

Они устроились в уголке уютной таверны. Хозяйка – гостеприимная и дородная румяная женщина – звала Сурьму «дочкой», а Висмута знала по имени.

– Я всегда здесь ужинал, когда работал на почтовом маршруте, – пояснил он.

– Расскажи об этом, – попросила Сурьма. – Не об ужине. О работе на «Почтовых линиях».

– Да я тебе уж всё рассказал. Больше, вроде бы, и нечего...

– А о том, как часть корреспонденции у тебя в одном из вагонов мыши погрызли и как ты потом восстанавливал наиболее повреждённые письма, а я тебе помогал, рассказывал? – раздалось из-за спины, и чья-то натруженная четырёхпалая ладонь крепко хлопнула Висмута по плечу. – Здорово, старина! Сто лет тебя не видал!

– Здорово, Аргон! – Поднявшись из-за стола, Висмут пожал четырёхпалую ручищу. – Рад тебя видеть! – искренне сказал он.

Сурьма окинула взглядом высокого бородатого мужчину, загорелого почти до черноты, в простой, но чистой рабочей рубашке и брюках на помочах. Выглядел он постарше Висмута, но в серых глазах искрился совершенно детский восторг.

– Вот уж не думал, что ты снова через наши края едешь! А это что за малютка с тобой? – С высоты своего двухметрового роста он по-отечески подмигнул Сурьме.

– Это моя напарница, Сурьма, пробуждающая. Сурьма, это Аргон, давний друг.

– Ага, служили вместе! Сурьма, значит! – поцокал языком Аргон. – Такая кроха, а пробуждающая, во те на! Уважаю, уважаю!

– Присядешь? – пригласил его Висмут.

– А то бы и нет! Когда ещё свидимся. Вы ж одной ночью тут? Рассказывай, где ты сейчас? По «Почтовым», поди, тоскуешь?

Сурьма с молчаливым интересом следила за разговором старых товарищей, уплетая вкусную наваристую похлёбку. Аргон оказался мужчиной добродушным и очень весёлым, – нет-нет да и вставит в разговор какую-нибудь шутку или забавный случай из работы на «Почтовых линиях» – специально для Сурьмы, чтобы она не заскучала. Даже историю о том, как ему на службе оторвало мизинец, он умудрился рассказать так, что Сурьма не смогла сдержать смеха.

– А вы на «Почтовых» работали на смежных маршрутах, правильно? – поинтересовалась она, когда Висмут отлучился из-за стола.

– Та недолго. В основном был сменным машинистом в бригаде Виса, так что наездили мы с ним ого сколько! Я его ещё с войны знаю, бок о бок воевали.

– Висмут воевал?

– А как же! Всю войну, считай, прошёл! Молоденький ещё совсем был... Да и я тоже нестарый, – усмехнулся Аргон. – В самом конце его списали по ранению. Вот тогда ему, конечно, худо пришлось. Невеста ещё погибла...

– Невеста? – Сурьма аж подпрыгнула на месте, и Аргон, неутомимый рассказчик, был польщён таким интересом к своей истории.

– Генеральская дочка, – воодушевлённо продолжил он, – красавица! Они помолвились перед самой войной, а как она началась, хотели быстрее обвенчаться, но потом Вис отсрочил. Отец у него в ту пору был мэром Дивинила и мечтал,

чтобы сын пошёл по его стопам – в политику. А он метнулся в железнодорожный университет – с детства паровозами грезил. Ну, Папаня и обиделся. Никчёмным его назвал, сказал, что стыдно ему такого сына иметь. И что на генеральской дочке тот жениться вздумал, чтобы, мол, звание получить без натуги, по-родственному. Вот это Виса подрезало сильно. Гордость его задело, да и вообще. И он отложил свадьбу, пошёл на фронт простым солдатом. Медалей заслужил – хоть на спину вешай, на грудь все не уместятся! Но не любит об этом говорить, скрывает... А невеста его в Дивиниле была всё это время. И тут заговорили о его возможной оккупации. Вот генерал и отослал дочку с прочей роднёй в Кумол, там спокойно было. А по дороге их поезд разбомбили. Все погибли, никого не осталось.

Сурьма слушала затаив дыхание, но тут не сдержалась – тихонько вскрикнула, зажав рот ладонью.

– Вис себя винит. Если бы не побоялся, что все его заслуги спишут на родственные связи, и сыграл бы свадьбу раньше, она бы на тот момент уже в Кумоле была. Им там дом генерал подарил. Но уж как вышло... А потом сам пулю получил, нога отказала, боли терпел адские. Не поймёшь, где сильнее болело – в душе иль в колене. Начал пить. Два года заливал по-чёрному, не поверишь! А потом вдруг решил: пусть отнимут ногу к чертям собачьим: всё равно бесполезная, так хоть болеть не будет. Приполз в госпиталь. А там лекарь новый: молодой, учёный, о собственной персоне в рамках ме-

дицинского прогрессу мнения высокого. Я, говорит, от боли тебя совсем не избавлю, однако ходить сможешь и даже работать по специальности – машинистом то есть, – будешь. Прооперирую, если пить бросишь. А нет – так и ампутировать не стану – ползи отсюда восвояси, – Аргон вдруг замолчал, как-то странно глядя поверх головы Сурьмы.

– И что же Висмут? – шёпотом спросила она.

– Завязал, как видишь, – неласково ответил Висмут за её спиной.

– Ой, – оглянулась на него Сурьма.

Висмут хмуро поглядел на старого друга, тот виновато вздохнул, опустив глаза.

– А помнишь Гелия, который у нас пробуждающим служил? – нарочито бодро начал Аргон, переключаясь на другую тему. – Так вот, представь, он сейчас...

Историю про пробуждающего Гелия Сурьма не слушала. Она смотрела на Висмута через стол, поверх мерцающего оранжевого язычка свечи, воткнутой в стеклянную бутылку. Напарник, увлечённый разговором с товарищем, ни разу не перевёл на неё взгляд, и ничто не мешало Сурьме разглядывать его совершенно беззастенчиво.

Висмут казался каким-то другим, не таким, каким она знала его раньше. И ей чудилось, что в этот вечер она впервые с ним познакомилась, но в то же время он будто стал ей на целую жизнь ближе.

В паровоз они возвращались молча. Висмут устал от раз-

говоров, а Сурьма погрузилась в свои размышления. Он так и не женился. Почему? Однолюб? Или... Или он ни с кем больше не смог почувствовать тех самых пузырьков? Выходит, у них схожие беды...

Закрывшись в своём купе, Сурьма прилегла на кровать не раздеваясь, даже не снимая корсета, прямо поверх покрывала. Спать не хотелось.

Ночь заглядывала в окна золотыми звёздами и острым, словно птичий коготь, полумесяцем. Ночь – странное время. Окутывая мир темнотой, она сглаживает резкие черты, прячет препятствия и барьеры, сокращает расстояния... Делает всё проще, будто под лунным светом работают совсем иные правила, не те, что под солнечным. Как будто темнота вызывает на искренность, позволяет достать со дна души те тайны, для которых дневной свет слишком ярок и жесток.

Если у Висмута похожая беда, то это... сближает. Почти роднит. А значит, и тем, что мучит Сурьму, изводит её, словно затяжной кашель, поделиться не грех. Он поймёт... Она поднялась с кровати и вышла в коридор, тихонечко постучала в дверь его купе.

Висмут готовился ко сну и только снял рубашку, как услышал стук. Надел её снова, открыл дверь. На пороге стояла Сурьма.

Она окинула взглядом Висмута в полураспахнутой рубашке – он как раз её застёгивал, начав с нижних пуговиц. На мерно вздымающейся мускулистой груди, подчёрки-

вая скульптурные рельефы, играли тени, отбрасываемые зажённым в коридоре керосиновым светильником.

– Можно с тобой поговорить?

– До завтра не подождёт?

– Нет.

Они вышли на пустынную, скудно освещённую платформу. Несколько секунд Сурьма собиралась с духом, покусывая нижнюю губу и разглядывая собственные ботинки, всё равно неразличимые в темноте. Висмут почувствовал её тревожное напряжение и насторожился – даже застёгиваться перестал.

– Висмут, – наконец начала она неуверенно, – мне очень нужен твой совет. Твоя помощь. Помнишь, я говорила, что чувствую себя... сломанной?

Висмут кивнул, не понимая, к чему она ведёт.

– Астат говорит, со мной что-то не так. погоди, не вздыхай так, пожалуйста! Я и сама уже готова с ним согласиться. Дело в том, что... что... Понимаешь, я ничего не чувствую. Совсем.

– В каком смысле?

– В том самом. Когда он рядом, когда он касается меня... даже когда целует! Моё сердце не замирает. По венам не пробегают искры электричества. Мне будто всё равно, понимаешь? – чуть не плача закончила Сурьма.

– Так может, в том его вина? – спокойно предположил Висмут.

– Я не знаю. Но мне очень нужно выяснить... всё ли со мной в порядке. Вот я и подумала... Ты ведь тоже мужчина, Висмут...

Его брови удивлённо взлетели вверх.

– Не мог бы ты... ну... поцеловать меня?

– Чего?!

– Ты знаешь, каким должен быть настоящий поцелуй, и если я опять ничего не почувствую, то... то... то со мной точно беда. Кроме тебя, мне просить некого, ведь тогда поцелуй будет изменой Астату... А иначе это определить никак невозможно!

– То есть я достаточно мужик, чтобы целовать тебя, но не настолько, чтобы это считалось изменой твоему жениху? – сухо осведомился Висмут.

– Да! То есть нет. Ну мы же друзья, понимаешь? – залепетала Сурьма, и Висмут, развернувшись, пошёл назад к вагону. – Висмут! – шёпотом выкрикнула она, и столько в этом крике было отчаяния и тоски, сомнений и боли, что он, пусть и уязвлённый, не выдержал – остановился. – Висмут, пожалуйста! – со слезами на глазах попросила Сурьма. – Я должна знать!

Он подошёл и остановился очень близко, лицом к лицу, так, что Сурьма отчётливо почувствовала запах креозота и фонарной копоти от его не до конца застёгнутой рубашки.

– Разве без поцелуя не обойтись? – тихо спросил Висмут, и голос его сейчас был не такой, как обычно: более низкий

и хриплый.

Сурьма покачала головой.

– А тебе совсем противно, да? – дрогнувшим, чуть слышным шёпотом спросила она.

Висмут молчал. Карие, с приглушённой тёмной зеленью глаза смотрели внимательно, даже пристально, и в их глубине Сурьма разглядела бы отсветы щемящей тоски и нежности, если бы не опустила ресницы, окончательно смутившись.

– Посмотри на меня, – позвал Висмут, – не отводи взгляд.

Сурьма послушно посмотрела ему в глаза, хоть сейчас это оказалось непросто.

– Чтобы были искры, – проговорил он, и его пальцы, невольно коснувшись её запястья, медленно двинулись вверх по руке, – нужно, чтобы в проводах было электричество.

Её кожа мгновенно отреагировала на прикосновение, покрывшись мурашками, словно от щекотки. Но щекотно не было.

– Оно не рождается там само по себе, – неторопливо продолжал Висмут вполголоса. – Пар раскручивает ротор. Создаётся переменное магнитное поле.

Его пальцы достигли сгиба её руки и, касаясь всё так же мягко, почти неощутимо, очертили край закатанного над локтем рукава. Разбегавшиеся от его прикосновений мурашки подобрались к горлу, и Сурьма невольно задержала дыхание.

– Переменное магнитное поле генерирует электрический ток, – пальцы скользнули под белую ткань, осторожно поглаживая кожу чуть выше границы рукава, – и он течёт по проводам...

Сурьма едва заметно задрожала, оцепенев в опасной близости к Висмуту, неглубокими рваными вдохами глотая ночной воздух, перемешанный с пьянящим запахом креозота и фонарной копоти.

– Чтобы в проводах было электричество, – пальцы вынырнули из-под рукава и теперь медленно возвращались к запястью по внутренней стороне руки, по проводам вен, и Сурьма, вибрирующая, словно натянутая струна, дышать перестала совсем, замерев на вдохе, – чей-то пар должен раскручивать твой ротор, создавая магнитное поле...

Висмут обхватил её за талию и уверенно, но в то же время бережно, притянул девушку к себе. Сурьма вскинула ладони, упёрлась ему в грудь, промахнувшись мимо рубашки, но не оттолкнула, оставив руки на его обнажённой коже. Касание обожгло обоих. Его мышцы ощутимо напряглись под её пальцами, её сердце сделало кульбит, рассыпавшись мириадами пузырьков, которые лопались и покалывали её изнутри. Ей стало нечем дышать, словно маленькие упругие шарики заполнили все лёгкие, распирая их.

Сурьма судорожно вздохнула, закрыла глаза и откинула голову, неосознанно, всем своим существом и желая этого поцелуя, и страшась его. Тёплое дыхание коснулось её щеки.

– Чувствуешь? – прошептал ей на ухо Висмут. – А я даже не пытался поцеловать тебя, – твёрдая рука сразу же отпустила её талию, и Висмут быстрым шагом, не оглядываясь, пошёл в вагон.

Глава 20

– Ты опять уводишь чужих женщин? – проскрипел Празеодим, с головой укрывшись одеялом, когда Висмут вернулся в купе. – Я всё видел, – гордо сообщил он, – но только потому, что подглядывал.

Висмут не ответил.

– Что теперь, выкрадешь её от алтаря и увезёшь на почтовом паровозе в закат? Смотри, могу предложить рыцарского коня в качестве альтернативы.

– Я ей не пара.

Реагировать на едкие шуточки старика не было ни сил, ни желания. Висмут присел на край кровати, и Празеодим подвинул к стеночке худые коленки, освобождая место.

– Она слишком хороша для тебя. – Празеодим вынырнул из-под одеяла и сел в кровати.

– Я знаю.

– А ты – старый дурак.

Висмут поглядел на отца:

– Это у нас наследственное.

– Умный бы за неё поборолся.

– У неё впереди вся жизнь. А я свою уже прожил.

– Тогда зачем заставляешь её сомневаться в чувствах к её жениху? – сощурился дед.

– Потому что нет там никаких чувств! Этот брак – боль-

шая ошибка, и Сурьма сама это чувствует, но боится признать. Она с ним задохнётся, с этим Астатом.

– Тебе-то какая печаль?

– Я совершил похожую ошибку. Побоялся людской молвы, побоялся, что обо мне подумают хуже, чем я есть. Какая, к чёрту, разница, как о тебе думают другие, если ты сам себя ненавидишь за непоправимый поступок, за неправильный выбор? Пусть теперь думают как можно хуже, этого всё равно будет недостаточно! – воскликнул Висмут и, развернувшись, наткнулся на отцовский взгляд.

В глазах старика словно лопнуло защитное жаропрочное стекло, и Висмут только сейчас увидел в них душу: иссохшую, полупрозрачную, словно папиросная бумага, сплошь посечённую незаживающими ранками, которые уже много лет сочились сукровицей, вытягивая жизнь. Он будто на своей шкуре ощутил, как изматывающе зудят и ноют эти отметины, и хочется уже вырезать их, вырвать с мясом, лишь бы не тревожили... И ты всё продолжаешь и продолжаешь беречь их ещё больше, словно наказывая себя этой болью. Как будто это может что-то исправить!

Несколько секунд они молчали, глядя друг другу в глаза. Первым не выдержал Висмут: поднялся и вышел из купе. Сегодня ему опять ночевать в будке машиниста.

Старик, как только за Висмутом закрылась дверь, вздохнул глубоко, но осторожно, словно внутри него что-то висело на тонкой ниточке и могло оборваться от резкого дви-

жения воздуха. Потом несколько раз часто моргнул, с силой потёр переносицу и улёгся на бок, свернувшись калачиком, но не мог уснуть почти до света. Этой ночью удалось выспаться лишь Руту, устроившему себе гнездо в уголке на кухне.

Толуол находился в трёх часах езды от Аланина, а в двух часах от Толуола было кладбище паровозов. Висмут и Сурьма должны были оставить вагон (с Празеодимом и Рутом) на толуольском вокзале, съездить на кладбище, найти там подходящие паровозы и вернуться с ними в Толуол на ночёвку. А следующим утром, сцепив всё в один состав, отправиться в обратный путь.

Утро началось не слишком бодро: Висмут был угрюм, Сурьма прятала глаза. Первый час ехали молча.

– О свадьбе договорились наши отцы, когда нам с Астатом было по пятнадцать, – неожиданно сказала Сурьма, глядя перед собой, а не на Висмута. – Мама была счастлива! Неустанно повторяла, что мы – идеальная пара. Я гордилась, что единственная из всей гимназии уже обручена. Чувствовала себя чрезвычайно важной и взрослой и жалела лишь о том, что мы с Астатом ровесники, и он, по сути, всё ещё мальчишка. С семнадцати мы начали вместе выходить в свет, и разговоров стало ещё больше. Весь окружающий мир жужжал о нашей любви и...

– И ты сама в неё поверила? – мягко спросил Висмут, так и не дождавшись продолжения оборвавшейся фразы.

– Не знаю, может быть... Мне нравилось внимание толпы, нравилось появляться под руку с красивым молодым человеком, ловить на нашей паре восхищённые и завистливые взгляды. Меня веселило то, что я помолвлена с перспективным и богатым будущим адвокатом, который ещё и чертовски хорош собой. А уверенность мами окончательно убеждала меня в том, что это и есть любовь. Думаешь, мы не подходим друг другу? – Сурьма обернулась на Висмута, и он едва не ответил невпопад, но вовремя сообразил, что речь об Астате.

– Думаю, ты должна прислушаться к себе. Понять, чего же ты хочешь на самом деле.

– Перестать притворяться, – выпалила Сурьма. – А для этого нужно, в первую очередь, поправить положение нашей семьи. Значит – выйти замуж за Астата.

– Получается, брак по расчёту.

– Получается, так, – вздохнула она. – По взаимовыгодному расчёту.

– И ты думаешь, это избавит тебя от необходимости жить в притворстве?

Сурьма метнула на Висмута испепеляющий взгляд.

– Можно, я честно скажу? Иногда я просто ненавижу тебя! – улыбнулась она. – Особенно когда твоя правота не позволяет и дальше не замечать очевидного. Приходится ду-

мать. И делать выбор. Самостоятельно.

– И что в этом плохого? В самостоятельном выборе? Ведь никто лучше тебя не может знать, чего ты хочешь на самом деле.

Сурьма погрузнела.

– Мне кажется, что иногда и самой лучше не знать, чего хочешь на самом деле. Некоторые желания пугают. Следовать им – всё равно что противостоять течению. Но и отказаться от них не так-то просто... И если твой выбор непонятен обществу, вот тогда весь окружающий мир нахлынет, как неукротимый поток, пытаясь сбить с ног, сорвать с места, вернуть туда, где ты, по его мнению, должен быть. А я не уверена, что у меня хватит сил бороться с ним. Меня вернут к началу, но уже опозоренную, пристыженную, побеждённую.

Висмут немного помолчал, будто раздумывая, стоит ли говорить то, что хотел. И наконец произнёс:

– Не нужно бороться с бурным потоком, Сурьма, он тебе неподвластен, ты не сможешь ни остановить его, ни повернуть вспять. Но чтобы не поддаться ему, не отступить, не сойти под его натиском с того места, которое ты выбрала своим, нужно укреплять фундамент.

Рельсы большой петлёй огибали кладбище паровозов, и к основному кольцу примыкали ветки коротких «глухих»

путей, не имеющих конца – на них стояли те паровозы, которые ещё могли чем-то послужить. Остальные, совсем уже безнадежные, с путей были сняты и находились внутри кольца.

Проржавевшие, завалившиеся на бок, поросшие зелёным лишайником локомотивы тонули в траве в человеческий рост. Без колёс, с выбитыми стёклами, распахнутыми или же вообще оторванными дверями, они походили на останки огромных зверей. В опустошённом нутре паровозов росли маленькие сосенки, выглядывая верхушками из прогрызенных ржавчиной отверстий с неровными, крошащимися коричневым, краями.

На кладбище работал маневровый угольный локомотив. Его бригаду составляли лишь почерневший от сажи старик-машинист с растрёпанными седыми лохмами и чумазый мальчишка-кочегар. Работы было слишком мало, чтобы держать ещё и помощника машиниста.

– Живые там стоят, – махнул рукой старик, встретив Висмута с Сурьмой, – здесь – обычные. Ищите, чего приглянется. Позовёте, когда вывести надо будет, сделаем.

Вокруг живых локомотивов трава была ниже, реже, и в ней даже виднелись тропочки. Висмут с Сурьмой прошли по одной из них к череде составленных на железнодорожной ветке не-зверей.

– Посмотрим, что у нас тут, – пробормотал Висмут, оглядывая паровозы.

Пока он выбирал те, что внешне казались вполне пригодными и подходили под требования заказчика, пока обходил будки машинистов каждого из них, отбирая наиболее исправные, Сурьма заскучала. Её помощь требовалась в самом конце: проверить пластины мастера Полония в тех локомотивах, которые выберет Висмут, и выявить наиболее «отзывчивые». А пока, устав ходить за напарником хвостом, она свернула в высокие заросли таволги – в центр круга, где покоились бесполезные железные останки.

Побродив среди искорёженного рыжего лома, она уже возвращалась назад, как вдруг её внимание привлекла продырявленная чёрная громада. Поезд казался очень старым, даже древним, на вид значительно старше остальных. С огромной, поросшей орешником раной в левом боку прицепленного к нему вагона, с наплывами густого мха на месте серийного номера. Он стал почти частью природы, слившись с ней, как какая-нибудь скала.

Сурьма вскарабкалась по ветхой лестнице к будке машиниста. Дверь не открывалась, на пороге росла трава и мелкие поганки, но и стекла в двери не сохранилось, поэтому Сурьма, изловчившись, влезла внутрь через окно.

Из пола тянулись хиленькие деревца не выше колена, за распахнутыми дверцами топки виднелось чьё-то старое, затянутое густой паутиной гнездо. Сурьма наклонилась, заглядывая в раззявленную пасть шуровки.

– Да ты был не-зверем! – воскликнула она, заметив, что

топка переделана под уже отсутствующие здесь пластины мастера Полония. – Какой ты модели, интересно? Таких гигантов я ни разу не встречала. Разве только на картинках видела... Да и то лишь однажды... – Сурьма резко выпрямилась, пронзённая невероятной, невозможной догадкой.

От волнения её прошиб пот, а колени вмиг ослабли, и она едва не свалилась вниз головой, вылезая из будки машиниста. Пробравшись по полуистлевшему мостику к дымовой коробке, что находилась в передней части паровоза, Сурьма, дрожа от какого-то необъяснимого, почти священного ужаса, начала обдирать пласты мха. Там, под ними – серийный номер. Но если её предположение может быть верно, если чудеса случаются, то там... Там будет не номер, а название. Имя. Две буквы. Большая и малая...

Ободрав мох, Сурьма заскребла пальцами по ветхому железу, очищая его от толстого слоя застарелой земли и грязи. Перепачкавшись с ног до головы и сломав ноготь, она наконец добралась до надписи. С дымовой коробки на неё глянуло выцветшее, почти прозрачное имя. Две буквы. Большая и малая. «Hg».

– «Ртуть», – оцепенев, непослушными губами выдохнула Сурьма, – «Ртуть»...

Она тарашилась на паровоз, не в состоянии поверить, что это не сон, что всё происходит на самом деле.

Как легендарная «Ртуть» мастера Полония, столько десятилетий хранящая все его секреты, «Ртуть», бесследно ис-

чезнувшая в северных горах, как она могла оказаться здесь, на обыкновенном паровозном кладбище, на противоположном конце страны?!

– Висмут! – прошептала Сурьма, недоверчиво касаясь ищарапанными пальцами истёртых временем букв. – Висмут-ут!!! – заорала она во всё горло, спугнув из кустов стайку мелких птиц.

Глава 21

Большой письменный стол, опрокинутый на пол посреди пустого вагона «Ртути», был засыпан пылью, листьями и мелким сором. Все его ящики оказались пусты. Все, кроме верхнего, закрытого на замок. Однако стол обветшал настолько, что для запертого ящика ключ не потребовался: Висмуту оказалось достаточно просто посильнее его дёрнуть, и замок вырвался с корнем, расщепив ветхое дерево. В ящике, окутанные паутиной и серой пылью, лежали пять пронумерованных маленьких металлических цилиндриков с нанесёнными на боках кругленькими углублениями.

– Звуковые цилиндры! – выдохнула Сурьма, заглядывая Висмуту через плечо. – Значит, вот как мастер Полоний хранил информацию! Не на бумаге... Он гениален, не правда ли? – прошептала она, посмотрев на напарника, и её дыхание коснулось его щеки. – Бумага здесь давно бы истлела!

– Возможно, – сдержанно отозвался Висмут. – Был. Был гениален.

– Такие великие умы, как мастер Полоний, бессмертны! Как минимум, они продолжают жить в своих творениях. Так что он – гениален! Был, есть и будет!

– Ты слишком к нему пристрастна, – усмехнулся Висмут.

– Я его обожаю, – откликнулась Сурьма, – он подарил миру живые паровозы! И у меня аж мурашки по коже от того,

что сейчас мы услышим его голос! Будто он до сих пор жив и находится где-то рядом... Кстати, как мы это сделаем?

– Нужна фонографическая машинка. Таких сейчас днём с огнём не сыщешь... Но в библиотеке Толуола, кажется, была. Во всяком случае, подобное старье там отыскать гораздо проще, чем что-то современное.

– Ух ты, а машинист-технеций, оказывается, в курсе технического оснащения толуольской библиотеки? Вот уж не подумала бы! Что ещё я о тебе не знаю?

Висмут бросил на не быстрый взгляд:

– Пожалуй, многого.

– Мы ведь успеем в библиотеку до закрытия?

– Если поторопимся.

– Я готова бежать бегом! Даже впереди паровоза.

– Вот уж не сомневаюсь! Но сперва мы закончим работу: ты должна выбрать три лучших локомотива из пяти отобранных мною.

Прибыв в Толуол, они никому не рассказали о своей находке. Проведав Празеодима и Рута, Висмут с Сурьмой «пошли ужинать», а сами отправились в библиотеку.

Зданию её было маленьким и неказистым, больше похожим на букинистическую лавку, а не на городскую библиотеку. Деревянные стеллажи, забитые пыльными книгами, громоздились от пола до самого потолка и для удобства бы-

ли снабжены передвижными лесенками на колёсиках, которые, однако, надёжными не выглядели. В конце лабиринта из книжных тоннелей, извилистого и закольцованного, словно кровеносная система, за маленьким столиком, в зелёном свете тусклой настольной лампы дремала интеллигентного вида старушка с пышным седым пучком на голове.

– Что желаете, молодые люди? – скрипуче поинтересовалась она, когда Сурьма, остановившись перед её столом, вежливо кашлянула.

– Подскажите, можно ли в вашей библиотеке прослушать вот это? – Висмут показал старушке один из звуковых цилиндров.

Та близоруко сощурилась, на несколько секунд задумалась, будто что-то припоминая, а потом кивнула:

– Да, в читальном зале стоит аппарат. Последний раз им пользовались лет пять назад, тогда он был исправен, – и старушка, прежде чем вновь погрузиться в дремоту, достала из кармана и протянула Сурьме белый платочек, обшитый по краям старомодным кружевом: – Возьмите, милочка, пригодится.

Сурьма озадаченно взяла платок и пошла вслед за Висмутом в указанном направлении.

В тесном и узком читальном зале, на дальнем из трёх имеющихся столов (больше сюда попросту не влезло бы), стояла фонографическая машинка, пушистая от покрывавшего её пятилетнего слоя пыли.

– Понятно, зачем платок, – пробормотала Сурьма.

Очистив механизм от пыли, они сели за стол и вставили в держатель первый цилиндр. Висмут несколько раз провернул ручку, заводя аппарат. Машинка вздохнула, щёлкнула и принялась медленно вращать звуковой цилиндр. Раздался шелест и скрип, похожий на шебуршание песка по фарфору. Он длился полминуты, не меньше, и Сурьма, застывшая у стола, словно почуявший утку охотничий пёс, едва не задохнулась, затаив от волнения дыхание. И вдруг откуда-то издалека, как будто пробиваясь сквозь толщу десятилетий, раздался тихий и скрипучий из-за механизма фонографической машинки голос:

– Двадцать пятое апреля восемнадцатого года. Семьсот тридцать восьмой день тщетных моих поисков. Надежда покинула меня ещё на той неделе, а ревматизм всё злее, и наши «прятки», прозванные «экспедицией», смысла имеют всё меньше. Теперь я почти уверен: ждать больше нечего. Пожалуй, пришла пора рассказать всю правду. Если вы, кем бы вы ни были, слушаете эту запись, значит, вы нашли «Ртуть». Хотя прятал я её надёжно (насколько возможно спрятать такую громаду) и вовсе не там, где нас будут искать. Теперь судьба этой записи (и моя – посмертная) в ваших руках, и я целиком полагаюсь на ваше благородство, надеюсь, что вы оставите её в тайне или, ещё лучше, уничтожите. Скажете: зачем же рассказывать правду, ежели не надобно, чтобы её знали? Да, мне не надобно. Она убьёт меня, убьёт по-насто-

ящему, а не только телесно, как, например, вот эта пуля, – на записи отчётливо слышен металлический щелчок, который бывает, когда взводят курок, – но она так измучила меня, изъела всё нутро, что и молчать я больше не в силах. Поэтому сейчас расскажу всё. И буду надеяться на вашу милость. Или на то, что записи эти останутся не найдены...

– Мастер Полоний! – на записи раздался другой голос, молодой и взволнованный, и звучал он будто ещё дальше, чем голос Полония. – Зачем вы взяли револьвер, мастер Полоний?

– Ванадий! – вновь голос Полония. – Ваничка... Завари-ка мне чаю, будь другом! И принеси плед, что-то зябко...

На этом фонографическая машинка щёлкнула, и звуковой цилиндр остановился: запись на нём закончилась.

– Давай следующий! – едва слышно и будто всё ещё не дыша прошептала Сурьма.

Спустя полчаса (ровно столько понадобилось, чтобы отслушать записи на всех цилиндрах) Сурьма вылетела из библиотеки и не разбирая дороги кинулась вниз по тротуару. Следом почти бегом вышел Висмут, настиг Сурьму на углу соседнего здания, поймал за плечо, но она резко сбросила его руку.

– Сурьма! – Висмут перехватил её за запястье и развернул к себе лицом. – Подожди, Сурьма!

Она слабо дёрнулась, пытаясь вырваться, но Висмут не от-

пустил, и Сурьма вдруг уткнулась ему в грудь и разрыдалась. Висмут на мгновение замер, но когда её руки кольцом сомкнулись чуть выше его талии, аккуратно обнял её за плечи, утешая.

«Всего лишь по-дружески. Даже по-отечески», – оправдывал он себя, но прекрасно знал, что это было ложью. Хорошо, что уже стемнело, а вокруг – Толуол, улицы которого на ночь пустеют, иначе подобная сцена привлекла бы немало зрителей.

– Зачем? – всхлипнула Сурьма. – Как он мог?!

В её ушах вновь и вновь звучало услышанное перед тем, как запись оборвалась: громкий, похожий на выстрел хлопок и где-то в отдалении – полный ужаса вопль Ванички: «Мастер Полоний! Мастер Полоний, что же вы сделали?!».

– Он же объяснил, – мягко ответил ей Висмут, легонько поглаживая жёсткие рыжие волосы.

– То есть ты его понимаешь?! – гневно вскинула она заплаканное лицо. – Оправдываешь?!

– Нет.

Она вновь уткнулась в его рубашку, а Висмут продолжил гладить её по голове, успокаивая.

Нет, он не понимал её кумира. Но и не осуждал его. По правде сказать, ему сейчас вообще не было никакого дела ни до мастера Полония, ни до его величайшего секрета. Даже после всего, что они узнали там, в библиотеке, Висмуту, как ни стыдно в этом признаться, не было до этих событий,

имеющих глобальное научное значение, никакого дела. Потому что рядом, прижавшись, обняв его, безраздельно завладев всеми его мыслями – и не только ими – стояла Сурьма.

– Он не должен был так поступать! Не имел права! – простонала она. – Такие люди, как он... Великие люди не в праве распоряжаться своей жизнью! Потому что она не принадлежит уже исключительно им, их жизнь – уже народное достояние!

– Он не был великим, Сурьма. Он *притворялся*. Ты же всё слышала.

– Даже думать об этом не хочу! – прошептала она и, отстранившись от Висмута, пошла в сторону вокзала.

Висмут последовал за ней на небольшом расстоянии, давая ей возможность побыть одной, а себе – время опомниться от их внезапной близости, слишком разбередившей его душу.

Хотела Сурьма того или нет – подумать об услышанном ей всё-таки придётся. Она мечтала раскрыть секрет живых паровозов. Что ж, теперь этот секрет – её. И он совсем не таков, каким она его представляла. И теперь именно ей придётся решить, что делать с ним дальше.

Глава 22

– Поэтому сейчас расскажу всё, – с тяжким вздохом произнёс старик, сухой и тонкой, но всё ещё твёрдой рукой зачёсывая назад длинные седые кудри. – И буду надеяться на вашу милость. Или на то, что записи эти останутся не найденными...

Он остановил запись и задумался. С чего начать? С детства, когда отец его колотил почём зря, а матушка плакала, что из слишком мечтательного и слабого здоровьем сына не выйдет никакого толка? С юности, когда его, трудолюбивого и прилежного, но слишком стеснительного студента не воспринимали всерьёз наставники, а однокашники дразнили из-за его нервного тика – очень заметного подёргивания головой? Или с того момента, когда почти двадцать лет назад их с лаборантом Ваничкой разбудил свист и треск, и взрывы, и огонь?

Да, пожалуй, это тот самый момент, та самая отправная точка... Тогда он, никому не известный учёный, жил в глуши, в заброшенной лесной сторожке – на квартиру в городе средств не хватало. Но Полонию было неважно, где жить: он был с головой погружён в очередную научную работу, в исследование, которому, как и всем его предыдущим, предстояло потерпеть неудачу. Он уже предвидел скорый конец этой работы – конец совершенно бесславный – но не мог её бро-

силь. С отчаяньем умирающего хищника он впился в материалы исследования железной хваткой и делал своё дело уже исключительно из упрямства.

Это несправедливо, это в высшей степени несправедливо! Он, посвятивший всего себя науке, пожертвовавший всем ради научных открытий, живший впроголодь, не пойми где, и носивший вечно дырявые башмаки, как какой-то захудалый поэт прежних времён, так ни в чём и не преуспел. Он работал много и самоотверженно, но тщетно. И мысли о собственной никчёмности всё чаще посещали его долгими зимними ночами под заунывные песни ветра.

«Господь всемогущий! Не допусти гибели создания Твоего! Пошли мне знак! Направи стопы мои по правильному пути! Отверзи очи мои и просвети мысли мои, дабы узрел я величие Твоё в непостижимости научного знания и хитроустроенности вселенной! Даруй мне чудо Твоё, доселе неизвестное! Позволь быть глашатаем новых открытий! Прославь имя моё в великолепии дел Твоих!» – шептал в подушку Полоний в бессонные тоскливые ночи и на последней фразе всегда путался: чьё имя и в чьих делах требовалось прославить.

И вот, в одну из таких ночей, случилось что-то странное. Под весь этот треск и грохот Ваничка проснулся в ужасе и, увидев из окна языки пламени, решил, что началась война. Но то была не война. То был «Церий» – метеорит, долетевший до Земли и рассыпавшийся метеоритным дождём над

лесом, приютившим сторожку Полония и его лаборанта. Полоний воспринял это как знак свыше и, справившись с накрывшим его приступом экзальтации, отправился на поиски всех разбросанных по лесу кусков. Он был уверен: они что-то да значат! Осталось выяснить: что?

Прошёл не один день хитроумных экспериментов, прежде чем он понял, что метеоритные осколки очень странным образом реагируют на его, Полония, энергию. Значит, он не ошибся: «Церий» рассыпался именно над их головами, именно в ночь особо отчаянной молитвы неспроста! И учёный принялся с утроенным рвением изучать взеземные камни.

Но даже когда свойства этого материала были установлены, что с ними делать и как их применить в научной среде, Полоний не знал. Требовалось что-то грандиозное! Но ничего грандиозного в голову не приходило – так, сущий смех.

Мысль ему подал лаборант Ванадий, как-то в разговоре случайно обронивший, что вот бы энергию этого метеорита приноровиться использовать так, чтобы двигать большие механизмы. Может быть, что-то типа мельниц? И тут Полония осенило: паровозы! Достаточно грандиозно, чтобы прославиться и войти в историю, не правда ли?

И он принялся изобретать свои пластины – из сплава металлов и метеоритной руды: такие, чтобы их энергии хватало для движения паровоза, но в то же время было бы не слишком много, иначе её станет сложно направлять и контроли-

ровать. На эксперименты ушло несколько лет. Но для Полония они показались неделей: впервые он работал над чем-то действительно важным, способным потрясти всё научное сообщество. Осуществить его, Полония, мечту.

И мечта осуществилась, когда он вместе с помощником Ванадием представил на главной научной конференции страны свои пластины. Они произвели огромное впечатление. Тут же нашёлся меценат, купивший Полонию для экспериментов старый паровоз. И на следующей научной конференции мастер Полоний представлял уже не просто осциллирующие пластины, а свою «Ртуть», которая при помощи пластин и пьезоэлектрического резонатора работала на его человеческой энергии. На следующее утро он проснулся самым известным и самым уважаемым человеком в стране.

Казалось, цель была достигнута: живые паровозы пользовались бешеным спросом; в обществе быстро формировалась ещё одна элитная каста – пробуждающие; мастер Полоний работал не покладая рук и купался во всеобщем почёте и восхищении.

За несколько лет им был создан не один десяток осциллирующих пластин для живых локомотивов, и метеоритный материал – обязательная добавка в сплав пластин – подошёл к концу. Тогда-то и выяснилось, что почивать на лаврах всю оставшуюся жизнь у Полония не выйдет. Ему нужно либо продолжать делать свои пластины, раз уж на них такой спрос, либо выдумать что-то ещё – что-то даже более потрясающее,

чем живые паровозы. Иначе, уйди он в тень, от былой славы и всеобщего обожания очень быстро не останется и следа.

Мастер Полоний на такой исход был не согласен. Он слишком долго работал, слишком страстно желал славы, чтобы так просто от неё отказаться. Но сколько бы он ни думал, он не находил возможности удержать её.

Полоний вновь вспомнил про Бога и затянул свои прежние тщеславные ночные молитвы, но теперь уже не просил, а требовал. *Тогда* Бог послал ему метеорит. Теперь Бог должен дать ему что-то получше, иначе Полоний опозорится. Из-за него – из-за Бога – опозорится, ведь не сам Полоний влез на такую высь, не сам достал этот чёртов «Церий»! Это Бог прославил мастера, так что пусть теперь как-то выкручивается, не давая Полонию упасть в грязь лицом. Полоний не собирается один отвечать за всех!

Но ответа на молитвы не было.

Тогда мастер начал врать газетчикам, что стоит на пороге нового научного открытия, которое потрясёт мир. Нужно было потянуть время, чтобы... чтобы... Чтобы – что? Дождаться озарения? Или ещё одного метеорита?

И мастер Полоний выдумывал научную экспедицию в горы, выдумывал свою научную группу и три поезда, на которых они поедут, а сам со своим бессменным лаборантом Ванничкой, верным, словно спаниель, тайно отправился на противоположный конец страны – в глушь под Толуол. Отправился лишь на «Ртути» с прицепленным к ней единственным

вагоном и всё ещё надеялся, что за эти месяцы «экспедиции» с ним случится чудо.

Но чуда не происходило. Здоровье шалило, а Полония вновь начали посещать мысли о фатальном конце. «Уж лучше сгинуть в экспедиции великим учёным на пороге грандиозного научного открытия, чем умереть от болезней и старости проигравшимся неудачником и разоблачённым обманщиком», – нащёптывал чей-то ехидный голос у него в голове, и Полоний с каждым днём всё больше к нему прислушивался.

Однажды он решил окончательно: этот голос, чьим бы он ни был, прав. Вот только уносить с собой такую тяжёлую ношу вранья и притворства Полонию не хотелось. Было нестерпимое желание сбросить этот груз, отмыться, отскоблить его от себя. Ему даже чудилось, что и старые его кости болят исключительно из-за этой тяжкой ноши.

Когда время «экспедиции» вышло, у мастера сомнений не осталось. Он подготовился, но ничего не сказал Ванадью. Он знал, что его помощник всеми силами воспрепятствует. А если заранее не узнает, то потом похоронит его по чести и исполнит всё, что тот велит ему в последней записке, оставленной на столе рядом со звуковыми цилиндрами.

Мастер Полоний ещё раз перепроверил револьвер: чтоб уж наверняка, без осечек – и вставил в фонографическую машинку следующий цилиндр.

Глава 23

Этой ночью Сурьма почти не спала, придавленная грузом чужой тайны. Ещё несколько часов назад она отдала бы многое, чтобы узнать её. А сейчас – столько же и даже больше, чтобы не знать. Всю жизнь она мечтала хотя бы кончиком ноготка на мизинце стать чуть ближе к обожаемому мастеру, но никак не думала, что, исполнив это желание, окажется едва ли не сообщницей. Соучастницей неправильных решений, большой лжи и страшного преступления большой гордыни. И ей теперь тоже, как и мастеру когда-то, хотелось сбросить с себя этот груз, отскрести с кожи всю эту правду, которая налипла, словно засохшая грязь. Но это было невозможно: правда оказалась совсем не такой, какой хотела Сурьма, и избавиться от неё, забыть всё услышанное, будто его и не было, не получится.

Утром все были притихшие и какие-то робкие. Празеодим и Рут ничего не знали – Висмут им не рассказал, но они чувствовали общее настроение и не шалили.

Сурьма молчала. Её пробирал озноб. Он рождался где-то глубоко в костях и расползался по всему телу, и зудел под кожей так, что внутри всё съеживалось. Исполнившаяся мечта выела Сурьму изнутри, словно яйцо всмятку. И сейчас она была будто бы вся пустая, остался лишь хрупкий каркас, со-

бранный из тонких палочек и подпиленных решёток: любой звук, любой сквозняк способны обрушить эту шаткую конструкцию. Запершись внутри себя, она осторожно шпаклевала повреждённые участки.

Мысли о мастере никуда не делись: они ложились на плечи и окутывали Сурьму тяжёлой и душной шалью, и полые палочки-решёточки гудели и вибрировали под этой тяжестью.

Висмут бросал на неё тёплые, заботливые взгляды, но не донимал разговорами, и Сурьме всё отчаянней хотелось уцепиться за его надёжную руку, укутаться в его тепло. Но она не могла ни шевельнуться, ни разомкнуть губ, словно её заколдовали. Словно, сделай она сейчас хоть что-то, вся внутренняя решётчатая конструкция безвозвратно обвалится.

Ей нужна была помощь, но не было сил принять её.

Вечером, остановившись в Аланине, они никуда не пошли. Сурьма даже ужинать не стала – заперлась у себя. Купе Висмута захватили Празеодим и Рут. Мальчишка, замученный, но не сломленный, с упрямым упорством боролся с алфавитом. Празеодим, взявшийся обучать его грамоте, с видом дежурящего у мышиной норы кота нависал над его плечом в ожидании, когда Рут допустит ошибку.

Рут чувствовал, как старик невольно задерживал дыхание,

и понимал: он в шаге от неверного решения, и думал ещё усерднее. Сделать работу без помарок под язвительным взором учителя стало для него вопросом чести.

Висмут отворил дверь вагона и сел на откидную лесенку. Аланин спал, лишь в высокой траве неподалёку стрекотали сверчки. Пахло ночной сыростью, шпалами и остывающим, нагретым за день камнем перрона. Всё здесь как всегда, всё неизменно, и эта неизменность – стабильность – обычно успокаивает. Но сейчас – наоборот: в контрасте с внешним привычным внутреннее новое ещё сильнее бросается в глаза. И ещё сильнее тревожит.

Висмут вздохнул: всё пошло не по плану. Он бы ушёл уже давно, если бы мог. Но сейчас он не мог. И теперь с каждым днём будет всё больнее...

Он не услышал, как сзади к нему подошла Сурьма, но почувствовал её лёгкие цветочные духи. Она молча опустилась рядом с ним на ступеньки, доверчиво прижалась к его боку, положила голову ему на плечо. Деваться было некуда. «Что ж ты со мной делаешь, дурочка?»

– Я не знаю, что мне с этим делать, – прошептала она.

«Я тоже», – мысленно ответил ей Висмут, хоть и понимал, что они о разном. Он попытался осторожно отодвинуться, хоть и двигаться-то было некуда, но Сурьма отчаянно схватилась за его локоть, обвив его обеими руками:

– Не уходи, пожалуйста! Я... я не могу одна с этой тайной. Она меня раздавит.

Висмут остался сидеть, игнорируя все сигналы предупреждающих об опасности семафоров, бешено мигающих в его голове.

– Если я всё расскажу, то прославлюсь как человек, отыскавший правду. Но эта правда навеки ославит мастера Полония...

Он всем телом почувствовал её вздох.

– Секрета создания пластин считай что нет, раз нет уж того метеорита, поэтому денег за это я не получу и семье своей помочь всё равно не смогу. Но сделаю себе имя на том, что разрушу репутацию мастера, раскрыв его тайну, – Сурьма вновь вздохнула, – это бесчестно. Я так не могу. Я слишком уважаю его, чтобы так поступить... Уважала... Но как такое можно скрывать? Ведь получается, он тоже лгал! Висмут, – позвала она спустя некоторое время, – мне нужен твой совет.

– Я не знаю, как тут поступить, Сурьма. Полоний лгал – это на его совести. Он выбрал не те цели и, преследуя их, зашёл слишком далеко. Настолько, что пустил себе пулю в висок, лишь бы сохранить созданную им иллюзию. Однако это его дело и его выбор... *Были бы*, оставь он свои секреты при себе. Но он ими поделился, перевалив свои тайны с больной головы на здоровую.

– Ты бы на его месте промолчал?

– Не всякое знание полезно, Сурьма. Некоторые тайны лучше держать при себе, чтобы не навредить окружающим. И оставаться для них тем, кого они хотят в тебе видеть, к ко-

му привыкли и кем ты им нужен.

– Мастер нужен этому миру гениальным учёным, – прошептала Сурьма. – Скольких он вдохновляет, скольких ещё вдохновит! Наверное, должно быть что-то – кто-то – такого уровня, пусть и недостижимого, к которому будут стремиться. Какой-то ориентир, верно?

Висмут кивнул:

– Верно.

– Я расскажу о «Ртути», – тихо, но неожиданно твёрдо сказала Сурьма, – но умолчу о записях. Ты поддержишь меня в этом?

Она повернула к нему лицо и положила подбородок Висмуту на плечо, вопросительно на него уставившись. От близости её губ по позвоночнику продёргивало электрическими импульсами, а в голове начинало шуметь. Нужно уходить – встать и уйти – немедленно! Она ведь что-то спросила, а он уже даже забыл – что, потому что всё это время мысленно сжимал её в своих объятиях, целовал её упрямые, слегка надменные губы, золотые ресницы и смеющиеся полупрозрачные веснушки – одну за другой, все до единой.

Он гнал эти мысли, всё сильнее хмуря брови, но они металась в его голове, словно залетевшая в комнату птица, и никак не могли – не хотели – найти выход. И он терял нить её рассуждений, чувствуя её близость и волнующее тепло, отвечал невпопад – не про Полония – считая её вдохи, удары её сердца, отдававшиеся в его рёбрах, и крепче смыкал в замок

пальцы, чтобы не допустить даже малейшего касания. Потому что сейчас оно – даже малейшее – сорвёт все защитные пломбы, вырвет из ржавого сердца чеку, и дело кончится бедой. Для него – уж точно. Хотя для него-то оно ею кончилось ещё вчера...

Сурьма ждала ответа, не отводя глаз. Висмут повернулся, и их лица оказались слишком близко – ближе, чем она ожидала. Он посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то тёмное, болезненное, обжигающее, почти звериное, словно из его зрачков смотрел загнанный волк, готовый перемахнуть через красные флажки, наплевав на все запреты, условности и собственные страхи. Волк, готовый оттолкнуться и взлететь, бросив вызов птицам, забыв о том, что у него никогда не было крыльев. И Сурьме показалось, что эти самые крылья – такие недостающие, такие необходимые – рвут кожу на её спине, прорастая откуда-то из недр её души.

– Висмут, – выдохнула она, и сама не заметила, что подавалась ещё чуть-чуть вперёд, хотя ближе было уже некуда.

Он резко отвернулся, отвёл взгляд, уставившись на собственные, сцепленные в замок пальцы. Жилы на предплечьях напряглись, будто он сжал кулаки: злился на себя и досадовал на неё – неужели ничего не понимает? И что она, чёрт возьми, спросила?

– Прости, Сурьма, день был долгим, – Висмут поднялся на ноги, – поговорим об этом завтра. Спокойной ночи.

«Что же ты со мной делаешь...»

И он ушёл, а она так и осталась сидеть на откидной лесенке. Она тоже не расслышала его последнюю фразу, как и он – её, но лишь потому, что поймала его взгляд, и он был гораздо красноречивее слов и совсем не о том, о чём слова.

Сурьму вновь пробил озноб, но уже не тот – зудящий холодом под кожей. Сейчас он походил на стук крупных капель летнего ливня по зонтику. Вот только зонтик был не над её головой, а где-то в области солнечного сплетения. Она зажала ладони между коленями, пытаясь унять дрожь, сделала пару глубоких вдохов.

Сурьма подумала, что, наверное, надоела уже Висмуту со своими драмами. Утомила его. От этой мысли стало ещё горше и тоскливей. Она задумалась: почему? И осознала, что Висмут стал ей очень нужен, необходим, и она сама не заметила, как же так вышло. Без него было и пусто, и холодно даже в такой тёплой летней ночи, как эта.

Она нуждалась в нём настолько, что готова была пойти постучать в дверь его купе, и... и... и... и – что? Попросить его побыть с ней? Просто посидеть рядом, помолчать? Поддержать её озябшие ладони в своих, чтобы она, наконец, перестала дрожать? Как объяснить, что с ним ей даже дышать легче, а уж нести тяжкую Полониеву тайну – и подавно?

Сурьма ещё раз вздохнула – глубоко, насколько хватало лёгких – и прислонилась виском к холодному ребру паровозного вагона.

Глава 24

– Доброе утро! – Сурьма зашла на кухню, но за столом завтракали лишь Празеодим и Рут со своей крысой, нахально опустившей розовый хвост в маслёнку. Висмута не было.

– Доброе, лапушка, доброе! – просиял старикан.

– А где Висмут? Осматривает паровоз?

– Уже осмотрел, лапушка, и даже документы у начальника станции выправил.

– Я что, проспала? – испугалась Сурьма.

– Это он встал в раницу, а выглядит так, будто и не ложился вовсе! Не знаю, может, колено его опять шалит. А ты, лапушка, тоже какая-то невыспавшаяся, – Празеодим сощурил глаза, смотревшие булавочно-остро, – уж извиняй, не принято девушкам такое говорить, но уж как есть, – он развёл руками, – бледненькая совсем.

– Вы, как всегда, господин Празеодим, – поджала губы Сурьма, – и галантны, и тактичны.

– Да не слушайте его, госпожа, – вмешался Рутений, – это дяденька на меня злится, что спор наш проигрывает! Не верил, что я грамоте до приезда в Крезол выучусь, даже если он меня днями напролёт учить будет. А я смышлёный оказался! – Губы мальчишки растянулись в довольной улыбке, а крыса, уловив момент, отхватила кусочек его булки и вновь развернулась к хозяину спиной, сложив хвост в маслёнку.

Празеодим скорчил ядовитую гримасу – передразнил Рута.

– И крысу свою из еды убери, ходит тут по столу грязными лапами!

– Да господин Цезий за утро уже с десятков раз вымылся, какой же он грязный?! – притворно возмутился мальчишка. – И мылся-то весь полностью: от усов до хвоста! А вас, дяденька, я сегодня не мог без драки уши заставить почистить!

– Поговори мне ещё, пустомеля! У самого шея чёрная!

– Так то ж синяки, не грязь, – артистично вытаращил глаза Рут. – Дяденька какой-то посиживает тамова, на шее моей, ножки свесив, вот и отсидел до синяков!

– Ах ты шкет! – Празеодим сверкнул азартным глазом и метнул в мальчишку скомканную салфетку. – Погоди у меня! – пригрозил он, поднимаясь из-за стола.

Мальчишка, сдерживая рвущийся наружу хохот, подхватил свою крысу, которая, даже перехваченная поперёк пуза, продолжала невозмутимо точить кусок булки, и бросился из кухни. Празеодим – за ним, едва не сбив с ног Сурьму.

– Тихонечко, дяденька, – со смехом донеслось до неё уже из купе, – не перенатужьтесь слишком, а то ж вы старенький, а ну как произойдёт чего?

– Я тебе сейчас произойду, паршивец!

Сурьма усмехнулась, взяла себе булочку и пошла в локомотив.

Пока дожидалась Висмута, успела всухомятку позавтракать. И где он, интересно, ходит?

Отряхнула с пальцев сахарную присыпку, полезла в карман за платком, чтобы вытереть губы. Поднеся его к лицу, замерла, вдыхая запах давно подсохшей масляной краски и ветхого бывалого дерева, фонарной копоти и горячей жести. И шпал, пропитанных чёрным смолистым креозотом. Сумасшедший, будоражащий запах, пронизывающий насквозь, до звона в ушах, словно паровозный свисток! Такой знакомый, такой родной...

Это был платок Висмута, который она так и забыла ему вернуть. Сурьма прижала краешек тонкой белоснежной ткани к губам, сделала ещё один глубокий, жадный вдох и, плутовато оглянувшись, спрятала платок обратно в свой карман. Она оставит его себе, раз уж Висмут его не хватился. На память. Как и ту его записку, благодаря которой она сейчас здесь.

Когда Висмут вернулся в будку машиниста, Сурьма заметила, что он вновь прихрамывает.

– Опять колено?

Он бросил на Сурьму быстрый взгляд, и она поняла: Висмут чем-то встревожен.

– Будет гроза, – сказал он, усаживаясь в своё кресло.

– Что? – встрепенулась Сурьма. – Ты получил погодную сводку?

– Моё колено точнее любой сводки.

Сурьма с трудом сглотнула подступивший к горлу ком, уставилась на свои руки, лежащие на панели управления (она разогревала паровоз).

– И... когда?

– В середине дня. Возможно, после обеда. Сурьма, – Висмут повернулся к ней и посмотрел очень серьёзно, – предлагаю переждать её в городе.

– Но... Это же больше половины дневного пути! Мы очень сильно отстанем! Выбьемся из графика и нагнать вряд ли сможем...

– Отстанем. Но здесь тебе будет спокойней.

Сурьма нахмурилась. Висмут знал, как сильно она боится грозы, особенно когда от неё нельзя укрыться в месте более безопасном, чем паровозный вагон, напичканный всякими железяками.

Вообще-то гроза была опасна для любого пробуждающего: из-за особенностей их организма молния в таких людей попадала гораздо чаще, чем в остальных, а выжить после этого им почти никогда не удавалось. Особенно опасно пробуждающим находиться во время грозы на открытой местности вблизи металла – в таких условиях они запросто могли сыграть роль громоотвода, притянув к себе молнию. Вот только...

Сурьма посмотрела напарнику в глаза, вложив в свой взгляд всю решимость, на которую была способна:

– Но ведь пробуждающие на «Почтовых линиях» не пре-

рывают рейс из-за погодных условий, не правда ли? Если случается гроза, по правилам, нужно остановить локомотив, перейти в вагон и держаться подальше от металлических предметов. И нигде не сказано, что нужно пережить возможную грозу полдня в городе, верно?

Висмут вздохнул, но взгляда не отвёл.

– Верно. Но все пробуждающие на «Линиях» – мужчины, – сказал – и тут же пожалел об этом, мысленно обругав себя последними словами.

Сурьма, конечно, поймёт сказанное по-своему и будет права: ляпнул-то он и правда совсем не то, что хотел.

– И что? – тут же вскинулась Сурьма. – Раз я девушка, значит, априори трусиха? – Она изогнула бровь и с вызовом вздёрнула подбородок.

Всё, теперь уговаривать точно бесполезно! Висмут ещё раз мысленно обозвал себя крепким словом. И мысленно же добавил: «Просто ты для меня дороже всех остальных пробуждающих, маршрутов и графиков вместе взятых, дурочка».

– Ты ошибаешься насчёт меня, – усмехнулась Сурьма, – я не изнеженная барышня, не расстающаяся с нюхательными солями! Я – дипломированная пробуждающая и буду работать по уставу железнодорожных служащих! – Она серьёзно сдвинула брови, чтобы Висмут не заметил и тени подобравшегося к её горлу страха. – Не-зверь готов. Я – тоже. А ты?

Висмут ещё пару секунд сверлил её задумчивым взгля-

дом, но потом кивнул и, дав гудок отправления, потянул ручку крана машиниста, отпуская тормоза.

– Интересно, – сменила тему Сурьма, – а что стало с Ванничкой после... после смерти мастера Полония? Как он был без него, бедный? Долго ли прожил? Чем занимался?

– Боюсь, этого мы уже не узнаем, – отозвался Висмут. – Даже если предположить, что мастер взял его в помощники, когда Ванадий был ещё ребёнком, сейчас ему всё равно было бы уже больше ста лет, так что, думаю, умер он уже давно. И, храня тайну мастера, вряд ли оставил после себя какой-то след. Скорее всего, он доживал свой век как можно незаметнее, чтобы случайно не разоблачить легенду Полония.

– Наверно, ты прав, – помолчав, ответила Сурьма. – Тогда мы тем более не должны открывать секрет мастера всему миру. Иначе все жертвы и старания Ванадия будут напрасны.

Насчёт грозы Висмут также оказался прав: к обеду всё небо заволокло пепельно-синим покрывалом, а чуть погодя оно начало клубиться и кипеть, сбиваясь в пугающие громады грозовых туч.

– Останавливаемся, – сказал Висмут, – гроза уже совсем близко.

Остановив паровоз, они спустились из будки машиниста. Раскинувшееся вокруг поле, поросшее пушистыми метёлочками каких-то злаков, волновалось под налетающими упру-

гим боком порывами ветра. Золотистые метёлочки стелились к земле под опускающимся всё ниже небом, и по ним, словно по большой воде, волнами прокатывалась зыбь.

Сурьма, пока шла к вагону, окинула беспомощным взглядом золотистую бесконечность, потускневшую под нависающими над нею тучами, плотными и какими-то торжественными, словно праздничный черничный пудинг. Вокруг, сколько хватало глаз, ни одного деревца, способного отвести молнию от госпожи пробуждающей, вздумай гроза пройти совсем уж близко от паровоза.

Висмут этот взгляд заметил и растолковал его верно. Хотел сказать, что в людей (даже в пробуждающих) молния попадает не так уж и часто, но решил не поднимать эту тему: Сурьме страшно, лучше чем-то её отвлечь. Вот только чем?

Первая молния сверкнула в густом ворохе туч в тот момент, когда Сурьма забиралась в вагон по откидной лесенке. Она вздрогнула и моментально отпустила железные поручни, хотя, если вдруг что, то это едва ли помогло бы – лесенка, на которой она стояла, тоже была железной. Однако равновесие из-за этого Сурьма потеряла и упала бы назад, не подхвати её Висмут.

За молнией последовал раскат грома – будто кто-то разорвал над головой огромный лоскут плотной ткани – и Висмут почувствовал, как Сурьма сжалась в его руках. Он поднялся в вагон и поставил её на пол, закрыл дверь. Из-за туч было темно, словно ночью, керосиновый фонарь в коридоре был

погашен, поэтому Висмут не мог разобрать лица Сурьмы – видел лишь блеск её глаз, но то, как она дрожит, чувствовал даже стоя в шаге от неё. Она кивнула ему в благодарность и отвернулась, завозившись с замком. Открыв дверь своего купе, замерла на пороге в растерянности.

Висмут смотрел ей в спину и знал, что возненавидит себя за то, что сейчас скажет, потому что её согласие очень усложнит его положение. Сделает ещё больнее. Но он всё-таки сказал:

– Я могу побыть с тобой, если хочешь. Если тебе так будет... спокойнее.

– Я... справлюсь, – неуверенно ответила Сурьма, не оборачиваясь на него.

– Я буду на кухне, если понадобится.

Сурьма притворила дверь купе, но не закрыла её, оставив узкую щель, и с кухни Висмут видел, что свет она зажигать не стала. Он тоже остался в темноте, усевшись так, чтобы не терять из виду коридор и дверную щель.

Празеодим и Рут были в его купе – оттуда доносился монотонный растянутый бубнёж, изредка прерываемый тихими возгласами, из-под двери сочился мягкий свет. Видимо, мальчик читал вслух, а старик время от времени его поправлял.

Дождя ещё не было, и если бы не звуки из купе Празеоди-ма, мир погрузился бы в густую, гудящую на низких частотах тишину. На улице вновь сверкнуло, а потом грохнуло, и Вис-

мут даже с кухни почувствовал, как вздрогнула Сурьма. От чего-то он точно знал, что она сейчас сидит на полу, прислонившись спиной к кровати, подтянув колени к груди. И ей сейчас очень страшно. Возможно, она уже пожалела о своём решении не переждать грозу в городе.

В груди болезненно заняла холодная, одинокая пустота. Такая, бывает, остаётся, как дырка от выбитого зуба, если ампутировано что-то важное, и место это ничем иным занять невозможно; оно так и стоит выжженной плешью посреди души, и болит перед непогодой.

«Надо же, как глубоко успело прорасти, – краешком сознания удивился Висмут, – и как я упустил?..»

Чернильно-чёрное время тянулось лениво, неохотно, его движение было практически незаметно – так капает с ложки последняя капля густого мёда: вот она назрела уже и готова сорваться, но всё висит и висит, и непонятно – может, она успела застыть, словно смола?

Вновь сверкнуло, а от громового раската вздрогнул даже Висмут.

К чёрту! Пусть он потом – полминуты спустя – сотню раз об этом пожалеет, но... К чёрту!

Висмут поднялся со стула и подошёл к приоткрытой двери купе, легонько в неё постучал.

Сурьма сидела так, как он и думал: на полу у кровати, обхватив колени. В темноте отчётливо виднелось её побледневшее лицо и лихорадочный блеск глаз, которые сверкнули

как-то обиженно, когда Висмут сел рядом, плечом к плечу.

– Думаешь, я настолько трусиха, что не смогу перетерпеть эту грозу *самостоятельно*?

– Ты сможешь. Я – нет.

Висмут почувствовал, как она улыбнулась ему в ответ неуверенной, ломкой, но благодарной улыбкой.

До следующей вспышки молнии они молчали, будто делали вид, что находятся в разных купе. Но стоило только небесам сверкнуть ослепительным электричеством, Сурьма неосознанно прижалась к руке Висмута, и он обнял её за плечи, словно укрыл крылом. А после громого раската на крышу вагона обрушился ливень, и нервно вздёргнутые плечи Сурьмы чуть опустились, расслабились.

– Папа всегда говорил, что раз дождь пошёл, то и гроза скоро пройдёт, – прошептала она, и улыбка в голосе была уже не такой ломкой, – а когда без дождя сверкает, оно куда дольше может... Знаешь, а ведь мы с Никелем тоже вот так сидели во время грозы: я боялась, а он... он тоже боялся, но храбрился. Меня утешал и иногда – смешил. Вот точно так же сидели: на полу, у кровати, одна его рука на моих плечах, как твоя сейчас, а другая... – Она взяла Висмута за руку, и он крепко сжал в своей ладони её дрожащие пальцы. – У меня всегда мёрзнут руки, когда мне страшно, и он грел их своим дыханием...

В тёмном и душном купе пьяняще пахло её духами, а шум ливня отрезал их двоих от остального мира, от всех правил

и условностей, словно кусочек от пирога, и Висмут был уже не в состоянии ни трезво мыслить, ни даже дать себе отчёт в своих же действиях.

Глядя Сурьме в глаза, он поднёс её руку к губам, согревая дыханием, медленно целуя кончики её пальцев. Но поцелуи были столь легки, что Сурьма не смогла бы сказать точно, что это: прикосновение губ или тёплого дыхания. Она смотрела на Висмута, и хрупкая улыбка становилась совсем прозрачной, почти незаметной. От кончиков пальцев по рукам, по венам, словно по проводам, текло электричество.

– Вот точно так же сидели, – зачем-то повторила Сурьма и не узнала собственный голос, – только Никель боялся, а ты – нет...

– Я тоже боюсь, – едва слышно ответил Висмут, не отводя взгляда, не отпуская её руки, и Сурьме почему-то показалось, что он сейчас не о грозе.

От его голоса, который стал иным, каким-то особенным, электричество разом заполнило все провода её тела, словно внутри на полную мощность включили иллюминацию. Так, что заглянуть в себя страшно: ослепнешь. Поэтому Сурьма продолжала смотреть в карие, в темноте вагона почти чёрные глаза Висмута и забывала дышать.

Он прикоснулся губами к её ладони, прижал её к своей щеке. Пальцы Сурьмы покалывало – то ли электричество, то ли пробивающаяся щетина Висмута.

Она почувствовала, как под её рукой вдруг напряглись его

желваки, словно Висмут сжал челюсти. А потом он вздохнул с едва заметной досадой и отвёл взгляд, опустил её руку, бережно положив её обратно ей на колени. Как будто, не сделай он этого, сама она не убрала бы ладонь с его щеки. «И не убрала бы», – уходящей грозой пророкотало почти за гранью её осознания.

Сурьма вдохнула – кажется, первый раз за всё это время. Её лёгкие будто слиплись без воздуха, и теперь наполнились им с какой-то тоскливой болью. Через мгновение эта боль трансформировалась в мысль, от которой стало ещё тоскливее: «как жаль, что Астат не похож на тебя! Как жаль, что он – не ты...».

– Дождь заканчивается, – тихо, чуть сипло произнёс Висмут, прислушавшись к шороху капель по крыше вагона.

– Досадно, – прошептала в ответ Сурьма.

Когда-то она слышала сказку о том, что молния – это трещина между мирами, и, если повезёт, можно научиться проскальзывать во время грозы в параллельный мир. Но вот вернуться назад сможет не всякий. Они – вернулись. К сожалению.

Глава 25

– Семиминутное опоздание, – сверившись с карманными часами, сказал Висмут, когда они прибыли на вокзал Этена. – Ты молодец, Сурьма. Мы практически нагнали отставание из-за простоя. Спасибо тебе.

– Молодец не только я, – довольно усмехнулась Сурьма, снимая перчатки и выключая резонатор, – одна бы я не справилась. Мы отличная команда, Висмут! – Закрыв ПЭР, она поднялась со своего кресла и подошла к Висмуту, ждавшему её у дверей. – Мне ещё ни с кем не было так легко, – сказала, понизив голос, – и я сейчас не только о работе. Так что это тебе спасибо. И за поддержку, и за то, что выслушиваешь меня, и... за всё, в общем. – Её губы тронула робкая улыбка, а взгляд уткнулся в мыски собственных ботинок. – Знаешь, я даже рада, что Никель сбежал... Нет, я, конечно, до сих пор зла на него: он меня бросил, как он мог?! Но не сделай он этого, мы с тобой не познакомились бы. Я рада, что знаю тебя, Висмут. – Она вновь посмотрела ему в глаза, и её ладонь легла на его запястье. – Хоть мне всё ещё немного стыдно за себя прежнюю, за то, *как* началось наше знакомство... Но хорошо, что оно всё-таки состоялось.

Висмута не отпускало ощущение, что Сурьма набирается смелости что-то ему сказать. Что-то, что говорить не следовало бы. Поэтому он деликатно высвободил свою руку из-

под её пальцев и открыл дверь будки машиниста.

– Пойдём? Сдадим документы и ещё успеем где-нибудь поужинать.

– Может, снова сходим в то место? – спросила Сурьма. – Ну, с огненным представлением. Обещаю, что пить ничего не буду! Ни капельки! – рассмеялась она, поймав шуточно-недоверчивый взгляд напарника.

И они вновь пошли в тот кабаk под открытым небом, и Сурьма опять заказала рёбрышки в малиновом варенье, и хлопала жонглёрам, и кричала что-то восторженное вместе с остальными зрителями, когда артисты выполняли особенно сложный трюк, и обменивалась улыбчивыми взглядами с сидящим рядом Висмутом, и была счастлива. А поздним вечером, когда они возвращались к поезду, в груди словно протянуло сквознячком: этот вечер закончился и вряд ли когда-нибудь повторится.

– Жаль, что нельзя выбрать какое-то мгновение и провести в нём всю оставшуюся жизнь, – вздохнула Сурьма.

– И тебе не надоело бы бесконечно переживать одно и то же?

– Некоторые вещи не могут надоест. Например, счастье.

– Но ощущения могут притупиться, потерять свою остроту и свежесть, – возразил Висмут.

Сурьма задумчиво нахмурилась.

– И всё равно жаль, что нельзя выбрать какой-то конкретный момент и хотя бы изредка попадать в него, переживая

заново, – ответила она.

– Мы не можем выбрать момент, в котором жить, но мы можем выбрать, как жить в тот момент, который у нас есть, – сказал Висмут будто не Сурьме даже, а самому себе, – и может быть, наш выбор сможет приблизить имеющийся момент к желаемому. Если только у нас достанет смелости этот выбор сделать...

Они вошли в вагон и остановились в коридоре. Из кухни доносилось тихое посапывание Рутения, а из купе Висмута – вкрадчивый храп Празеодима.

– Спасибо тебе, Висмут, – прошептала Сурьма совсем тихо, почти одними губами, чтобы никого не разбудить, – это был чудесный вечер.

Он улыбнулся в ответ – немного печально, как показалось Сурьме. В неярком, приглушённом до минимума сливочно-жёлтом свете керосинового фонаря не видно было обычных лучиков-морщинок в уголках его глаз, да и самих глаз в тени ресниц тоже почти не видно.

– Я тоже рад, что знаю тебя, Сурьма.

Её взгляд опустился на его губы, и непрошеное, почти преступное любопытство прошло её мысли, словно спущенная с тетивы стрела: «Наверняка его поцелуй совсем не похож на поцелуй Астата! Интересно, какой же он на вкус?»

Сурьма вздрогнула всем телом и быстро отвела взгляд.

– Спокойной ночи, – сказал ей Висмут, и она вновь против

воли глянула на его губы.

– Добрых снов! – Сурьма улыбнулась натянуто и торопливо, а потом быстро скрылась в своём купе.

Закрыв дверь, она прижалась к ней спиной и несколько раз вдохнула как можно глубже и медленней.

«И всё-таки жаль, что *тогда* так и не узнала, какой же...»

Сурьма тряхнула головой, прогоняя из неё ехидный головочек, – так резко, что стукнулась затылком о дверь.

«И поделом! Меньше всяких глупостей надо думать!» – пожурила она сама себя, потирая ушибленное место.

«И всё-таки – какой на вкус?...»

День был пасмурным и прохладным, но дышалось гораздо легче, чем всю предыдущую дорогу, и на Сурьму напала разговорчивость. Она щебетала без умолку, и Висмут, который был сегодня задумчивей обычного, слушал её вполуха, а иногда и не слушал вовсе, погружаясь в свои невесёлые размышления.

– Висмут! – требовательно окликнула его Сурьма, и он понял, что вновь потерял нить разговора и, видимо, пропустил какой-то вопрос. – Да что с тобой? Опять колено?

– Нет.

– Тогда отчего такой вид?

– Какой?

– Как будто ты пятизначные числа в уме перемножаешь.

Я тебя утомила?

– Нет, Сурьма, нет, – как можно мягче улыбнулся он. – Прости, я отвлёкся.

– У тебя точно всё в порядке?

– Да.

– А куда ты второй день подряд пропадаешь перед выездом?

– Я... Мне нужно было отправить телеграмму с привокальной почты.

– Висмут, – Сурьма серьёзно сдвинула брови, – мы с тобой друзья. Ты же знаешь, что можешь сказать мне всё что угодно? Если тебя, например, что-то гнетёт или тревожит. Может, помочь я буду и не в силах, но выслушать смогу всегда. Иногда это необходимо: с кем-то поделиться. Некоторые вещи держать в себе просто опасно!

Висмут бросил на неё внимательный взгляд. «А что, если... рассказать?» – заточенным лезвием мелькнуло у него в голове, но Висмут безотлагательно изгнал эту мысль, даже приглядываться к ней не стал. Некоторые тайны лучше держать при себе, не перекладывать их с больной головы на здоровую, как это сделал мастер Полоний.

Но оставаться для Сурьмы тем, кого она хочет в нём видеть, к кому привыкла и кем он ей нужен, он тоже больше не может. «Нужно потерпеть ещё два дня. Ещё два мучительных дня этой поездки, и всё закончится. То, что и начинаться-то не должно было...»

Прибыв в Фениламин, Сурьма твёрдо вознамерилась прогуляться по вечернему городу, в который в прошлый приезд выйти не удалось. Висмут отговаривать не стал. Он сдал все необходимые документы, осмотрел паровоз, переоделся и теперь ждал, прогуливаясь возле вагона, пока Сурьма наведёт марафет. Непроизвольно замер, едва ли не раскрыв рот, когда она, лучащаяся счастливой улыбкой, вышла на перрон в том самом васильковом платье с белым корсетом. Воспоминания нахлынули, подступили к самому горлу, закупорив гортань, на мгновение лишив и воздуха, и голоса.

– Я готова! – радостно сообщила Сурьма. – Что? – нахмурилась, неверно истолковав замешательство напарника. – Ах да! Эти дурацкие веснушки... Я совсем забыла! – озарило Сурьму. – Сейчас всё исправим! – сказала она, вытаскивая из сумочки серебряную пудреницу.

– Не надо. – Висмут уверенно, но мягко перехватил за запястье её руку с пуховкой.

– Но почему? – удивилась Сурьма. – Веснушки чрезмерно простят.

– Кто тебе такое сказал?

– Астат.

В глазах Висмута промелькнула неясная тень досады и враждебности.

– Он ошибся, – в голосе послышалась граничащая с пре-

зрением прохладца, и предназначалась она не Сурьме, – они тебе очень идут.

– Ты так считаешь? – без доли кокетства обрадовалась Сурьма.

– Я в этом уверен.

Тихонько клацнула закрывшаяся серебряная пудреница.

– Тебе правда нравятся? Разве их не слишком много?

Висмут улыбнулся:

– Правда нравятся. Все вместе и каждая в отдельности.

Ни одна не лишняя.

Сурьма заливисто рассмеялась и взяла Висмута под руку:

– Пойдём?

«Ты мне вся нравишься, дурочка, от макушки и до пяток.

Ты мне слишком сильно нравишься! Настолько, что быть рядом с тобой невыносимо больно, особенно когда ты так близко, как сейчас, когда ты прикасаешься ко мне... Но если бы я мог заморозить эти мгновения, оставшись в них навсегда!..»

– Сурьма? – крикнули за спиной. – Сурьма!!!

Они обернулись одновременно.

– Никель! – воскликнула Сурьма и бросилась на шею молодому человеку в жилете технеция. – Как ты тут оказался?!

– Я здесь работаю! А ты?

– Я тоже! – и она радостно расхохоталась. – Не на вокзале, конечно, но – проездом по работе!

Пока эти двое обменивались краткими, переполненными восторгом репликами, Висмут разглядывал Никеля. Внеш-

не юноша не слишком-то походил на сестру: он был долго-вяз – выше её на голову, лицо более вытянутое, подбородок острее, все краски – от волос до глаз и веснушек – бледнее, чем у Сурьмы. Но поведением они были очень похожи: своими импульсивными жестами, эмоциональной мимикой, смехом...

– Это мой новый напарник Висмут! – Его имя, произнесённое Сурьмой, и её прикосновение к его руке, выдернуло Висмута из задумчивых наблюдений. – Висмут – это мой брат, Никель!

Никель пожал Висмуту руку, и пронизательные, с лисьей хитринкой, светло-голубые глаза прощупали нового знакомого не хуже охраны на главном дивинильском вокзале. Висмуту показалось, что парень за эти пару секунд успел что-то заметить и сделать какие-то выводы. Потом Никель перевёл всё такой же инспектирующий взгляд на сестру и лукаво прищурился.

– Я закончил на сегодня. А вы здесь на ночь, верно? Предлагаю поужинать.

– Ты зовёшь в гости? – обрадовалась Сурьма.

– Я угощу вас ужином в отличном кабаке. Видишь ли, моя жена слегка недомогает, поэтому ложится пораньше, не хотелось бы её беспокоить.

– Она больна? – насторожилась Сурьма.

– Н-н-нет, – замялся Никель, и щёки его заалели румянцем. – Это... видишь ли... временное недомогание.

Сурьма секунду поразмыслила, буравя брата пристальным взглядом, но тот больше ничего не сказал, лишь приподнял бровь и уголок рта. Однако сестра его поняла.

– У меня будет племянник?!

– Или племянница.

– Вот здорово!

– Только мами не говори пока, пожалуйста! – попросил

Никель

– О, я – могила! Как бы тяжело это ни было! Но мне-то ты мог бы весточку прислать! На адрес мастерских, если боязно, что мами вскроет почту.

– Ладно, не дуйся, я тебе сейчас всё-всё расскажу, идёт? И чернила тратить не придётся – посмеялся Никель. – Ну что, пойдёмте ужинать?

– Вы идите, – кивнул Висмут, – я поужинаю в вагоне. Вам двоим есть о чём поговорить.

Никель бросил на него благодарный взгляд – он явно хотел пообщаться с сестрой без посторонних.

– Я верну Сурьму не позже одиннадцати, – пообещал он. – На котором пути ваш паровоз?

Близнецы устроились у окошка в тихом уголке харчевни и так заговорились, что даже забыли позвать человека, чтобы заказать ужин. В результате, выждав больше часа, к ним подошёл сам хозяин и вежливо уточнил, не желают ли

они чего-нибудь откусать или хотя бы испить, потому как если не желают, то, увы, долее им здесь оставаться не следует.

За окном стемнело, но до одиннадцати было ещё достаточно времени, а уж предметов для разговора – и подавно.

Никель с удовольствием слушал сестру, доедая свою порцию тушёной картошки с мясом и пряными травами, и в свете керосинового светильника, стоящего между ними в центре стола, его глаза сверкали всё лукавее.

– Я смотрю, всё-таки нашёлся тот, кто превратил твоё сердце в бокал игристого, да? – многозначительно подмигнул он, когда Сурьма закончила очередную историю. – И это – не Астат, кто бы мог подумать!

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Сурьма.

– Помнишь тот наш разговор? Ты спрашивала...

– Это я помню, – перебила Сурьма, – но не понимаю, к чему ты об этом сейчас?

– Ну как же? Я только и слышу: «Висмут то, Висмут это...». Раньше моя сестричка с таким воодушевлением могла болтать только о паровозах! Ну или о мастере Полонии. А сейчас вот – о новом напарнике. Но уже не как о Полонии – фигуре почти мифической, а как о мужчине – реальном, земном и... близком, – улыбнулся Никель.

– Да ты бредишь, – разом посмурнев, глянула на него Сурьма. – Я рассказываю тебе о работе, потому как всё самое интересное именно там, а дома ничего нового не проис-

ходит. Ты же слышишь что-то своё.

– Это ты «слышишь что-то своё», что тебе удобнее, – парировал Никель, – а я замечаю все эти переливы в твоём голосе и как сбивается дыхание, когда произносишь его имя. И как ты на напарника своего смотрела, я тоже заметил. И уж было подумал – Астату дала отставку, но вижу, что и не собираешься...

– Конечно, не собираюсь! Как можно? Да и с чего бы?!

– С того, что ты его не любишь. Даже нет: с того, что ты любишь другого.

– Ты чего несёшь?! – возмутилась Сурьма. – Что ты там себе напридумывал? Переливы какие-то, *пузырьки*! – В её голосе настолько отчётливо послышались нотки госпожи Кельсии, что у Никеля аж волоски на задней стороне шеи зашевелились.

– Да тут и придумывать не надо, – пожал он плечами, – эти *пузырьки* у тебя едва ли не из глаз сыплются, когда ты на него смотришь! У него, кстати, тоже.

– Ты несёшь чушь! – фыркнула Сурьма. – Мы друзья – и только!

В ответ брат лишь хохотнул, собирая кусочком горбушки подливку со дна круглобокой миски.

– Тебе *всё показалось*, – с нажимом произнесла Сурьма, но в её нарочито-пренебрежительном тоне промелькнули нотки паники, а взгляд потемнел, словно окна занавесили непроницаемыми для света портьерами.

– Ты, Сурьминушка, сейчас как в детстве: уткнулась лицом в подушку и думаешь, что хорошо спряталась, раз тебе самой ничего не видно. Но как бы крепко ты ни зажмурилась, исчезнуть не получится. Как не получится и аннулировать что-то, лишь упрямо этого не замечая или называя другим именем. – Никель отодвинул свою опустевшую миску в сторону и, облокотившись на стол, уставился поверх светильника на сестру. – Он не друг тебе, Сурьма. Ты и сама это чувствуешь. Ну скажи: вот те самые пузырьки – они есть, когда он рядом? Когда ваши взгляды встречаются, руки соприкасаются. Ну?

Отблески пламени плясали в темноте её глаз, смотрящих из-под полуопущенных ресниц остро, обвиняюще и беспомощно, как смотрит пойманный за шкурку котёнок, упрямо вцепившийся в утащенный со стола кусочек.

– Не то слово, – наконец едва слышно прошептала она. – Но, – голос стал громче, а взгляд потеплел, словно она обнаружила лазейку из своей ловушки, – с чего ты взял, что это именно любовь? И не смотри на меня так, будто я перепутала пьезоэлектрический резонатор с фонографической машинкой!

– Примерно это ты и сделала, – спокойно ответил Никель. – Я понимаю: когда всё впервые – разобраться сложно. Но то, что с тобой сейчас происходит – это любовь, уж поверь. А никак не какое-нибудь несварение.

Сурьма уткнулась взглядом в свою недоеденную и уже

остывшую порцию.

– Разорви помолвку, сестричка, – Никель протянул руку через стол и ласково сжал ладонь Сурьмы, – Астат не сделает тебя счастливой!

– Я не могу, – прошептала она одними губами, – у нас долги... Мама никогда не смирится... Все узнают о наших проблемах... Да и что люди скажут, если...

– Не людям жить твою жизнь, Сурьма! – перебил её Никель. – Значит, не им и решать.

Они замолчали и минуту сидели в тишине. Никель не сводил глаз с сестры, а она, наоборот, не поднимала на него взгляда, но и руки не забирала.

– Это договор отцов, а не твоё обещание, – продолжил Никель. – А чтобы раздать долги, родителям достаточно продать особняк и купить дом поменьше, в районе попроще. Поговори с отцом. Я уверен, он поймёт. Ведь твоё счастье гораздо дороже любого дома!

– А если не поймёт? – всё так же тихо спросила Сурьма у своей тарелки.

– Ну тогда... тогда... Да что бы он там ни ответил, как бы ни отреагировал – это твоя жизнь, Сурьма! Неужели ты готова сломать её в угоду чьему-то мнению? По чужой указке? Борись, сестричка! Если уж и совершать ошибки, так свои собственные! Я на твоей стороне и всегда готов поддержать!

Сурьма поджала губы, высвободила свои пальцы из ладони брата.

– Хорошо же ты меня поддерживал эти месяцы! – В голосе прозвенела обида. – Сначала сбежал, бросив меня, а теперь окончательно выбиваешь землю из-под ног, рушишь привычный мне мир и отбираешь нелепыми домыслами того, кто занял твоё место!

– Я никого у тебя не отбираю, Сурьма! Наоборот! Прости, что я сбежал, ничего тебе не сказав, но так было нужно. Думаешь, мне легко далось решение всё бросить и начать новую жизнь, в которой неизвестно, что ждёт? Но посмотри, у меня всё прекрасно! Я пошёл за своим сердцем и не прогадал!

– Но я не ты! – срывающимся голосом выкрикнула Сурьма, так стукнув ладонью по столу, что подпрыгнула вилка. – Я не могу так запросто послать всё к чертям: дом, родителей, свои обещания, свой... *долг!*

– Да о каком таком *долге* ты всё толкуешь, сестричка?!

– Да о том, на который наплевал *ты*, и который теперь всей своей тяжестью лежит на моих плечах! – Сурьма крикнула так иступлённо, что на них обернулись сидящие за другими столами гости. – Ты не думал, что теперь, после твоих *поступков*, от меня будут ждать ещё больше, чем до этого?! Я словно бы должна теперь не только оправдать ожидания, но и в два раза превзойти их: за себя и за тебя! – Она вскочила из-за стола, отшвырнув от себя салфетку. – И если ты смог послать всё к чертям, скинуть с плеч свою *ответственность*, то знай: её взвалили на меня, и меня она

накрепко придавила к земле – просто так не стряхнёшь! Подумай об этом в следующий раз, когда будешь подначивать веселее бежать в горку того, кто тащит за тебя твою ношу в дополнение к своей! – Сурьма развернулась и быстрым шагом направилась к выходу.

– Не моя ноша придавила тебя к земле, – крикнул ей вслед Никель, – а твой собственный страх и желание *соответствовать!*

Сурьма вернулась в поезд и, ни слова не сказав Висмуту, заперлась в своём купе. Плюхнулась на кровать, поставила локти на колени и положила подбородок на сплетённые пальцы. Она была жутко зла на Никеля. «Как у него всё просто! – думала она. – Любишь того, не любишь этого... Делай так-то, наплюй на всё... Но что он вообще может знать? Висмута видел не дольше минуты! Меня не видел несколько месяцев! Я сама уже ничего не понимаю, а у него всё просто!»

Сурьма соскочила с кровати и прошлась по купе, нервно заламывая пальцы.

Он наверняка всё придумал! Затем, видимо, чтобы не быть единственным в семье, пренебрегшим родительской волей. Не быть белой вороной. Он с самого детства не упускал возможности втянуть её в свои шалости, хоть и знал, что ей, если они попадутся, достанется больше – она же девочка, а с девочками нужно поостроже.

«Ничуть не повзрослел, ни капельки!» – вздохнула Сурь-

ма, но легче от этого вздоха не стало: грудь по-прежнему сжимала непонятная тревога.

Глава 26

Спала Сурьма плохо. Снились какие-то лабиринты, которые очень напоминали их с Астатом любимое место для прогулок, только все листья были жёлтые да красные, и Сурьма никак не могла найти выход. Она петляла незнакомыми тропинками, натыкалась на тупиковые дорожки, по сто раз обходила все маршруты, но выхода не было. Она кричала и звала на помощь, но никто не отозвался. Она пыталась взобраться по ветвям наверх, чтобы перелезть через эту живую изгородь, но каждый раз срывалась.

А потом на одной из дорожек нашла коробку, открыла её. В ней обнаружила звуковые цилиндры, но все они отчего-то были разного размера и вложены друг в друга хитрым образом. Сурьма вытащила их, а когда поняла, что это те самые – с Полониевой тайной – захотела спрятать на место, чтобы не слушать, не знать того, что на них записано. Но цилиндриков было великое множество, в коробку россыпью они не помещались, а уложить их друг в дружку, как было прежде, у Сурьмы не получалось.

И тут цилиндры начали звучать – говорить без всякой фонографической машинки, но голосом не мастера Полония, а Никеля. Они звучали всё громче и громче, и Сурьма изо всех сил старалась не слушать их. Для этого она начала петь какие-то незамысловатые песенки, но постоянно сбивалась,

и цилиндры никак не укладывались по местам, крича всё громче и царапая ей руки острыми краями, и Сурьма кричала тоже, и бессильные слёзы катились по её щекам...

Разбудил Сурьму стук в дверь.

– Госпожа! – позвал из коридора Рутений. – Госпожа, у вас всё ладом? Вы кричите... Кажись, во сне что привиделось?

Сурьма вынырнула из душевых, липнущих к лицу, словно паутина, объятий кошмара и часто заморгала. За окном уже было светло, откуда-то с улицы доносилось постукивание молоточка по колёсным гайкам – видимо, Висмут проверял паровоз перед отправлением.

– Госпожа? – вновь позвал из коридора Рутений.

– Всё хорошо, Рут, – отозвалась Сурьма, – кошмар приснился. Спасибо, что разбудил.

Она привела себя в порядок и вышла. Завтракать пришлось в одиночестве – все остальные уже поели. Но это и хорошо – есть возможность поразмышлять.

Сурьма вновь вспомнила вчерашний разговор с братом. «Ну что за бред! такого просто не может быть! Чтобы и Висмут тоже... – она не решилась даже подумать то слово, которое вертелось на языке, и спешно оборвала мысль. – Такого просто не может быть!» – повторила Сурьма, но ожидаемого эффекта не последовало: на душе по-прежнему было тоскливо.

Прячься – не прячься, а ведь Астата она и впрямь не любит, и брак их будет сплошным притворством. Но притвор-

ством необходимым.

Есть вещи, изменить которые не хватит ни сил, ни возможностей. Стоит ли тогда говорить об этих изменениях, лишь больше растравляя себе душу?

Она сделает то, что должна: сдержит своё слово и выйдет за Астата. Сохранит тайну Полония. Смирится с тем, что никогда не станет пробуждающей на почтовом маршруте. Она выполнит всё, что требует от неё *общество* и его *правила*. Она уже достаточно взрослая, чтобы «держатъ лицо». Даже тогда, когда хочется кричать и лезть через изгородь. И поверить Никелю. Но Сурьма всегда была сознательнее брата. Она справится. Вот только ей нужна помощь...

В последний из получасовых перерывов от Фениламина до Метаналья Сурьма вышла из будки машиниста, а потом вернулась с матерчатым мешочком, в котором позвякивали друг о дружку звуковые цилиндры, найденные на «Ртути».

– Я вот что подумала: раз уж мы решили никому не рассказывать о метеорите, то, может быть, стоит избавиться от... – Сурьма замялась, подыскивая подходящее слово.

– От правды? – подсказал Висмут, поднимаясь со своего кресла.

Она чуть заметно поморщилась:

– Скорее – от тайны.

– Тайна-то как раз останется.

– Да, но... *Такая* правда больше навредит, чем поможет. Ничего ведь не исправить. Новых пластин не сделать. Останется только думать и сожалеть. Так уж лучше и не знать, что бы не думалось!

– Как скажешь, – согласился Висмут, протянув руку за мешочком, – давай закопаем их здесь, посреди поля. До пригорода Метаналья ещё далеко, здесь никто не увидит и не найдёт.

Сурьма улыбнулась, и улыбка вышла грустной, но мешочек с цилиндрами не отдала: убрала руки за спину, качнулась с пятки на носок.

– У меня есть к тебе ещё одна большая просьба, Висмут. Гораздо больше этой.

Что-то в её тоне, в её взгляде заставило сердце Висмута болезненно сжаться. Какое-то предчувствие того, что просьба эта важна для неё, но выполнить её он не сможет.

– Я знаю, что для тебя это, возможно, будет не слишком приятно, – продолжила Сурьма, и речь её была гораздо медленнее обычного, словно она говорила на незнакомом языке, ощупью подбирая слова, осторожно пробуя каждое на вкус, – не слишком приятно после той встречи в городе, но... Висмут, – она бросила ходить кругами и, зажмурившись, перешла к самой сути, словно в прорубь прыгнула: – ты же придёшь на мою свадьбу? Астату это вряд ли понравится, но мне очень нужно, чтобы ты пришёл, чтобы был рядом. Потому что... потому что... потому что, мне кажется, одна я с этим

делом не справлюсь. Как не справилась бы и с этой тайной. – Криво усмехнувшись, она тряхнула мешочком.

Сурьма опустила глаза и не видела, как Висмут стиснул челюсти после её просьбы, как потемнел его взгляд, поэтому продолжала:

– Мне нужен кто-то, кто знает меня, именно меня, а не ту *Сурьму По Правилам*, которой гордится мами и которую одобряет *общество*. И этот кто-то – ты, мой единственный друг...

– Я не могу, Сурьма, – глухо прервал её Висмут, и она подняла на него глаза.

– Не можешь прийти на свадьбу? – шёпотом, вышитым призывком невидимых слёз, переспросила Сурьма.

– Не могу быть тебе другом.

– Но... почему?

«Она не понимает. Она действительно ничего не понимает! – мелькнуло в голове Висмута. – Эта свадьба, этот Астат уже давно стали для неё неизбежностью, и она не может, не желает думать как-то иначе, смотреть в *непривычную* сторону, ведь тогда, может статься, придётся делать выбор *самостоятельно*».

– Потому что... Я не железный, Сурьма. И не такой старый, как тебе кажется.

– Мне вовсе не...

– Я *не хочу* быть тебе *просто другом*. У меня не хватит на это сил. Прости.

Она моргнула так, словно пыталась избавиться от наваждения, переключить этого слишком хмурого, слишком серьёзного, какого-то жёсткого, непривычного, неправильно-Висмута-мужчину на прежнего – понимающего и мягкого Висмута-друга. Но он не переключался. К её горлу подобралась ледяная рука и всё крепче и крепче сжимала его изнутри.

Висмут говорил что-то лишнее, неуместное, *пугающее*. Поэтому Сурьма старалась слушать его, как сторонний шум, не вдумываясь в смысл сказанных им слов, хоть этот смысл уже и подступил к ней вплотную, и не замечать его было невозможно. Он был везде, во всём, куда ни глянь: в улыбках, жестах, взглядах, *прикосновениях*...

– Утром я получил ответ на отправленную чуть раньше телеграмму, – продолжал «неправильный Висмут». – После этой поездки я вернусь в Дивинил на «Почтовые линии». Меня там уже ждут.

Это пропустить мимо ушей не удалось.

– Что?! – воскликнула Сурьма. – Но как же так?!

Висмут молча смотрел на неё, смотрел не как обычно: взгляд был пронзительный и твёрдый.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал! Только не сейчас! Ты нужен мне, Висмут!

– Ты *можешь* меня остановить, – спокойствие в его голосе походило на тишину перед грозой – потрескивало от скрытого напряжения.

– Как?! Скажи, чем я могу тебя хотя бы задержать?!

– Ты *знаешь*.

Она застыла резко и неожиданно, словно попавший в смолу жучок. Замерло рваное, взволнованное дыхание, затихли тревожные барабаны в ушах. Взлетевшая рука так и не достигла губ, остановившись на полпути. В голове стало до ужаса тихо и пусто, словно весь рой разноголосо жужжащих там мыслей вылетел вон. Но одна всё-таки зацепилась: Никель был прав! Во всём! Но он ошибся, если считал, что ей достанет смелости, чтобы свернуть с предназначенного для неё пути...

Висмут стоял так близко и ждал ответа, и смотрел прямо на неё. Сурьма чувствовала себя зверьком на рельсах, попавшим в свет паровозного прожектора: ни убежать, ни спрятаться, ни свернуть во тьму. Хорошо, что он не произнёс *этот вопрос* вслух: пока слова не сказаны, они не так опасны. И этот *смысл* – пока ещё домысел. Можно даже притвориться, что и не могло быть никакого вопроса, особенно если выбор, которого этот вопрос от тебя потребует, ты сделать не в силах, как локомотив не в силах свернуть с кем-то проложенных рельсов, выбрать иной путь.

«Только бы он не сказал это вслух, только бы не сказал!» – стучало в висках Сурьмы, пока она пыталась выдать из себя ответ: не честный, но правильный...

– Я не могу, – наконец едва слышно выдохнула она.

Сурьма не поняла, что именно изменилось, но ей пока-

залось, что глаза Висмута погасли, словно выключились буферные фонари. Сейчас в них не было ни привычной мягкости, ни новой пронзительности. Осталась только какая-то чужая остекленелая отрешённость.

Он не ответил, только кивнул. А потом забрал из её рук мешочек с цилиндрами.

– Зароем эту тайну, Сурьма, как будто её и не было, – сказал он, и изогнувшийся уголок рта обозначил потрескавшуюся от внутреннего холода полуулыбку, – и мастер Полоний останется для мира не тем, кем он был на самом деле – раз уж на то была его воля, – и, прихватив лопату, Висмут отправился подальше от поезда, чтобы закопать звуковые цилиндры, а Сурьма стояла и смотрела в окно ему в спину.

«Я всё делаю правильно, – безуспешно убеждала она себя, – делаю то, что должна. То, чего от меня ждут».

Глава 27

Следующие три часа – последний перегон до Метаналья – прошли в молчании, и оно не было похоже на прежнее уютное молчание, когда и Сурьма, и Висмут заворачивались в кокон собственных размышлений, но не отгораживались друг от друга, а всё равно были вместе, словно пили вдвоём чай: чашка у каждого своя, но дело общее, объединяющее. Сейчас же молчание было неприветливым, как пустой необжитый дом, но в то же время каким-то более интимным: кокон теперь был один на двоих. Каждый догадывался о мыслях другого, и от этого знания становилось ещё неприятней: и спрятаться невозможно, и поделиться язык не повернётся.

Они прибыли в Метаналь, оформили бумаги. Висмут заканчивал дела с паровозом, а Сурьма, сидя в своём купе, размышляла, как же быть дальше.

Идти в город вместе, как прежде, казалось странным: ведь всё теперь не так, как прежде. Но и оставаться здесь, в этом маленьком вагоне, где друг от друга их отделяет лишь тонкая перегородка, и весь вечер ловить звуки движений и шорох шагов, безошибочно узнавая, кому из троих они принадлежат, и надеяться услышать голос, и бояться, что собственное сердце стучит слишком громко и это слышно в соседнем купе... Это было ещё мучительнее.

Её размышления прервал стук в дверь. На пороге стоял

Висмут в тёмно-синем сюртуке.

– Пойдём поужинаем? – просто спросил он, и догадаться, что тот их разговор не привиделся Сурьме, а был на самом деле, можно было лишь взглядевшись в потускневшие глаза Висмута.

«Зароем эту тайну, как будто её и не было».

– Сейчас переоденусь.

Это их последний вечер, завтра к закату они вернутся в Крезол. Потом Висмут уедет, а Сурьму ждёт давно запланированная жизнь. Давно распланированная.

Мами наверняка уже разобралась с большинством предсвадебных хлопот, и Сурьме останется разве что примерить платье, которое должно быть уже почти готово. Очень красивое платье: жемчужно-белое, узкое, с изящным, не слишком длинным шлейфом и кружевными рукавами... Астат одобрит. Но никогда не посмотрит на неё так, как смотрел Висмут. И не поцелует так, как мог бы поцеловать *он*.

Сурьма нахмурила брови, прогоняя навязчивую мысль. Но та и не думала сбегать окончательно: прыснула в сторону и притаилась где-то поблизости, в темноте под буфетом, как спугнутый со стола кот, выжидающий удобного момента, когда сливочник (или маслénка) вновь останется без призора.

Сурьму разрывало на части от поселившейся внутри солёной тоски и холодной, больше похожей на злорадство гордости за то, что смогла поступить *правильно*. Но раз уж она

принесла эту жертву: не свернула с намеченного пути, удержалась на стремительно раскачивающемся под ногами канате, не сорвалась в пропасть, вопреки законам притяжения, поспорила с собственным сердцем – и выиграла... Не заслужила ли она теперь хотя бы чуточку недостижимого, запретного, но такого необходимого? Хотя бы на секундочку! Ведь никто не узнает...

Они перекусили в ближайшем ресторанчике и пошли прогуляться по вечернему городу. Оба всё так же молчали, и это молчание, пусть неуютное, казалось, ещё больше сближало их. Они молчали об одном и том же.

Оживлённая, подсвеченная жёлтыми лампочками улица привела их к городскому парку. За его резной оградой по мощёным дорожкам прогуливались парочки, от дерева к дереву тянулись разноцветные огоньки, рассыпающие под ноги прохожим цветные пятна, откуда-то из глубины парка доносилась музыка, и они пошли ей навстречу.

У пруда были танцы. Молодые люди весело кружили своих партнёров в центре ярко освещённой площадки, и те то и дело заливались беззаботным смехом. Пары постарше степенно вальсировали в тени, ближе к деревьям. У самой кромки воды, на деревянном помосте, играл струнный квартет.

Сурьма подошла ближе к площадке, замороженно глядя на танцующих, но словно видя вместо них что-то другое,

положила ладони на деревянное ограждение, и рассеянный листво́й свет лампочек сливочными бликами упал на её лицо, подзолотив медные ресницы и полупрозрачные веснушки. Музыка закончилась, и кружащиеся пары остановились, хлопая музыкантам, а те, в свою очередь, поплодировали танцевавшим, легонько постукивая смычками по струнам. То тут, то там, словно фотографические вспышки, сверкали счастливые улыбки. Поблагодарив публику, квартет заиграл следующую мелодию.

– Окажешь мне честь? – Висмут протянул руку, и у Сурьмы словно что-то оборвалось внутри, но эта боль была и сладка, и мелодична, как звон рождественских колокольчиков.

«На прощание» – прочла она в его взгляде.

Сурьма вложила свою ладонь в ладонь Висмута, и они закружились в медленном вальсе в полумраке раскидистых дубов.

Может ли миг счастья быть столь острым? Таким, чтобы острее боли? Таким, чтобы на пару с болью закручивал душу тугими узлами, и уже невозможно разобрать, чего же хочется больше: рассмеяться или разрыдаться? Понятно лишь одно: в этом мире слишком мало воздуха, чтобы дышать.

Возвращались к поезду они всё так же молча. Немного не доходя до вагона – и до фонаря, слишком резко выхватывавшего предметы в реальный мир из химеричности, что

клубилась по ту сторону ночного мрака, Сурьма остановилась, развернулась лицом к Висмуту.

– Я не хочу отпускать тебя, – прошептала она.

Ответа не последовало. И было слишком темно, чтобы разобрать выражение его глаз: надежда? Понимание того, что не отпустить она не в силах? Или что-то ещё? Но он не отвернулся, не отодвинулся, выказывая желание уйти. Он стоял и смотрел на неё, чуть наклонив голову.

«Неужели я не заслужила хотя бы чуточку запретного, но такого необходимого?»

Сурьма шагнула ближе – хотя и так была уже слишком близко – положила ладонь на лацкан его сюртука.

Это их последний вечер.

– Оставь мне что-нибудь на память, – попросила она. – Необязательно вещь. Даже лучше, если это будет *не вещь*...

«Ведь никто не узнает...»

По тому, как она посмотрела на его губы, Висмут понял намёк.

«На прощание», – прочёл он в пронизывающем, молящем взгляде.

Несколько мгновений боролся с собой, рискуя уступить её просьбе. Осторожно взял Сурьму за руку. И, склонившись, поцеловал тыльную сторону ладони.

Сурьма закусила губу, чтобы не всхлипнуть от разочарования и щемящей тоски: «не заслужила. Даже чуточку...» Но в этом внешне церемонном, соответствующем строгим

правилам этикета жесте Висмута сквозило нечто иное, вовсе не похожее на сухую формальность.

Можно ли поцеловать руку и сдержанно, и страстно? Так, чтобы от места, где губы прикоснулись к коже, разбежались, словно круги по воде, волны дрожи? Чтобы сердце сбилось с ритма, и отчаянный всхлип всё-таки вырвался из груди?

Оказывается – можно.

Можно ли возненавидеть себя за избыточное послушание и ответственность, а *ego* – за чрезмерное благородство и порядочность?

Оказывается – можно.

Можно ли выдернуть нижний кирпич из нетвёрдо сложенных стен собственного жилища: признать правду, пока ещё не поздно, сказать её вслух? Выкрикнуть пусть уже и в удаляющуюся спину те слова, которые теснятся и толкаются в горле, словно большие круглые камни, грозя разорвать его в клочья, если их не произнести?

Оказывается – нельзя.

Можно ли перехитрить собственное сердце?..

Глава 28

А в Крезоле было всё по-прежнему, словно время остановилось, пока Сурьмы и Висмута не было в городе, и лишь с их возвращением потекло вновь. Всё было по-прежнему, вот только они прежними уже не были.

«Как на машине времени назад вернулись», – думала Сурьма, сдавая свои документы господину начальнику, приветствуя коллег, обнимая по возвращении домой родителей, Талли и... Астата. Он тоже был здесь. Маами, ежедневно справлявшаяся у господина начальника о том, по плану ли идёт поездка дочери и успевает ли она вернуться в срок, пригласила Астата на ужин в день возвращения Сурьмы. «Ты наверняка ужасно соскучилась, дорогая!»

Всё осталось по-прежнему, но всё стало не так.

В мастерских – сплошные любопытные взгляды, и в их прицеле нельзя было попрощаться как следует, а не просто принятым здесь кивком и парой слов. Может, именно поэтому Висмут и вовсе не стал прощаться. Они прибыли в самом конце рабочей смены, он сразу ушёл в кабинет к господину начальнику и не вышел оттуда до того времени, до которого могла задержаться в мастерских Сурьма, не вызывая лишних вопросов.

Дома – сплошные любопытные вопросы и яркие, слепящие глаза лампочки. Все вокруг жужжали, хохотали и дёр-

гали за рукав, и предлагали то жареную утку, то крем-брюле, и спрашивали-спрашивали-спрашивали... А ещё Астат: куда ни повернёшься – везде он! Было жарко и душно. Каждый вдох давался с трудом, словно в прокуренной комнате, хоть никто и не курил. А краткие, *вежливые* прикосновения жениха – к руке, к плечу, к спине – хотелось прихлопнуть, как назойливое насекомое, и потом стряхнуть с себя щелчком пальцев.

В груди пьезоэлектрическим резонатором вибрировало глухое раздражение, и Сурьма усмехалась краешком губ мыслям о том, что хорошо хоть *воспитанному и сдержанному* Астату не придёт в голову целовать её при родителях! Потому что сейчас не отплеваться от его холодных, рыбьих поцелуев будет сложно. И как она не замечала этого раньше?!

Улыбка получалась зловещей, но никто не обратил на это внимания: все увлеклись обсуждением предстоящей свадьбы, в которой Сурьма – сама собой разумеющаяся константа, делающая, думающая и желающая то, что в таких случаях положено.

И никому в голову не приходило, что сейчас она больше всего желала выплеснуть на собравшихся нетронутый пунш из своего бокала и огреть кого-нибудь круглой поварёшкой, торчащей из супницы. А потом сбежать подальше отсюда. К тому, чьи *вежливость и воспитанность* – не маска для вмёрзшей в позапрошлогодний лёд души, а тормоза, с трудом сдерживающие истинные порывы...

– Я помню, что Сурьма любит пионы, но, полагаю, розы в букете невесты куда как практичнее, да, душа моя? – сквозь гул резонатора в груди донёсся до Сурьмы знакомый голос, такой склизкий в своей деликатности, и перед внутренним взором из густой мутной подливки всплыл блестящий рыбий бок...

То, что она вскочила на ноги, Сурьма заметила только когда зазвенела вилка, нечаянно оброненная ею на пол. Какие-то злые слова переплелись друг с дружкой своими шипастыми хвостами и застряли в горле. Она хватала ртом воздух и не могла вытолкнуть ни одно из них, не могла даже разобрать, что конкретно за слова в этом шипящем клубке и кому они должны предназначаться.

– Что такое, милая? – безмятежно посмотрела на дочь госпожа Кельсия. – Тебе что-то положить? Для этого есть кушарка, незачем вставать самой.

Отец, напротив, глаз на Сурьму не поднял. Его взгляд остановился на её пальцах, дрожащих мелкой дрожью. Господин Нильсборий неспешно промокнул губы салфеткой:

– Друзья, давайте отпустим Сурьму отдохнуть, она слишком устала за эту поездку, да и время уже позднее. А мы тут насели на неё с организационными моментами. Обсудим всё завтра. Иди, милая, ляг спать пораньше!

Сурьма бросила на отца благодарный взгляд и, кажется, выдавила из себя какое-то вежливое прощание, а потом, метнувшись в свою комнату едва ли не бегом, заперла дверь

и упала на кровать, уткнувшись в подушку, чтобы заглушить рыдания. Но ни рыданий, ни даже тихого стона не вышло: в горле было горячо и пусто, словно в дымовой коробке угольного паровоза.

Она достала из кармана платок Висмута и, прижав его к губам, прошептала:

– Забери меня отсюда! И увези как можно дальше, пожалуйста! Я выросла во всё это, словно дерево в землю, и не могу сделать шаг... Не давай мне выбора, просто забери меня!

Следующие два дня у Сурьмы были выходными, и она провела их в постели, сказавшись уставшей. По всему дому разносились маменькины причитания о том, что до свадьбы осталось всего две недели, и у Сурьмы не так много выходных, чтобы подготовиться к этому событию *должным образом*, поэтому неразумно тратить драгоценное время на отдых, ведь ещё столько всего необходимо сделать *незамедлительно!*

К вечеру второго дня в спальню постучались, и Сурьма удивилась, услышав за дверью голос отца: он не заходил в её комнату лет десять.

Господин Нильсборий присел на краешек кровати и долго, внимательно смотрел на дочь серьёзными, полными скрытого беспокойства глазами.

– Скажи мне честно, Сурьминушка... Я вижу: что-то

не так. Ты сама не своя приехала из этой поездки. Скажи мне, пожалуйста, честно... Что случилось?

Сурьма промолчала, отвела взгляд и хотела даже перевернуться на другой бок, но отец сидел поверх одеяла, и сделать это было не так-то просто.

– Я же знаю, что никакой кухарки, а уж тем более горничной с вами не было, – вновь заговорил отец очень мягко, осторожно подбирая слова. – Я бы не отпустил тебя, но я имел разговор с твоим начальником, и он поручился... поручился за того мужчину.

Сурьма вновь глянула на отца, и в глазах её, до этого безразличных, мелькнул гнев.

– Я знал, что эта поездка важна для тебя, и решил – беды не будет. Но, девочка моя, если между вами там что-то произошло... Если тот мужчина как-то обидел тебя... Это моя вина.

– Что?! – Сурьма резко села в кровати, и напряжённо вздёрнутые плечи господина Нильсбория вмиг опустились: по лицу дочери он понял, что его страхи – сущий бред, причём для её напарника в высшей степени оскорбительный.

– Если бы ты знал... *его*, – Сурьма запнулась: произнести имя Висмута отчего-то не хватило духу, – то ни в жизнь не допустил бы подобных подозрений! Мне даже подумать об этом противно, папа! Оставь меня, пожалуйста, я хочу спать.

Отец вздохнул, медленно поднялся с кровати и направил-

ся к выходу. У самых дверей обернулся на дочь:

– Я рад, что твой напарник – достойный человек, – тихо и как-то виновато произнёс он, взявшись за дверную ручку.

– Он лучше всех! – сорвалось с языка, и Сурьма тут же прижала ладонь к губам, но слова уже выпорхнули и теперь кружили под потолком комнаты, звеня и переливаясь незнакомыми красками.

Приоткрывшаяся было дверь затворилась обратно. Нильсборий сделал шаг назад.

– Я не хочу об этом говорить! – предварила все его вопросы и предположения Сурьма. – Потому что говорить тут не о чем! – и, отвернувшись от замершей в нерешительности отцовской фигуры, с головой укрылась одеялом.

Господин Нильсборий ещё мгновение постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом вздохнул и вышел, тихонько притворив за собой дверь. Его девочка влюбилась. Влюбилась во взрослого, уже пожившего и, возможно, от этой жизни уставшего мужчину. Влюбилась отчаянно, со всей страстью, на которую способно её юное, неопытное сердце. И безответно...

Глава 29

Когда они вернулись в Крезол, перед самым концом смены Висмут поднялся к господину начальнику. Тот бросил на него неодобрительный взгляд поверх поднимающегося из трубки облачка дыма и пробурчал:

– Если ты думаешь, что я сумел найти тебе замену за те пару дней, которые прошли с твоей телеграммы, ты ошибаешься. Может, хоть на неделю ещё останешься?

Висмут молчал, заложив руки за спину, и по его виду было ясно: не останется. Господин начальник вздохнул, уставился в какие-то бумажки, разложенные перед ним на письменном столе.

– Я могу перевести тебя в другую бригаду, если девочка совсем довела.

– Я должен уехать, – неколебимо ответил Висмут, а потом, подумав, добавил: – не довела, – и голос предательски дрогнул.

Начальник пронизательно на него поглядел и изменился в лице, словно вместо Висмута увидел перед собой как минимум самого мастера Полония. Догадка, неверие, удивление, понимание и, наконец, сочувствие последовательно сменили друг друга в глазах под насупленными филиновыми бровями.

– Вот оно что! – протянул начальник. – Ну надо же...

Висмут стоял перед ним, не отводя взгляда, и чувствовал себя, словно на медосмотре. Ещё чуть-чуть – и поставят диагноз. Но начальник ещё раз вздохнул и нехотя подписал одну из бумаг, протянул её Висмуту:

– За расчётом завтра к бухгалтеру подойди. Сейчас он уже ушёл.

Висмут кивнул, забирая бумагу.

– Эка тебя угораздило, – посочувствовал начальник. – А она... что?

– Выходит замуж, – бесстрастно ответил Висмут.

Начальник, невесело кивнув, пару секунд молча попыхивал трубкой, задумчиво глядя куда-то сквозь Висмута. Потом вновь вздохнул – ещё горше прежнего, пряча огорчение под сурово сдвинутыми к переносью бровями.

– Она ещё такая молоденькая! Вот уж я не думал, что так может... Ну надо же!

На следующее утро Висмут забрал расчёт, а вечером они с Празеодимом, Рутением и господином Цезием сели в поезд до Дивинила. В купе было душно, оконную раму, как назло, заело, и проветрить не было никакой возможности, а открыть дверь не позволил Празеодим. Старик вообще был не в духе с самого утра, но не как обычно, когда он начинал донимать всех своими шалостями, а иначе.

Его лицо стало особенно сурово, все черты заострились,

а резкие морщины залегли ещё глубже. Бывший мэр недвижно сидел в уголке, отвернувшись к окну, скрестив руки, закинув ногу на ногу, и лишь тощая лодыжка, торчащая из светло-серой брючины, иногда дёргалась в такт постукиванию вагонных колёс.

В неровном свете жёлтого фонаря он казался каким-то плоским, неживым, нарисованным на мятом куске бумаги. Таким отца Висмут не помнил, а Рут и вообще видел впервые, поэтому ни тот, ни другой лишний раз его не трогали, так как не знали, чем в итоге может обернуться подобная сердитость.

Спустя пару часов, проведённых в молчании, Празеодим утомился.

– Почему мы едем без Сурьмы? – скрипуче поинтересовался он. – Я думал, вы будете жить вместе – долго и счастливо. – Дед смерил полным пренебрежения взглядом сидящего напротив Висмута. – Ну, может, не слишком долго, учитывая твои годы...

В ответ Висмут лишь с неприязнью посмотрел на отца.

– Почему ты не взял её с собой? – не унимался Празеодим. – Отвечай, когда отец тебя спрашивает!

– Потому что она выходит замуж. За другого.

Старик пристально поглядел на сына, покачал тощей лодыжкой:

– А не будь ты дураком, выходила бы за тебя, – ядовито резюмировал он.

Все дни слились в череду какого-то мельтешения, которое вроде бы и касалось Сурьмы, но никак её не затрагивало. Она словно находилась в мутном вязком коконе, и всё, что происходило вне этого кокона, было размытым и приглушённым. А внутри остался лишь саднящий жар в горле да чувство, что в грудь натолкали комков мятой бумаги.

Сурьма плыла по течению не сопротивляясь, брюхом кверху, как оглушённая рыба. Выйдя на работу в следующую после выходных смену, Висмута она там уже не застала. Он уехал. Они так и не попрощались... Всё исчезло. И теперь оставалось лишь захлёбываться и отрешённо вздрагивать, когда несущий поток бил её об очередную корягу примерки свадебного платья или дегустации торта.

К концу второй недели, перед самой свадьбой, Сурьма впала в такую глубокую апатию, что требовалось позвать её по имени трижды, а иногда даже тронуть за руку или похлопать по плечу, чтобы она услышала обращённые к ней слова.

Госпожа Кельсия умилялась «мечтательности» своей дочери, а её покрасневшие глаза оправдывала исключительно предсвадебными переживаниями. «Ах, девушки всегда находятся на грани нервного срыва и не спят ночами перед таким событием!»

Господин Нильсборий украдкой бросал на дочь долгие тревожные взгляды и болел за неё всем сердцем, но помочь

ничем не мог: если бы лекарство от безответной любви существовало, он бы отыскал его ещё четверть века назад.

– Чёрт знает что такое! – вздохнул господин координатор маршрутов дивинильской конторы «Почтовых линий» и бросил на стол листок, заверенный печатями. – И так по одному пробуждающему на дальних маршрутах ездит, так и те разбегаются, как тараканы! – Он навис над документом, упершись костяшками пальцев по обе стороны от него, поднял раздражённый взгляд на стоящего перед ним Висмута. – Твой маршрут откладывается. Не смотри на меня так – я не знаю, на сколько! Не в моих интересах тянуть с доставкой почты, сам понимаешь, но свободных пробуждающих у меня нет, а твой чёрт небритый попался вчера по пьяни и теперь, скотина, на четыре месяца лишён допуска! – Господин координатор плюхнулся в жалобно скрипнувшее под ним кресло. – Найди себе пробуждающего, а, господин Висмут? – жалобно поглядел он на собеседника. – Я уж даже на недоучку какого согласен, лишь бы нормы движения тянул да – самое главное – не пил! М-м, нет никого на примете?

Висмут развёл руками.

– Ладно, – вздохнул господин координатор, – попробую что-то с графиками покудесничать... По полтора пробуждающих на два маршрута, чёрт вас всех дери! А ты возьми, что ли, выходной на завтра. Чего тебе штаны в конто-

ре просиживать? На маршрут всё равно раньше, чем через два дня, вывести не сумею. Ладно, иди уж, не стой над душой немым укором, – господин координатор отослал Висмута вялым взмахом руки и вновь безрадостно уставился в графики движения почтовых поездов, запустив обе пятерни во взъерошенные волосы.

Дома Висмута ждал исполнительный Рутений со свежесваренными щами (уже даже почти не пересоленными) и кислотицый Празеодим.

Ужинали молча, только тихонечко поскрипывала хриплым голосом возмущённая крыса, которую гонял от своей тарелки вредный дед, не позволяя выловить из неё морковные кружочки. Висмут был мрачнее и задумчивей обычного.

– Чего смурной такой? – в крысиной тональности проскрипел Празеодим. – Никак, завтра уже?

– Что – завтра? – спросил Рут, когда пауза затянулась, и, поймав взгляд Висмута, прикусил язык.

– Я бы на твоём месте поехал в Крезол и расстроил им всю эту клятую свадьбу к собачьей кочерыжке! Слышишь? Висмут? К тебе обращаюсь!

– Ты лучше на своём месте доедай молча и иди к себе.

– Ишь ты, раскомандовался! Сурьмой своей бы так командовал! Доедай, мол, да иди за меня замуж, а не за этого своего... дракона захиревшего, без пузырьков который!

Висмут хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнули бокалы.

– От как умеет, ты гляди, – шепнул дед Рутению так, чтобы и Висмут на том конце стола обязательно услышал, – нет, чтобы так же доходчиво мысль свою сформулировать для девочки! А то ведь только запутал её всю, заморочил, да и был таков.

По щекам Висмута пошли белые пятна, державшие салфетку пальцы сжались в кулак так, что хрустнули костяшки.

– Рутений, – произнёс он, и спокойствие в голосе напугало мальчишку до мокрых ладошек, – уйди к себе.

Дважды просить не пришлось: парень выскочил из-за стола, подхватил свою крысу и бегом умчался вверх по лестнице. Через секунду на втором этаже хлопнула дверь.

– И что? – невозмутимо поинтересовался Празеодим. – Бить будешь? Конечно, у тебя всегда отец виноват в том, что ты просрал все шансы!

Висмут скрипнул зубами и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но старик резко изменился в лице, словно всё его ехидство вдруг стёрли влажной тряпочкой. Он наклонился ближе к сыну, положив локти на стол, и в глазах мелькнула даже не злость, – ярость.

– Допустим, в первый раз и правда моя вина, – прохрипел он низким, изменившимся голосом, – ты был молодой спесивый дурак, стремившийся доказать миру, что чего-то да сто́ишь. Но сейчас ты взрослый мужик, Вис, какого чёрта ты

отпускаешь её просто так к какому-то сопляку, которого она не любит, который ей не пара?

Пальцы Висмута медленно отпустили скомканную салфетку, острые ледяные обломки в глазах подтаяли.

– Я тоже ей не пара.

– Но она тебя любит! Это даже крысе Рутовой понятно! И уж если кто и сможет сделать её счастливой (Сурьму, не крысу!), так это ты. Позволь ей самой решить, кто ей пара, а кто – нет.

– Она мне отказала.

– А что ты ей предложил?

Седые брови изогнулись с вопросительной подковыркой, и Висмут задумался: а ведь он и правда не предложил ей ровным счётом ничего! Старик без труда разгадал причину озадаченности, появившейся на лице сына.

– Брось, Вис, дурак здесь только ты, на других свалить не получится! Неправильно заданный вопрос лишил её возможности выбора. А незаданный – не предоставил выбора вовсе.

Минуты две они неотрывно смотрели друг на друга в полнейшей тишине, а потом дед побарабанил кончиками пальцев по столу:

– Она же девочка совсем, глупо надеяться, что у неё хватит духу прыгнуть в пропасть без уверенности, что ты её поймал. Что ты вообще готов её ловить. Эх, я бы на твоём месте...

Висмут, не дослушав, подскочил со стула и, схватив с вешалки в коридоре сюртук, вылетел из дома.

– За мальчиком и крысой я пригляжу! – хрипло каркнул ему вслед Празеодим.

Глава 30

Сурьма ойкнула и выронила букет, прижала к губам указательный палец, слизывая с него капельку крови.

– Почему с цветов не срезаны шипы?! – возмутилась госпожа Кельсия, подхватив букет с пола. – Что за безобразие?! А если бы кровь попала на платье?! Не волнуйся, милая, я сейчас всё улажу, а ты пока припудри носик ещё разок, а то веснушки слишком заметны, – обратилась маменька уже к Сурьме, выходя из задней комнатки, отведённой в церкви для приготовлений невесты. – Господин Нильсборий! Господин Нильсборий, где вы? – гулко раздалось уже из церковного коридора. – Куда вы подевались, вам скоро вести дочь к алтарю!

Оставшись одна, Сурьма подошла к большому, в полный рост, зеркалу, посмотрела на отражение медноволосой девушки в белом платье и длинной воздушной фате, приколотой к тонкому венку в искусно уложенной причёске. Девушка в зеркале была бледнее и тоньше Сурьмы, на щеках её вместо румянца Сурьмы горели яркие пятна, какие бывают при температуре, и глаза её вместо счастья невесты сверкали непролившимися слезами, но веснушки у них с зеркальным двойником были общие.

Сурьма взяла с высокого трёхногого столика салфетку и, окунув её в кувшин с водой, дочиста стёрла с лица пуд-

ру. Веснушки зазолотились ещё ярче. Трёхногий столик поплыл куда-то в сторону вместе со стоящим на нём кувшином и брошенной салфеткой, стены и без того тесной комнатки неотвратимо поползли на Сурьму, тонкая нить жемчуга на шее превратилась в удавку. Нужно выйти на воздух, немедленно!

Подобрав длинный подол, цеплявшийся за мыски расширенных бисером туфель, Сурьма вышла через узенькую дверцу на задний двор церкви, сделала пару глубоких вдохов: при каждом казалось, что жемчужинки впивались в её кожу чуть не до крови.

Было пасмурно и прохладно, и так хотелось, чтобы пошёл дождь!.. Закрыв глаза, она подняла лицо к небу и застыла, ожидая, что вот-вот крупные холодные капли упадут на её лоб и пылающие щёки, зашуршат по листьям розовых кустов, растущих вдоль ведущей к калитке дорожки. Но вместо дождя почувствовала на себе чей-то взгляд.

Открыла глаза, с трудом возвращаясь в этот мир. За низенькой зелёной оградой заднего церковного двора стоял Висмут.

Сердце ухнуло вниз, земля дёрнулась под ногами, глаза заволокло серебристым маревом, розовые кусты двинулись мимо Сурьмы, словно железнодорожный состав. Ещё миг – и она налетела на Висмута, неожиданно оказавшегося слишком близко – ближе, чем она ожидала, вскинула руки, обвинила его шею. Он хотел что-то сказать, но вместо этого поце-

ловал её.

Сердце бухнуло один раз и, кажется, остановилось. Как остановился и весь мир вокруг – замер, а потом просто исчез. Не осталось ни вымощенной камнем дорожки под ногами, ни медоточивого аромата розовых кустов, ни нависающих сверху лиловых туч. Были только сухие горячие губы и сильные руки, и насквозь пронизывающий, будоражащий запах креозота, и упоительный, бесконечный поцелуй...

– Не выходи за него, – выдохнул Висмут, и эти слова вернули на свои места и вымощенную камнем дорожку, и аромат розовых кустов, и низкие тучи.

Ладони Сурьмы соскользнули с его плеч.

– Я не могу, – произнесла сипло, едва слышно, – у меня нет выбора.

– Есть.

Что-то блеснуло на границе поля зрения. Сурьма опустила глаза и встретила с сотней мельчайших своих отражений в гранях прозрачного камня: Висмут держал в руке кольцо.

– Ах вот вы где! – пронзительно раздалось из-за спины раньше, чем Сурьма успела осознать произошедшее. – Господин Нильсборий, Сурьма! Все уже собрались и ждут! – Госпожа Кельсия скорым шагом подошла к дочери. – А вы кто такой? – глянула она на Висмута. – Впрочем, неважно! Если вы приглашены, будьте добры, войдите через главные двери и займите свободное место. Сурьма, пойдём, все ждут лишь тебя! – Она сунула в руки дочери свадебный букет

и потянула её прочь.

Настойчиво увлекаемая маменькой к церкви, Сурьма отлепила потрясённый взгляд от кольца и подняла глаза на Висмута.

– Сурьма! – одними губами позвал он.

– Господин Нильсборий! Ведите дочь к алтарю! – скомандовала Кельсия, сунув руку Сурьмы под отцовский локоть, и подтолкнула мужа ладошкой в спину, смахнув с его пиджака невидимую соринку.

И Нильсборий повёл оглушённую, онемевшую, растерянную Сурьму в церковь. Он видел, с какой безысходной тоской она оглянулась на того мужчину – видимо, *того самого*.

А сам Нильсборий, судя по всему, в выводах ошибся! Этот поцелуй, свидетелем которого он нечаянно стал, и взгляд, которым этот мужчина смотрел на Сурьму, не вписывались в его прежнюю теорию о безответной любви дочери.

Затворив дверь на улицу, Кельсия стряхнула невидимые соринки с белоснежного платья невесты, ещё раз поправила тонкий венок в её волосах.

– Ну всё, с Богом! – кивнула маменька и вышла из комнаты.

За дверями застучали её торопливые шаги – Кельсия спешила занять своё место на церемонии раньше, чем начнёт петь хор.

Сурьма стояла перед высокими двустворчатыми дверьми, отделявшими её от Астата и новой жизни, – словно марципановая фигурка на верхушке свадебного торта: такая же белая, такая же неподвижная. Рука в шёлковой перчатке безжизненно висела, перекинута через отцовский локоть. Господин Нильсборий покосился на дочь. Нежно и переливчато запел хор. Мальчик-служка распахнул двери. Нужно было переступить порог, но ноги вросли в мраморный пол, а сердце осталось на заднем дворе церкви...

– Пойдём? – шёпотом спросил отец. – Или... нет?

Сурьма не ответила. Кажется, она даже не слышала вопроса. Стояла и смотрела перед собой, не видя длинный проход, украшенный цветами, вдоль которого собрались гости.

Хор пел. Невеста не шла. Дамские шляпки начали тревожно вертеться, выглядывая из толпы. Господин Нильсборий сделал неуверенный шаг вперёд, и Сурьма послушно шагнула вместе с ним.

– Знаешь, дорогая, – тихо шепнул ей отец, – твоё счастье для меня дороже всего на свете.

Шаг.

– И для матушки тоже.

Ещё шаг.

– Дороже дома и всех на свете богатств.

Шаг.

– Мы твои родители, и полагаем, что смыслим в этой жизни чуть больше.

Ещё шаг.

– Но даже мы не можем знать, что для тебя будет истинным счастьем.

Шаг.

– Это знаешь только ты.

«Да что же так долго-то!» – ёрзала на своём месте госпожа Кельсия. «Почему идут так медленно?» – заволновался вытянувшийся в струнку Астат.

– Поэтому никто, кроме тебя, – продолжал отец, – не может сделать правильный выбор.

Шаг.

«Долгое будет венчание, – мысленно вздохнул отец Молибден, – а у меня ещё следом крещение...»

Сурьма молчала и, казалось, даже не дышала. Смотрела прямо на Астата и не видела его, хотя тот был уже совсем рядом.

– Правильный выбор, – едва слышно произнёс Нильсборий, – он не здесь. – Прикоснулся двумя пальцами свободной руки к виску, словно поправил волосы.

Шаг.

– Он здесь. – Дотронулся до своей груди напротив сердца, а потом опустил ладонь на руку дочери, лежащую на его локте.

Шаг. Последний перед алтарём.

Нильсборий посмотрел на дочь, в её остекленевшие, отрёшенные глаза. Выждал несколько секунд. Дольше, чем по-

ложено. А потом передал её руку в белой перчатке Астату.

Заждавшийся и уже заскучавший отец Молибден не сдержал облегчённого вздоха, Астат – выхолощенной улыбки.

Слова священника прошли мимо сознания Сурьмы.

– Кольцом моим я сочетаюсь с тобою, – начал жених, и гладкий металл обжёг своим прикосновением безымянный палец невесты, – пред Богом, священником и людьми клянусь, – продолжил Астат, но Сурьма не слышала конца его фразы.

Мальчик-служка поднёс бархатную подушечку с кольцом, которое невеста должна надеть на палец жениха. Она смотрела на кольцо вечность или чуть дольше. Гости занервничали. Отец Молибден в своих многоярусных облачениях вспотел. Астат натянуто улыбался, не сводя с Сурьмы холодного требовательного взгляда.

– Кольцом моим я сочетаюсь с тобою, – непослушными губами выговорила она и перевела взгляд на стоящего в первом ряду отца.

Кажется, за последние полчаса господин Нильсборий похудел килограммов на пять, даже щёки ввалились, а под глазами обозначилась темнота. Он посмотрел на дочь и медленно прикоснулся к своей груди напротив сердца.

– Пред Богом, священником, – продолжила Сурьма, – и людьми...

Повисла долгая пауза. Жених и невеста смотрели друг на друга, и взгляд обоих был непроницаем.

– Клянусь, – шёпотом подсказал отец Молибден.

– Каюсь, – не к месту произнесла Сурьма, оборачиваясь на священника, – простите меня, отче, я согрешила! Ложью и притворством, – выдохнула она, а потом перевела глаза на Астата. – Я не люблю тебя. Никогда не любила.

Приклеенная улыбка жениха не изменилась. Только взгляд стал ледяным и колючим.

– Какая разница, – прошипел он сквозь эту приклеенную улыбку, – у нас уговор!

– Я не могу стать твоей женой.

Кольцо выпало из рук Сурьмы и зазвенело по мраморному полу в душевой, непроницаемой тишине, но никто, кроме Нильсбория, не услышал, как в этой тишине огромной скалой обрушилась тяжесть с души Сурьмы...

Пробуждающего на маршрут найти так и не удалось, поэтому Висмут вновь сидел без дела в будке машиниста. Выходной он брать не стал – уж лучше здесь, чем там, дома, под скорбными взглядами этих двоих... Трех, если считать крысу. Дверь была распахнута настежь, и в будку лилось тёплое августовское солнце. Вдалеке закричали:

– Нет, вот тот локомотив, тот, что правее! Да, да! Верно!

Висмут не обратил на это внимания, пока через минуту чьи-то шаги не зазвенели по ступеням, ведущим в будку машиниста *его* локомотива. Шаги лёгкие, торопливые – явно

не господин координатор. Очень знакомые шаги...

Висмут вскочил на ноги и впился напряжённым взглядом в дверной проём, в котором через секунду появился сначала белый цилиндр с синими пёрышками, а затем и вся Сурьма в своём васильковом платье с белым корсетом.

– Здравствуй, – она запыхалась и раздурманилась, глаза её лихорадочно блестели, а на губах играла чуть подрагивающая улыбка.

«Что ты здесь делаешь? Как ты тут оказалась? Зачем ты меня нашла?» – вспыхнуло в голове Висмута, но вместо этого он почему-то спросил:

– Ты одна?

– А с кем я должна быть? – удивилась Сурьма.

– С мужем.

– Свадьбы не было, – она сделала шаг к Висмуту, стягивая с рук кружевные перчатки, – и теперь такая морока возвращать всем подарки! Я пришла вернуть тебе твой. – Сурьма посмотрела серьёзно и как-то испуганно.

– Но я ничего не...

Договорить он не успел: Сурьма шагнула ещё ближе и поцеловала его отчаянно и страстно.

Опешив, Висмут несколько мгновений позволял ей целовать себя, но потом перехватил инициативу.

Прижавшись лбом к её лбу, прошептал:

– Не стоило возвращать... Пусть он побудет у тебя.

Висмут почувствовал под своими губами её улыбку и стук

её сердца о его грудь.

В залитой тёплым августовским светом будке машиниста он целовал её веки, её длинные ресницы цвета тёмной меди, высвеченные солнцем до золотистой полупрозрачности на самых кончиках, и её смеющиеся веснушки – одну за другой, все до единой. Целовал и не мог остановиться.

Дыхание сбивалось, счастье искрилось и шипело, и не помещалось в груди. На губах стало солоно.

– Ты чего? – тёплым шёпотом спросил Висмут, ласково стирая с её щёк слёзы.

– Я... чуть не потеряла тебя, – ответила Сурьма, улыбаясь сквозь слёзы, – я так испугалась! Там, на вокзале Крезола, под этим чёртовым ливнем, когда опоздала на твой поезд... Я боялась, что уже поздно, и я слишком долго молчала, а ты, – она всхлипнула, – ты не захочешь знать меня после... после...

И он ещё крепче прижал её к себе:

– Я люблю тебя, дурочка! Ты никогда меня не потеряешь.

– Это что тут такое происходит, позвольте поинтересоваться? – раздался от дверей удивлённый зычный голос.

– Господин координатор, – Висмут улыбнулся начальнику поверх головы Сурьмы, не выпуская девушку из объятий, – я нашёл отличную пробуждающую! Сильную и с золотым дипломом.

– А-а-а, – многозначительно протянул зависший на верхней лестничной ступеньке координатор маршрутов, – так

у вас тут... собеседование! Что ж, не буду мешать, – он полез вниз, и, уже спустившись, крикнул: – жду вас у себя в кабинете, госпожа пробуждающая, через десять минут со всеми документами! Господин Висмут проводит. И не увлекайтесь там... Кхм... В смысле – не задерживайтесь!

– Поедешь со мной в самый длинный почтовый маршрут? – шёпотом спросил Сурьму Висмут и почувствовал, как она кивнула, уткнувшись мокрым, наверняка пунцовым, но очень счастливым лицом ему в плечо.